ПБ
10
Е-52
Еллинек Г.
Соц-этическое значение права.
...
М. 1910 г.

ПБ
10
Е 52

Г. ЕЛЛИНЕКЪ.

СОЦІАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПРАВА, НЕПРАВДЫ и НАКАЗАНІЯ.

Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія
И. И. Власова,

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
ПРОФ. П. И. НОВГОРОДЦЕВА.

ИЗДАНІЕ
Н. Н. КЛОЧКОВА.

Изданія Н. Н. Клочкова.

Имѣются во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ слѣдующія книги:

А. Бебель. Изъ моей жизни (мемуары). Перев. съ рукописи подъ ред. Н. Рязанова. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.

Э. Беригеймъ. Философія исторіи. Переводъ съ нѣмецкаго прив.-доц. А. А. Рождественскаго. Ц. 40 к.

Л. Дюги. Соціальное право, индивидуальное право и преобразованіе государства. Перев. прив.-доц. А. С. Ященко, съ предисловіемъ проф. **А. С. Алексѣева.** Ц. 50 к.

Г. Еллинекъ. Адамъ въ ученіи о государствѣ (Библейское преданіе и политич. теоріи). Пер. С. Роговина. Ц. 20 к.

Г. Еллинекъ. Парламентъ и правительство въ Германіи. Съ предисл. пр.-доц. **А. А. Рождественскаго.** Ц. 35 к.

Г. Еллинекъ. Соціально-этическое значеніе права, неправды и наказанія. Пер. подъ ред. пр.-доц. А. А. Рождественскаго съ предисл. проф. **П. И. Новгородцева.** Ц. 1 р.

Н. Макіавелли. Князь. Переводъ съ итальянскаго С. М. Роговина. Ц. 60 к.

П. Наторпъ. Философія, какъ основа педагогики. Съ предисловіемъ **Г. Г. Шпетта.** Ц. 80 к.

Ж. Паланть. Очеркъ соціологіи. Пер. съ франц. подъ ред. съ предисл. проф. **А. С. Ященко.** Ц. 85 к.

Памяти В. А. Гольцева. Сборникъ подъ редакціей А. А. Кизеветтера. Ц. 1 р. 75 к.

Р. Шельвинъ. Максъ Штирнеръ и Фридрихъ Ницше. Пер. съ нѣм. Н. Н. Вокачъ и И. А. Ильина. Ц. 50 к.

Складъ изданій для Москвы: книжный складъ Бр. Башмаковыхъ, Мясницкая, 26.

Складъ изданій для С.П.Б.: книжный магазинъ „Пр Владимірскій, 19.

ПБ
10
Е 52

Георгъ Еллинекъ,
ПРОФ. ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

СОЦІАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПРАВА, НЕПРАВДЫ и НАКАЗАНІЯ.

Переводъ **И. И. Власова** со второго, просмотрѣннаго авторомъ изданія, подъ редакціей прив.-доц. **А. А. Рождественскаго,**

съ предисловіемъ

проф. П. И. Новгородцева.

Изданіе Н. Н. Клочкова.

МОСКВА
1910.

3170

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ
№ 46136 (п)

620 634

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтык. п., д. Т—ва, № 9.
1910.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе къ русскому переводу проф. **П. И. Новгородцева**.... V

Предисловіе ко 2-му изданію..... VIII

Введеніе.

Соціальная наука..... 1

Глава первая.

Соціальная этика..... 19

Глава вторая.

Право..... 48

Глава третья.

Неправда..... 64

Глава четвертая.

Наказаніе..... 103

Предисловіе къ русскому переводу.

Въ предисловіи ко второму изданію своей книги Еллинекъ отмѣчаетъ, что со времени ея перваго появленія (въ 1878 г.) смѣнилось цѣлое поколѣніе. Тридцать слишкомъ лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ, составляютъ цѣлую эпоху въ развитіи общественныхъ наукъ. Если, однако, нѣмецкій издатель настойчиво побуждалъ автора къ переизданію его старой работы, то въ этомъ едва ли слѣдуетъ видѣть только дань вниманія ко всему, что написалъ когда-либо знаменитый ученый. Предлагаемая читателю книга Еллинека имѣетъ не только историческій интересъ. Наряду съ очевидными слѣдами уже пережитыхъ воззрѣній, мы находимъ въ ней положенія, сохранившія свою силу и получившія прочное значеніе въ наукѣ.

Еллинекъ указываетъ, что его книга „стоитъ на грани двухъ эпохъ въ разсмотрѣніи затронутыхъ въ ней проблемъ: эпохъ спекулятивнаго и реалистическаго разсмотрѣнія“. Эта характеристика удачно подчеркиваетъ переходный характеръ, которымъ отличается настоящее изслѣдованіе Еллинека. Онъ остается здѣсь въ значительной мѣрѣ на почвѣ отвлеченныхъ разсужденій, не подкрѣпленныхъ еще тѣмъ богатымъ и глубокимъ изученіемъ положительнаго матеріала, которое составляетъ столь сильную сторону его позднѣйшихъ произведеній. Для самого автора работа эта имѣла переходное значеніе: она составляетъ какъ бы промежуточное звено ме-

жду его первыми философскими опытами („Die Weltanschauungen Leibnitz' und Schopenhauer's". 1872, — „Die Beziehungen Goethe's zu Spinoza", 1878) и позднѣйшими юридическими изслѣдованіями, прославившими его имя.

Переходный характеръ работы Еллинека отразился на нѣкоторой неясности его философскихъ положеній. Эту неясность слѣдуетъ, прежде всего, отмѣтить въ его вступительныхъ главахъ: во введеніи, гдѣ опредѣляется соціальная наука, и въ первой главѣ, гдѣ опредѣляется соціальная этика. Заслуживаетъ всякаго вниманія попытка Еллинека сблизить соціальную науку съ психологіей. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ указаніямъ Гербарта и тѣмъ идеямъ, которыя развивались въ извѣстномъ журналѣ Лацаруса и Штейнталя: „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft". Но мы тщетно ищемъ у Еллинека болѣе точныхъ опредѣленій въ этомъ отношеніи. Тѣ болѣе тонкія и глубокія стороны вопроса о соотношеніи психологіи и соціологіи, которыя выдвинуты были позднѣе блестящимъ анализомъ Зиммеля, у Еллинека даже не затрогиваются и, повидимому, не предполагаются. Не ясно также и проводимое имъ различеніе путей спекулятивной и эмпирической этики; не видно, въ какой мѣрѣ авторъ примиряетъ философскій апріоризмъ и эволюціонное созерцаніе. Мѣстами кажется, что онъ готовъ оставить открытымъ вопросъ о спекулятивной этикѣ, и обращая свое вниманіе на эмпирическія *проявленія* нравственнаго закона, хочетъ оставить разсмотрѣніе его *существа* внѣ круга своего разсмотрѣнія. Въ другимъ случаяхъ онъ отзывается о спекулятивно-этическомъ разсмотрѣніи съ рѣшительнымъ отрицаніемъ и пытается объяснить безусловный хараректеръ морали внѣшними условіями ея развитія.

Извѣстная эклектическая неясность философскихъ положеній осталась характерной чертой Еллинека и до настоящаго времени; но она особенно замѣчается въ его

ранней работѣ, по существу своему болѣе отвѣтственной въ философскомъ отношеніи.

Несмотря на общую философскую незаконченность, книга Еллинека содержитъ много очень цѣнныхъ указаній. Не опасаясь преувеличенія, можно сказать, что она необходима для каждаго, занимающагося вопросами общей теоріи права. Послѣднія главы—о неправдѣ и наказаніи — имѣютъ интересъ и для спеціалистовъ по уголовному праву.

П. Новгородцевъ.

Предисловіе ко второму изданію.

Лишь послѣ долгихъ колебаній уступилъ я настояніямъ издателя напечатать новое изданіе этой работы. Впервые она появилась тридцать лѣтъ тому назадъ, спустя нѣкоторое время послѣ ея написанія. Рѣшеніе издать подобнаго рода работу послѣ того, какъ смѣнилось цѣлое поколѣніе, ставитъ передъ авторомъ дилемму: или написать совершенно новую книгу, или оставить старую безъ измѣненій. Я избралъ послѣднее, предпринявъ лишь небольшія измѣненія, по большей части формальнаго характера.

Эта книжка можетъ представлять нѣкоторый интересъ и въ настоящее время. Она стоитъ на грани двухъ эпохъ въ разсмотрѣніи затронутыхъ въ ней проблемъ: эпохъ спекулятивнаго и реалистическаго разсмотрѣнія, при чемъ она содѣйствовала въ свое время переходу отъ одного къ другому. Это была первая нѣмецкая работа, въ которой отразилось стремленіе понять связь между преступленіемъ и наказаніемъ, какъ соціальными явленіями, и тѣмъ самымъ она отмѣчаетъ тотъ путь, по которому пошла три десятилѣтія тому назадъ современная наука. Иное, что тогда было новымъ, представляется теперь общеизвѣстнымъ и даже тривіальнымъ. Съ другой стороны, книжка снова подтверждаетъ, какъ медленно совершается прогрессивное движеніе науки. Литература вопроса стала съ тѣхъ поръ безконечно богаче и многостороннѣе, проблемы же, какъ и ихъ рѣ-

шенія, остались старыми,—выводъ въ одно и то же время и грустный и утѣшительный. Символомъ человѣческаго знанія служитъ не прямая линія, ведущая въ безконечность, а кругъ, возвращающійся къ исходной точкѣ.

Взгляды на методъ и цѣль изслѣдованія у меня съ теченіемъ времени измѣнились. Но многимъ изъ развитыхъ мною тогда основныхъ положеній я остался вѣренъ всю жизнь. Я не вижу также, чтобы мой опытъ рѣшенія проблемы о наказаніи былъ съ тѣхъ поръ замѣненъ лучшимъ.

Не только цѣлыя книги, но и отдѣльныя мысли имѣютъ иногда свою судьбу. Вызвавшее оживленное обсужденіе мое опредѣленіе права, какъ этическаго минимума, распространилось настолько, что стало крылатымъ словомъ, и уже приписывается, поэтому, другимъ авторамъ. Очень недавно оно цитировалось даже въ качествѣ извѣстнаго изреченія Шопенгауэра [1]), за что я здѣсь, пользуясь случаемъ, выражаю признательность.

Гейдельбергъ, 17 іюля 1908 г.

Георгъ Еллинекъ.

---

[1]) Erich Jung, „Positives“ Recht, 1907, стр. 24.

ВВЕДЕНІЕ.

Соціальная наука.

Это — старая, часто повторявшаяся жалоба, что тѣ отрасли знанія, которыя въ какой-либо формѣ имѣютъ своимъ содержаніемъ или въ качествѣ предпосылки психическую жизнь человѣка, не въ состояніи дойти до общеобязательныхъ, неоспоримыхъ истинъ. Въ то время, какъ изслѣдователь царства природы сталъ уже пророкомъ и предсказываетъ на цѣлыя тысячелѣтія впередъ неизмѣнный ходъ планетъ, въ то время, какъ взору мыслителя открылись тайна теченія ручья, сущность строенія кристалла, силы, вызывающія пульсацію сердца,—работа мышленія въ тѣхъ областяхъ, гдѣ должно имѣть въ виду или исключительно или въ качествѣ одного изъ факторовъ наше собственное бытіе, представляетъ безрадостную картину громаднаго числа болѣе или менѣе хорошо изученныхъ фактовъ и почти такого же необозримаго количества мнѣній и воззрѣній, каждое изъ которыхъ считаетъ себя исключительно призваннымъ къ тому, чтобъ привести въ полный порядокъ собранный матеріалъ и овладѣть имъ. Какъ двѣ части свѣта, раздѣленныя океаномъ, противостоятъ одна другой наука о природѣ и наука о духѣ, различныя по языку, образу мыслей и формѣ правленія; въ области первой—полное благоустройство и дружный трудъ, повышающій благосостояніе частей и цѣлаго; въ другой—

непрекращающаяся анархія и постоянная гражданская война между партіями различныхъ оттѣнковъ, которыя спорятъ за преобладаніе. Въ недавнее время отрядъ смѣльчаковъ изъ той счастливой страны переправился черезъ море, чтобъ покорить раздираемое безконечной междоусобицей царство и подчинить строгой дисциплинѣ враждующіе между собою умы; и, хотя эти послѣдніе соединили теперь всѣ свои силы противъ дерзкихъ пришельцевъ, оружіе ихъ оказалось совершенно негоднымъ въ сравненіи съ испытанными вражескими мечами, и съ досадой въ душѣ покоряемые принуждены сдавать одну часть своей земли за другою.

Одно изъ главныхъ основаній того сопротивленія, которое было оказано проникновенію метода, давшаго такіе блестящіе результаты въ естествознаніи, въ другую область знанія, заключается въ глубокомъ личномъ интересѣ, который сознательно или безсознательно кладетъ отпечатокъ на изслѣдованія въ этой другой области. Ибо здѣсь острому ножу изслѣдователя приходится касаться нашего духовнаго и нравственнаго бытія, приходится изслѣдовать существо и правомѣрность общественныхъ и государственныхъ учрежденій, существованіе которыхъ представляется намъ въ такой же мѣрѣ первоначальнымъ и необходимымъ, какъ явленія окружающей насъ природы. Есть немало людей, которые серьезно опасаются, что углубленныя теоретическія изслѣдованія этого рода практически ведутъ къ потрясенію основъ, на которыхъ зиждется упорядоченная жизнь отдѣльныхъ лицъ и народовъ. Поэтому, въ этой области знанія рѣже, чѣмъ въ другихъ, можно встрѣтить научное безпристрастіе; здѣсь считаютъ возможнымъ опровергать научныя положенія, открывая ихъ гибельныя практическія послѣдствія, и признавать прочно обоснованными тѣ теоріи, изъ которыхъ можно вывести опредѣленные принципы и постулаты, которые уже предъ началомъ изслѣдованія имѣли для даннаго изслѣдователя зна-

ченіе непоколебимыхъ личныхъ убѣжденій. *Petitio principii*—верховный логическій законъ научности этого рода, которая, хотя и „требуетъ объясненія явленій, но въ тоже время предписываетъ, откуда слѣдуетъ исходить".

Во всякомъ случаѣ, нелишне, поэтому, предпослать изслѣдованію, вращающемуся въ области науки о духѣ, ясное и точное опредѣленіе понятія науки и ея цѣлей. Разъ это понятіе установлено, представляется возможность указывать тѣ пути, которыми добывается знаніе, и избѣгать тѣхъ, которые ведутъ въ заоблачныя сферы безсодержательной спекуляціи.

Наука, это—констатированіе явленій и сведеніе ихъ къ первоначальнымъ, неразложимымъ болѣе элементамъ. Съ психологической точки зрѣнія всякое знаніе беретъ начало отъ двухъ вопросовъ: „что?" и „почему?", на которые требуется дать удовлетворяющіе умъ отвѣты. Если бы всѣ объекты были проанализированы и всѣ явленія сведены къ ихъ причинамъ, потребность человѣчества въ причинномъ объясненіи получила бы удовлетвореніе, и научное мышленіе пришло бы въ спокойное состояніе полной увѣренности. Остается, впрочемъ, еще вопросъ объ источникѣ познанія вообще, а также стремленіе связать безконечное разнообразіе отдѣльныхъ явленій въ единую картину міра. Философская и метафизическая потребность не утоляется тѣми рѣшеніями, какія даетъ проблемамъ мысли эмпирическая наука. Но эта наука хорошо сознаетъ свои границы и, прибѣгая къ самоограниченію, тѣмъ надежнѣе идетъ впередъ въ своей сферѣ. Она постигаетъ міръ лишь постольку, поскольку онъ является предметомъ опыта, и лишь въ такой мѣрѣ, въ какой она можетъ провѣрить свои данныя на пробномъ камнѣ опыта. У границъ послѣдняго она скромно останавливается, ибо знаетъ очень хорошо, что, хотя стремленіе перешагнуть черту опыта и обусловлено однимъ изъ глубочайшихъ запросовъ человѣческаго духа, тѣмъ не менѣе, оно еще

ни разу не привело къ удовлетворительному результату. И длинный рядъ мертвыхъ философскихъ системъ, предпринимавшихъ полетъ Икара въ пустое пространство апріорнаго мышленія, побуждаетъ ее съ благоразумной умѣренностью отказаться отъ подобнаго предпріятія. Она энергично отвергаетъ и каждую попытку подчинить ея движеніе принципамъ, которые возникли не на ея почвѣ и цѣнность которыхъ она не испытала.

Руководясь этими основными положеніями, естествознаніе съ давнихъ поръ накопило неисчерпаемыя сокровища и съ каждымъ днемъ на нашихъ глазахъ достигаетъ, держась только что указанныхъ принциповъ, все болѣе и болѣе высокаго развитія, открывающаго намъ неожиданныя перспективы.

Не въ такомъ положеніи находится наука, изслѣдующая нашу психическую и соціальную жизнь. Откуда же эта разница результатовъ въ обѣихъ отрасляхъ знанія?

Одна изъ самыхъ остроумныхъ и, съ извѣстными ограниченіями, самыхъ вѣрныхъ идей Огюста Конта[1]) состоитъ въ установленіи въ исторіи развитія большинства научныхъ дисциплинъ трехъ исторически смѣняющихся эпохъ. Въ первую, теологическую эпоху, въ качествѣ моментовъ, обусловливающихъ измѣненія вещей, мыслятся непосредственно личныя, произвольныя и потому не поддающіяся учету силы; во вторую, метафизическую эпоху, на ихъ мѣсто становятся абстрактныя истины, гипостазированныя понятія, колеблющіяся между личнымъ и безличнымъ началомъ; наконецъ, въ третью, позитивную эпоху дѣлается попытка уяснить реальныя причины явленій, постепенно достигая этого съ помощью закона причинности. До дѣйствительныхъ, ясныхъ, непреложныхъ законовъ наука можетъ дойти лишь тогда, когда она вступитъ въ зрѣлый возрастъ третьей ступени развитія.

---

[1]) Съ его именемъ навсегда останется связаннымъ „*loi des trois états*“, хотя основная мысль этого закона была высказана уже Тюрго и С.-Симономъ.

Это и произошло уже съ большею частью естественнонаучныхъ дисциплинъ. Онѣ давно уже перестали приписывать измѣненія матеріи непосредственному воздѣйствію одного или многихъ божествъ, оставили тѣ абстрактныя, парящія надъ вещами, понятія, *qualitates occultae*, которыми онѣ пытались раньше объяснять явленія. Иначе обстоитъ дѣло съ такъ называемыми науками о духѣ. Есть еще рядъ системъ, которыя въ каждомъ актѣ историческаго или соціальнаго процесса усматриваютъ воздѣйствіе высшей силы, которыя пытаются изъ непонятнаго и совершенно непознаваемаго выводить самое простое и осязаемое и, говоря словами Шопенгауэра, сообщать послѣднія извѣстія объ отношеніи Бога къ міру. Чѣмъ болѣе стараются отрѣшиться отъ теологическихъ и теософскихъ спекуляцій болѣе глубокіе и серьезные изслѣдователи, тѣмъ вѣрнѣе избѣгаютъ они опасности впасть въ ту ошибку, которая характезируетъ вторую эпоху развитія научной мысли. Только они слишкомъ часто забываютъ, что внѣ насъ существуетъ въ неразрывномъ единствѣ то, что̀ нашъ разумъ раздѣляетъ съ цѣлью постиженія на отдѣльныя понятія и вновь объединяетъ въ понятіяхъ, что каждое понятіе, поскольку мы производимъ опытъ, должно, въ концѣ концовъ, относиться къ чему-либо созерцаемому. Слишкомъ часто встрѣчается, поэтому, обычное смѣшеніе *nomen* и *res* и безсознательное гипостазированіе абстрактныхъ понятій; за находящейся по ту сторону всякаго опыта идеей признается право безнаказанно въ него вмѣшиваться; создаются системы безъ серьезной предварительной попытки твердаго и точнаго установленія ихъ основныхъ положеній.

Въ Германіи особенно большой вредъ причинилъ чрезмѣрный идеализмъ понятій большинства послѣкантовскихъ системъ, несмотря на геніальныя и глубокія мысли, которыя скрыты въ нихъ въ еще не достаточно оцѣненномъ изобиліи. Въ то время, какъ естествоиспы-

татели быстро поняли, что имъ нечего дѣлать со всѣми сложными формулами неизвѣстныхъ величинъ и что они посредствомъ нихъ не сдѣлаютъ ни шагу впередъ, господство этихъ филофскихъ системъ удержалось до настоящаго времени въ трудахъ выдающихся представителей исторіи, политической экономіи, юриспруденціи и государственныхъ наукъ. Особенно большое вліяніе теперь еще имѣетъ наиболѣе систематизированная и всеобъемлющая попытка міропониманія, принадлежащая Гегелю. Философія Гегеля сумѣла еще долгое время послѣ крушенія ея исключительнаго господства сохранить себѣ вѣрныхъ приверженцевъ, особенно среди юристовъ, вслѣдствіе того, что она создала для всего опредѣленныя формулы, что она можетъ своевременно подставлять слова тамъ, гдѣ не хватаетъ понятій, что она часто подкрѣпляетъ свои положенія остроумнымъ освѣщеніемъ реальныхъ явленій, хотя еще чаще втискиваетъ явленія на Прокрустово ложе своихъ формулъ, что, наконецъ, посредствомъ ея метода, провозглашающаго тождество противорѣчій, можно доказать любое утвержденіе. Вліяніе Гегелевской философіи, вмѣстѣ съ вліяніемъ другихъ, менѣе распространенныхъ системъ, какъ, напримѣръ, преисполненной изумительнѣйшихъ метафизическихъ фантазій системы Краузе, простирается гораздо дальше, чѣмъ можно было бы думать съ перваго взгляда. Силою своего схоластическаго реализма системы эти плѣнили также многихъ ученыхъ, которые желали стать выше ограниченнаго эмпиризма детальныхъ изслѣдованій, но, по недостатку самостоятельнаго философскаго мышленія, были вынуждены разыскивать среди воззрѣній профессіональныхъ философовъ такія, которыя можно было бы принять на вѣру въ качествѣ непоколебимыхъ истинъ.

Отсюда происходитъ то, что самыя основныя и главныя понятія, какъ, напримѣръ, понятія о правѣ и государствѣ, въ столь многихъ научныхъ трудахъ опредѣляются такимъ образомъ, что на мѣсто x подставляется

у, что неясное понятіе разъясняется при помощи еще болѣе туманной формулы. Въ большинствѣ случаевъ не думаютъ, способенъ ли вообще діалектическій или подобный ему методъ, играющій въ абстракціи, служить въ качествѣ эвристическаго принципа науки, которая, въ концѣ концовъ, имѣетъ дѣло съ конкретными явленіями, какъ и вообще оставленіе въ сторонѣ углубленныхъ теоретико-познавательныхъ и логическихъ изслѣдованій составляетъ главный источникъ появленія ложныхъ научныхъ аксіомъ. Большинство авторовъ, поэтому, оказалось бы въ очень затруднительномъ положеніи, если бы имъ пришлось показать логическій процессъ, посредствомъ котораго они дошли до своихъ абстракцій. А послѣ того, какъ верховныя понятія установлены такъ произвольно, изъ нихъ наскоро дѣлаются любыя дедукціи, ибо о контролѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Результаты трудовъ какого-либо автора опредѣляются точкой его отправленія и его личными взглядами, и, въ концѣ концовъ, другъ другу противостоятъ безчисленныя утвержденія, субъективно имѣющія одинаковое право на существованіе, но объективно—одинаково негодныя. Все это не можетъ, конечно, удовлетворить стремленія къ безпристрастному знанію. Ибо потребность въ причинномъ объясненіи требуетъ яснаго, послѣдовательнаго выведенія одного явленія изъ другого. Если бы даже явился философъ, который бы сумѣлъ неопровержимо установить первопричины вещей, мы все же должны были бы спросить его, чѣмъ обусловлены отдѣльныя частности,—одни только принципы, даже самые возвышенные, не способны насъ удовлетворить.

Отмѣченнымъ выше недостаткомъ можно объяснить также, почему дѣлается столько попытокъ объяснять сложныя, неизслѣдованныя въ ихъ внутренней сущности понятія путемъ аналогій съ другими понятіями, находящимися на той же ступени изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, цѣлый рядъ писателей видитъ высшую муд-

рость въ томъ, что опредѣляетъ государство или общество, какъ организмъ, т.-е. ставитъ самое сложное соціальное образованіе на одну ступень съ самыми сложными физическими. Но насколько мало можетъ изслѣдователь соціальныхъ явленій, если онъ хочетъ быть искреннимъ, гордиться тѣмъ, что онъ ясно изслѣдовалъ сущность государства и т. п., столь же мало можетъ утверждать и физіологъ, что организмъ для него совершенно понятное образованіе. Хотя такія сравненія имѣютъ извѣстную методологическую цѣнность, способствуя болѣе наглядному представленію иного абстрактнаго процесса, но реальной выгоды для познанія они не даютъ; при посредствѣ ихъ, какъ удачно замѣтилъ однажды Рошеръ, объясняется *ignotum per ignotius*. Сверхъ того, указавъ аналогіи понятій, въ большинствѣ случаевъ упускаютъ изъ виду ихъ различія, такъ что оба сравниваемыхъ понятія, въ концѣ концовъ, отождествляются, и правильный образъ превращается, въ результатѣ, въ ложный принципъ.

Главная причина такого состоянія науки коренится въ томъ обстоятельствѣ, что духовные феномены безконечно сложнѣе тѣхъ, которые представляетъ намъ природа. Какъ сложенъ въ сравненіи съ механическимъ или химическимъ самый простой психологическій процессъ! Къ этому присоединяется еще то, что для полнаго постиженія психическихъ явленій необходимой предпосылкой служитъ основательное изученіе естественнонаучнаго фактора, который входитъ въ эти явленія. Ибо безконечное многообразіе психическихъ функцій, составляющее міръ духа, возникаетъ непосредственно на твердой почвѣ физическихъ силъ, внѣ существованія и продолжительнаго дѣйствія которыхъ оно было бы даже не мыслимо. На первый взглядъ кажется почти невозможнымъ поставить это поражающее своей сложностью разнообразіе явленій духа въ одну цѣпь съ остальными явленіями, разложить на первоначальные элементы ихъ,

на первый взглядъ такъ прочно закрѣпленныя формы. И если даже вѣрить въ возможность подобнаго разложенія явленій, все же очевидно, что требуются цѣлыя поколѣнія мыслителей, чтобы добиться на этомъ пути крупныхъ результатовъ, нужна полная самоотверженности скромность, чтобы итти по этому пути съ успѣхомъ. Проблемы человѣческой природы интересуютъ насъ, какъ уже было отмѣчено, въ гораздо большей степени, чѣмъ процессы внѣшней природы, каждому хочется знать, каково призваніе человѣка, государства, общества, права и, наконецъ, исторіи; къ этому побуждаетъ насъ не только теоретическій интересъ, но и практическая жизнь, религіозно-эстетическія и моральныя потребности. Получить отвѣтъ на эти вопросы стремятся, поэтому, во что бы то ни стало, а такъ какъ нѣтъ надежды достигнуть этой конечной цѣли въ теченіе одной человѣческой жизни путемъ ясной индукціи и дедукціи, то видятъ себя вынужденными наспѣхъ искать опоры въ тѣхъ принципахъ, которые уже имѣются для этой цѣли. Тутъ спекуляція идетъ навстрѣчу потребностямъ сердца, и метафизическія силы охотно даютъ откровенія, въ которыхъ упорно отказываетъ неумолимый опытъ. Поэтому, между наукою о духѣ и метафизикою существуетъ гораздо болѣе тѣсное соотношеніе, чѣмъ между послѣднею и естествознаніемъ. Естествознаніе сумѣло уже въ своихъ детальныхъ изслѣдованіяхъ освободить себя отъ вмѣшательствъ конечныхъ принциповъ; ни одинъ химикъ, производя анализъ, не станетъ сначала изслѣдовать понятіе силы и ни одинъ физіологъ не станетъ предпосылать изслѣдованію причинъ выдѣленія желчи спекулятивныя соображенія о сущности матеріи. Развиваясь въ этомъ направленіи, естествознаніе вступило въ добрососѣдскія отношенія съ начинающейся у его границъ философіей, что̀ дало обѣимъ сторонамъ гораздо болѣе цѣнные результаты, чѣмъ долгій споръ, который онѣ вели о размежеваніи своихъ границъ.

Идеи Канта находятъ среди естествоиспытателей нашихъ дней болѣе понимающихъ сторонниковъ, чѣмъ многіе философы недавняго прошлаго, въ то время, какъ, съ другой стороны, философское творчество начинаетъ опираться на основательное усвоеніе естественно-научнаго матеріала, какъ это раньше другихъ показалъ Фридрихъ Альбертъ Ланге.

Предостереженіе, которое было сдѣлано въ концѣ прошлаго столѣтія метафизикамъ и естествоиспытателямъ Шиллеромъ, могло бы теперь быть по своей справедливости обращено къ изслѣдователямъ соціальной жизни: союзъ съ метафизикой у нихъ происходитъ слишкомъ преждевременно; полную истину можно найти только путемъ точнаго отграниченія областей философскаго и эмпирическаго изслѣдованій. Явленія духовнаго и моральнаго бытія постигаются, группируются расчленяются тѣми же силами разума, какъ и другія явленія; тѣ же категоріи, тѣ же самыя логическія и психологическія функціи примѣняемъ мы при познаніи обѣихъ группъ явленій; поэтому, какъ въ естествознаніи, такъ и въ соціальной наукѣ нами руководитъ вѣрный инстинктъ, что въ мірѣ явленій нѣтъ ничего, стоящаго настолько высоко или настолько низко, что бы оно могло уклониться отъ подчиненія ихъ всемогуществу. И въ этой области знанія мы представляемъ теоріи познанія вопросъ объ условіяхъ и границахъ познанія вообще, а философіи—соединеніе и обоснованіе конечныхъ результатовъ. Но внутри самозаконно поставленныхъ границъ психологія и соціальная наука составляютъ, какъ мы это скоро увидимъ, единственно возможныя формы эмпирической науки о духѣ, и должны примѣнять тѣ же методы, какъ естествознаніе, если онѣ вообще стремятся къ дѣйствительному успѣху. Эмпирическая наука о духѣ должна, прежде всего, собирать факты, изслѣдовать и взвѣшивать ихъ, выводить изъ нихъ индуктивнымъ путемъ твердыя правила, дедуци-

ровать изъ этихъ законовъ другіе, анализировать составное, сводить отдѣльныя части въ болѣе сложныя соединенія. И подобно тому, какъ конечная цѣль естественныхъ наукъ состоитъ въ разложеніи всѣхъ явленій на закономѣрное движеніе мельчайшихъ частицъ матеріи и въ обратномъ возсозданіи цѣлаго изъ этихъ частицъ, такъ и идеальной цѣлью науки о духѣ является разложеніе міра духовнаго и нравственнаго бытія на закономѣрую связь первоначальныхъ психическихъ функцій и новое построеніе его изъ этихъ элементовъ.

Если мы изслѣдуемъ теперь ближе, какова общая задача того отдѣла научныхъ дисциплинъ, которыя, какъ связанное цѣлое, противополагаются естествознанію, и которыя мы до сихъ поръ называли науками о духѣ, то въ общихъ чертахъ мы можемъ опредѣлить ее такъ: она сводится къ изслѣдованію фактовъ и законовъ психической жизни отдѣльнаго человѣка и составляющагося изъ индивидуумовъ общества. Функціи, изслѣдованіе которыхъ составляетъ задачу психологіи, образуютъ общее основаніе, на которомъ происходитъ мышленіе и проявленіе воли индивидуумовъ, а также и органовъ самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ соціальныхъ тѣлъ. Психологія непосредственно соприкасается съ естествознаніемъ, такъ какъ она должна изслѣдовать, поскольку психическія состоянія обусловливаются или сопровождаются физическими, а съ другой стороны, она подводитъ къ конечнымъ и высшимъ вопросамъ теоріи познанія и метафизики. Поэтому, она была бы призвана занимать центральное и господствующее положеніе во всемъ познаніи, если бы человѣка, какъ индивидуума, можно было познать вполнѣ. Но каждаго индивидуума обусловливаютъ государство, національность, религія, экономическія и историческія силы, однимъ словомъ— о б щ е с т в о. Поэтому, выше психологіи стоитъ еще другая научная дисциплина, которая имѣетъ дѣло съ процессами, происходящими въ совмѣстной жизни лю-

дей [1]). Эта наука изучаетъ простѣйшія соединенія, которыя составляютъ базисъ общественной жизни; изучаетъ возникновеніе и развитіе самаго важнаго средства общенія между людьми — языковъ; затѣмъ болѣе сложныя формы соединеній, отъ родового общенія до государства, общіе обычаи, нравы, религіозныя убѣжденія и обряды, развитіе права и хозяйства, наконецъ, законы, управляющіе развитіемъ и жизнью всего объединеннаго въ государства и націи человѣчества. Она помогаетъ и психологіи при рѣшеніи ея самыхъ трудныхъ и высокихъ задачъ, а именно, при изслѣдованіи тѣхъ процессовъ, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ нормативные законы нашего мышленія, чувствъ и воли, логическіе [2]), эстетическіе и этическіе

---

[1]) Отношеніе психологіи къ соціальной наукѣ никѣмъ, можетъ быть, не понятно правильнѣе Гербарта: „Посредствомъ слова, посредствомъ рѣчи мысль и чувство одного человѣка переходятъ въ душу другого, пробуждаютъ тамъ новыя мысли и чувства, которыя сейчасъ же переправляются обратно по тому же мосту, чтобы обогатить представленія перваго; отсюда получается то, что лишь самая незначительная часть нашихъ мыслей беретъ начало въ насъ самихъ, и напротивъ мы всѣ какъ бы черпаемъ изъ общественнаго запаса и принимаемъ участіе въ общемъ производствѣ мыслей, въ которое каждый отдѣльный человѣкъ можетъ вносить только сравнительно ничтожную долю. Но не только вся сумма духовной жизни, поскольку она выражается въ мышленіи, является въ корнѣ общимъ достояніемъ, которое при посредствѣ языка сообщается всѣмъ; воля человѣка, которая сообразуется съ мыслями, рѣшенія, которыя мы принимаемъ, считаясь съ желаніями другихъ людей, даютъ также ясно понять, что все наше духовное существованіе въ корнѣ соціальнаго характера. Наша индивидуальная жизнь только выдѣлилась изъ общей жизни, отъ которой зависитъ и всегда будетъ зависѣть ея возникновеніе, вспомогательныя средства, условія, ея направленіе! *Ueber einige Beziehungen zwischen Psychologie und Staatswissenschaft.* Собраніе сочиненій, т. IX, стр. 203 и сл.

[2]) Смѣлая попытка доказать возможность коллективно-психологическаго происхожденія логическихъ нормъ сдѣлана Виндельбандомъ въ Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, изд. Lazarus'a и Steinthal'я, т. VIII. 2, стр. 166 и сл.

принципы, ибо и этическіе принципы наука не можетъ разсматривать, „какъ бы непосредственно упавшими съ неба“, и въ психологіи народовъ создается почва, гдѣ обѣ науки пытаются совмѣстно рѣшать свои проблемы. Соціальная наука, слѣдовательно, обнимаетъ и постигаетъ государство, хозяйство, право, языкъ, нравы, религію, искусство, науку и, наконецъ, исторію, какъ продукты соціальной жизни. Общество—не какъ абстрактное, миѳическое понятіе, но какъ самый реальный фактъ совмѣстной жизни и общей работы людей—есть какъ бы субстанція для соціальной науки, а указанныя проявленія его жизни—тѣ аттрибуты, подъ которыми она можетъ изучаться. Въ этомъ фактѣ отдѣльныя дисциплины имѣютъ общую точку ихъ соприкосновенія, которой онѣ не должны забывать, чтобы не впасть въ односторонность и противорѣчіе.

Соціальная наука, слѣдовательно, выдвигаетъ всѣ проблемы, въ которыхъ отдѣльный человѣкъ уже не является въ качествѣ индивидуума, „я“, а только въ качествѣ атома. Въ то время, какъ въ психологіи индивидуумъ является высшимъ объектомъ для изученія, здѣсь онъ совершенно безразличенъ. Какъ кровяное тѣльце имѣетъ подъ микроскопомъ видъ отдѣльнаго и самостоятельнаго образованія, а въ круговомъ движеніи тока крови представляетъ безраздѣльную жидкость съ биллiонами ему подобныхъ, такъ и всякая индивидуальная жизнь передъ взоромъ изслѣдователя соціальныхъ явленій исчезаетъ въ общей жизни человѣчества. Изслѣдованіе и объясненіе этой послѣдней есть конечная цѣль, которая предносится ему въ туманной, недосягаемой дали. Поэтому, ему оказываютъ помощь собственно всѣ другія научныя дисциплины, такъ какъ онѣ составляютъ, такъ сказать, предварительное условіе раскрытія судебъ человѣческаго рода, жизнь котораго происходитъ, вѣдь, въ природѣ и ежечасно подвергается вліянію природы и, въ силу этого, можетъ быть вполнѣ понятна лишь

въ томъ случаѣ, если природа откроетъ намъ свои законы. Конечно, пока мы должны отказаться отъ мысли указать реальное соотношеніе между отдаленнѣйшими отраслями знанія; отысканіе такого соотношенія все еще составляетъ привиллегію индуктивнаго философскаго генія, который, давая намъ міровоззрѣніе, оправдываетъ изрѣченіе Гегеля, что философія есть мышленіе своей эпохи. Но соціальная наука содержитъ требованіе эмпирически доказать единство всего познанія. Она зиждется на прочномъ фундаментѣ процессовъ природы и стремится вверхъ къ покрытымъ облаками вершинамъ послѣднихъ принциповъ.

Мы разсматривали до сихъ поръ науку лишь постольку, поскольку она въ состояніи давать удовлетвореніе нашему стремленію къ познанію. Но рядомъ съ этой теоретической ея цѣлью—впрочемъ, самою высокой—она, съ другой стороны, имѣетъ неизмѣримое значеніе для практической жизни людей. Ея результаты могутъ быть тысячью способами использованы на службѣ царству цѣлей, которое встрѣчаетъ насъ, когда мы вступаемъ на арену міра, не только познавая, но и дѣйствуя. Тутъ передъ нами наряду съ вопросами о бытіи и происхожденіи вещей встаетъ еще вопросъ: „для чего?“ Мы ищемъ средствъ удовлетворенія безконечнаго множества желаніи и влеченій, которыя рождаются въ чрезвычайно спутанномъ видѣ въ физическомъ и духовномъ бытіи человѣка, и мы обращаемся къ наукѣ за указаніями, какъ всего разумнѣе осуществить эти стремленія. Давать желаемые отвѣты—не дѣло самой науки, ибо она можетъ и стремится лишь къ познанію, что̀ и почему существуетъ, и ни къ чему больше. Примѣнять пріобрѣтенные теоретическимъ путемъ результаты для своихъ цѣлей, это—скорѣе дѣло практическаго цѣлесознающаго духа. Постольку, конечно, является противорѣчіемъ говорить о практической наукѣ, и мы употребляемъ это выраженіе для того лишь,

чтобы указать, что дѣло въ данномъ случаѣ идетъ о практическихъ результатахъ, которые добыты съ помощью науки. При посредствѣ геометрическихъ положеній мы строимъ мосты и желѣзныя дороги, но ни Эвклидъ, ни Ньютонъ не могли бы вывести изъ всей математики дедукцій, какъ это нужно дѣлать, если бы практическая потребность не становилась руководящимъ мотивомъ комбинаціи научныхъ свѣдѣній.

Въ указанномъ смыслѣ ни къ одной научной дисциплинѣ не предъявляется болѣе высокихъ практическихъ запросовъ, чѣмъ къ соціальной наукѣ, предметомъ которой являемся, вѣдь, мы сами. Она должна научить насъ разумной и счастливой жизни и дать руководящія указанія для правильнаго совершенія всѣхъ нашихъ дѣлъ. Настолько сильна потребность обращать къ ней телеологическіе вопросы, что получается ложное представленіе, будто она призвана въ силу присущаго ей полновластія рѣшать, что̀ нужно дѣлать, между тѣмъ какъ это зависитъ отъ тѣхъ цѣлей, которыя нужно достичь. Почти вся группа изслѣдователей соціальной жизни, принадлежащихъ къ метафизическому періоду, впала въ то заблужденіе, будто принципы и результаты соціальной науки можно дѣлать непосредственно практическими, упуская, при этомъ, изъ виду, что сперва необходимо въ качествѣ посредствующаго звена поставить понятіе человѣческой цѣли. Это могло бы быть допущено только въ томъ случаѣ, если бы намъ была присуща способность абсолютнаго знанія; если бы намъ была извѣстна первооснова вещей, мы могли бы, быть можетъ, опредѣлять и абсолютныя цѣли. Но пока существованіе такой способности болѣе чѣмъ проблематично, соціальная наука должна остерегаться произносить безусловныя сужденія о цѣнности. Философствующему уму можно предоставить дѣлать это; въ эмпирической же наукѣ телеологія такого рода часто является величайшимъ препятствіемъ правильнаго пониманія

явленій, потому что предполагаемыя конечныя цѣли соціальныхъ учрежденій, по большей части, оказываются лишь предразсудками соотвѣтствующаго писателя, которымъ придано абсолютное значеніе.

Послѣ того, какъ мы предупредили возможныя недоразумѣнія, мы можемъ рядомъ съ теорестической соціальной наукой поставить практическую, характеръ и методъ которой опредѣляются системой точно изслѣдованныхъ соціальныхъ и индивидуальныхъ цѣлей. Выдающееся положеніе въ кругу этихъ дисциплинъ занимаетъ совокупность юридическихъ наукъ, поскольку онѣ не имѣютъ предметомъ своего изученія возникновеніе и развитіе права,—что дѣлаетъ ихъ лишь отдѣломъ историческаго изслѣдованія,—но поскольку онѣ опредѣляютъ пригодность правовыхъ положеній и способъ и образъ ихъ примѣненія къ конкретнымъ правовымъ отношеніямъ. Онѣ получаютъ такой же характеръ болѣе высокихъ искусствъ, какъ, напримѣръ, медицина, когда она не останавливается на объясненіи патологическихъ процессовъ, но стремится возстановить здоровье терапевтическими средствами. Специфическій методъ, который юриспруденція разработала съ достойнымъ изумленія совершенствомъ, всецѣло направленъ лишь на уразумѣніе практическаго, и посредствомъ него возможно только имманентное теоретическое познаніе.

Я предпослалъ эти соображенія, чтобы точно опредѣлить мою позицію по отношенію къ проблемамъ, которыми я думаю заняться далѣе. Я хочу, именно, въ краткихъ очертаніяхъ показать, что̀ такое право съ точки зрѣнія этики, построенной на почвѣ соціальной науки, попытаться установить слѣдствія, которыя вызываетъ нарушеніе правовыхъ нормъ въ обществѣ, и опредѣлить, наконецъ, характеръ соціальной реакціи противъ этихъ слѣдствій—наказанія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Соціальная этика.

Чтобы познать сущность нравственности и способъ ея осуществленія, можно стать на двѣ различныхъ точки зрѣнія. Или относить источникъ нравственности къ метафизическому принципу, открытому апріорнымъ путемъ, или попытаться вывести его происхожденіе изъ опыта. Первое дѣлаетъ спекулятивная, второе эмпирическая этика. Далѣе, нравственность можетъ быть выводима или изъ свойствъ индивидуальнаго духа, или изъ сущности возвышающагося надъ индивидуальнымъ цѣлаго. Въ первомъ случаѣ этика будетъ субъективной, или индивидуальной, во второмъ—объективной, и, если цѣлое представляетъ собою коллективъ, къ которому принадлежитъ индивидуумъ,—соціальной этикой.

Предъ эмпирической этикой открывается, поэтому, двоякая возможность. Или моральныя нормы возникаютъ исключительно изъ прирожденной способности, свойственной каждому индивидууму, или онѣ вытекаютъ изъ природы цѣлей того общенія, къ которому принадлежатъ индивидуумы. Но такъ какъ индивидуума нельзя разсматривать какъ нѣчто первоначальное, или, по крайней мѣрѣ, такъ какъ мы не въ состояніи отдѣлить въ немъ прирожденное отъ унаслѣдованнаго и пріобрѣтеннаго имъ, такъ какъ далѣе,—индивидуумъ является результатомъ безконечно разнообразныхъ природныхъ и

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

соціальныхъ процессовъ, — то эмпирическая мораль должна искать источникъ нравственности въ природѣ и обществѣ, она должна стать соціальной моралью. А если бы она упорно держалась только индивидуалистическаго принципа, она должна была бы объявить его изначальнымъ, болѣе ни изъ чего невыводимымъ, и прервать безконечный причинный рядъ всего происходящаго въ опытѣ властнымъ рѣшеніемъ, которое нельзя обосновать.

Однако, въ извѣстномъ смыслѣ, соціальная этика должна начинать съ индивидуума. Именно, если она не желаетъ свестись къ безпочвеннымъ спекуляціямъ, которыя мало чѣмъ уступали бы идеалистической философіи первой половины XIX столѣтія съ ея столько разъ подвергавшимися порицанію недостатками, хотя и покоились бы на твердомъ основаніи естественно-научныхъ гипотезъ, то она должна начинать съ человѣка, разсматривая его, какъ такового, съ его физическими и духовными свойствами, не считаясь съ тѣмъ, что онъ является продуктомъ силъ природы, дѣйствовавшихъ съ незапамятныхъ временъ.

Человѣкъ, съ котораго должна начинаться общественная мораль, это—не то спекулятивное изображеніе сущности человѣка, въ которое безсознательно вносится все, что изъ него желательно дедуцировать [1]); не тотъ воображаемый, абсолютно-эгоистическій человѣкъ, который полагаетъ основаніе обществу, чтобы избѣжать

---

[1]) Популяризованная Аренсомъ философія Краузе стремится объяснить изъ такого «существа человѣка и человѣческой природы» нравственность и право и подчеркиваетъ необходимость аналитическаго изслѣдованія жизненныхъ отношеній противъ апріорной конструкціи. Какого рода это изученіе человѣческаго существа, мы узнаемъ изъ того, что „въ волѣ при посредствѣ верховнаго божественнаго принципа рождается свобода“, что человѣкъ можетъ „мгновенно“ перервать конечный рядъ своихъ дѣйствій силою божественныхъ идей, исходящихъ отъ абсолютнаго“. Ahrens, *Die Rechtsphiosophie oder das Naturrecht auf philos. anthrop. Grudlage*, 4 изд., стр. 182, 183.

bellum omnium contra omnes; не тотъ „простодушный человѣкъ первобытнаго времени“, который въ одинъ прекрасный день оставляетъ добровольно естественное состояніе; не тотъ благородный дикарь XVIII-го столѣтія, котораго противопоставляли въ качествѣ идеала извращенному культурному человѣку, и не тотъ идеальный человѣкъ романтиковъ, въ сравненіи съ которымъ все историческое человѣчество представляетъ лишь каррикатуру, возникшую по собственной винѣ людей; это—первобытный человѣкъ, какимъ его знаетъ наука о доисторическихъ временахъ, такъ называемый дикарь, какъ его изображаютъ Тэйлоръ, Лёббокъ и Спенсеръ, путемъ смѣны природныхъ и историческихъ вліяній предстающій, наконецъ, въ видѣ современнаго европейца. Изслѣдованія о первобытныхъ временахъ человѣческаго рода, антропологія и этнографія, собравшія обычаи и черты жизненнаго уклада некультурныхъ народовъ, уже въ достаточной степени показали, что историческое и этнографическое изученіе низшихъ ступеней культуры доказываетъ отсутствіе тѣхъ чертъ, которыя мы мыслимъ изначально присущими человѣческой природѣ. Даже люди, думающіе, что моральные законы вѣчно пребывали равно-неизмѣнными, могутъ спасти свое воззрѣніе только путемъ оговорки, что эти законы лишь мало-по-малу открывались человѣческому сознанію [1]) Соціальная этика напротивъ, изслѣдуетъ нравственность не какъ нѣчто неподвижное, но какъ нахо-

---

[1]) Напр., Тренделенбургъ: „Съ философской точки зрѣнія нѣтъ другого принципа морали, какъ человѣческое существо въ себѣ, т. е. человѣческое существо во всю глубину его идеи и во всей полнотѣ его историческаго развитія. Одно съ другимъ находится въ связи. Ибо одно историческое оставалось бы слѣпымъ, а одно идеальное—лишеннымъ содержанія; и истинный прогрессъ заключается въ томъ, что историческое стремится проникнуться идеею, а идея къ связи съ исторіей“. *Naturrecht auf dem Grunde der Ethik*, 2-ое дополн. изд., Leipzig, 1868, стр. 45.

дящееся въ движеніи и растущее съ развитіемъ коллективнаго цѣлаго, въ которомъ она возникаетъ.

Человѣкъ, находящійся у исходнаго пункта соціальнаго развитія, уже долженъ обладать специфической способностью считаться съ жизнью другихъ существъ человѣческаго рода, т. е. умѣрять первоначально свойственное каждому организму стремленіе къ самоутвержденію и возможно болѣе полному удовлетворенію своихъ потребностей посредствомъ второго прирожденнаго влеченія къ совмѣстной жизни съ другими людьми, при чемъ этотъ второй импульсъ по необходимости ведетъ къ ограниченію эгоистическихъ стремленій, такъ какъ только такимъ путемъ создается возможность общественной жизни. Такой импульсъ не является исключительно свойствомъ человѣка; начатки его обнаруживаются уже на довольно низкихъ ступеняхъ лѣстницы органическихъ существъ; въ половомъ влеченіи и заботѣ о дѣтенышахъ имѣются первые слѣды той жертвы собою въ пользу рода, которая составляетъ субъективную сущность морали. Это—первыя движенія нравственности въ природѣ. Уже отъ проницательнаго взора Аристотеля не скрылось, что влеченіе къ общежитію выражено къ человѣческой природѣ сильнѣе, чѣмъ оно присуще пчеламъ и каждому виду стадныхъ животныхъ; поэтому, по его мнѣнію, человѣкъ—животное соціальное *par excellence*.

Такимъ образомъ, въ человѣкѣ нужно различать два главныхъ свойства или, лучше, двѣ главныхъ группы свойствъ. Одни, эгоистическія, побуждаютъ человѣка заботиться только о себѣ, другія, настойчиво влекущія какимъ бы то ни было образомъ къ дѣйствіямъ, результатъ которыхъ идетъ на пользу другому, а не самому дѣйствующему индивидууму, можно назвать альтруистическими [1]). При отсутствіи послѣднихъ

[1]) Это выраженіе, впервые употребленное Огюстомъ Контомъ, заслуживало бы получить въ наукѣ право гражданства.

свойствъ, въ извѣстной степени немыслимо прочно устроенное общежитіе, ибо безъ нихъ никогда не началось бы соприкосновеніе людей. Хотя и можно возразить, что правильно понимаемый эгоизмъ можетъ также стать принципомъ общенія, но такой правильно понимаемый эгоизмъ мыслимъ только у культурнаго человѣка и немыслимъ у дикаря, обладающаго только самыми скудными психическими чертами человѣческой природы, у дикаря, который встрѣчается намъ въ началѣ культурнаго развитія, слѣдуетъ почти исключительно инстинктивнымъ импульсамъ и чуждъ всякой рефлексіи.

Общество не мыслимо также и при отсутствіи эгоистическихъ влеченій въ извѣстной ихъ степени. Какъ безъ альтруизма никогда не было бы взаимодѣйствія соціальныхъ молекулъ, такъ и полное отсутствіе эгоизма, способности индивидуума къ сопротивленію, повлекло бы за собой распыленіе общественныхъ частицъ. Подобно тому, какъ философія природы объясняетъ образованіе матеріальнаго міра дѣйствіемъ силъ притяженія и отталкиванія, такъ соціальная наука на эгоизмѣ и альтруизмѣ построяетъ общество.

На ряду съ предпосылкой двухъ основныхъ влеченій человѣческой природы, общественная мораль исходитъ изъ факта общенія, охватывающаго всѣ мыслимыя жизненныя отношенія индивидуумовъ. Она пытается установить тѣ требованія, которыя предъявляетъ своимъ членамъ опредѣленный историческій общественный строй, съ цѣлью самосохраненія, и изслѣдовать условія, при которыхъ конкретный общественный укладъ можетъ перейти къ болѣе высокой формѣ своего развитія, поскольку это осуществимо путемъ человѣческой дѣятельности. Такимъ образомъ, содержаніе подлежащаго осуществленію со стороны людей, содержаніе д о л ж н а г о, составляютъ условія существованія и развитія коллек-

тивнаго цѣлаго, которое состоитъ изъ отдѣльныхъ людей.

Образующіеся такимъ путемъ законы имѣютъ совершенно иной характеръ, чѣмъ законы природы. Законъ природы выражаетъ безусловную необходимость, нравственный законъ—необходимость условную.

Въ первый моментъ это можетъ показаться парадоксальнымъ, такъ какъ спекулятивно-индивидуалистическая мораль, которую все еще приходится считать господствующей, поучаетъ насъ, что именно велѣнія нравственнаго закона обладаютъ безусловной необходимостью. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что видимость безусловно-обязывающаго велѣнія возникла только потому, что въ нашу природу настолько глубоко и безсознательно заложено, какъ предварительное условіе ея, воленіе существованія общества, что нужно зрѣлое размышленіе и научное разслѣдованіе, дабы довести его до сознанія. А такъ какъ къ отношеніямъ культурнаго человѣка къ обществу съ полнымъ правомъ можно примѣнить сказанное Аристотелемъ объ отношеніи индивидуума къ государству, а именно, что всеобщее по самой природѣ существуетъ раньше индивидуальнаго и что живущій внѣ государства долженъ быть или звѣремъ или богомъ; такъ какъ индивидуумъ связанъ съ большимъ коллективнымъ цѣлымъ тысячами нитей, и все его существованіе соединено съ нимъ неразрывными узами даже тамъ, гдѣ онъ, повидимому, обособляется, такъ что его мышленіе, чувство и воля до конца соціальны; такъ какъ въ тотъ моментъ, когда индивидуумъ появляется на свѣтъ, и даже еще ранѣе, онъ уже во власти соціальныхъ вліяній,—то неудивительно, что признаніе индивидуумомъ общества, составляющее первую посылку моральнаго велѣнія, лежитъ за порогомъ сознанія, вслѣдствіе чего совѣсть, психологическое явленіе, въ которомъ издавна привыкли видѣть лишь нѣчто совершенно не поддающееся изслѣдованію и которое однако за по-

слѣднее время часто подвергалось анализу [1]), обращается къ намъ въ формѣ безусловнаго долженствованія.

Формула, къ которой можно свести съ соціально-этической точки зрѣнія всѣ нравственныя велѣнія, такова: если ты желаешь существованія общества и его развитія, ты долженъ поступать такъ, чтобы твой образъ дѣйствій способствовалъ сохраненію и благосостоянію общества. А такъ какъ нежеланіе общества въ основѣ невозможно, ибо тотъ, кто не хотѣлъ бы его, долженъ былъ бы освободить себя отъ всего, даннаго имъ обществомъ, — что̀ равнялось бы самоуничтоженію [2]),—такъ какъ даже тотъ, кто очень тяжко преступаетъ противъ общества, даетъ понять тѣмъ, что онъ продолжаетъ въ немъ жить, что онъ все-таки его признаетъ, то гипотетическое положеніе формулы можетъ быть обращено въ категорическое, которое гласитъ: дѣйствуй такъ, чтобы твой образъ дѣйствій поддерживалъ общество и содѣйствовалъ ему. Но наука не должна забывать, что все должное есть условное долженствованіе.

Такое условное долженствованіе встрѣчается не только въ обществѣ. Повсюду, гдѣ мы устанавливаемъ существованіе и развитіе органическаго цѣлаго, мы находимъ такіе условные законы, или, что̀ то же самое, нормы. Уже для животнаго, уже для растительнаго организма есть — въ силу нашего способа разсмотрѣнія

---

[1]) Напр., Шопенгауэръ: *Preisschrift über die Grunalage der Moral*, § 9, Сочиненія, изд. Frauenstädt'a, IV; Тренделенбургъ, указ. соч., стр. 39; Дарвинъ, *Происхожденіе человѣка и половой отборъ*, нѣм. пер. V. Carus'a, Stuttgart, 1871, стр. 59 и сл.

[2]) Единственная для культурнаго человѣка возможность добровольно уйти изъ общества это—самоубійство. Ибо даже занесенный на пустынный островъ Робинзонъ, одѣваясь, поддерживая огонь и убивая посредствомъ пороха и пуль животныхъ, доказываетъ существованіе у него культурныхъ потребностей и, удовлетворяя ихъ, признаетъ общество, которому ими обязанъ.

ихъ—нормы. Животное должно поглощать пищу, чтобы существовать, растеніе для своего роста должно потреблять воду. Законы, которые управляютъ здоровьемъ и болѣзнью органическихъ существъ, являются такими же нормативными законами, какъ и моральные. Ибо для чисто-теоретическаго изслѣдователя, который все измѣряетъ своимъ познавательнымъ критеріемъ, не существуетъ ни болѣзни, ни здоровья, которыя появляются только при телеологическомъ разсмотрѣніи организма. Болѣзнь „можно понимать только въ качествѣ одной изъ возможныхъ проявленій жизни отдѣльныхъ организмовъ. Поэтому, нѣтъ существеннаго различія между физіологическими и патологическими законами, между тѣми силами и веществами, которыя даютъ здоровую жизнь, и тѣми, которыя даютъ жизнь больную... То, что̀ мы называемъ болѣзнью, есть только абстракція, понятіе, при помощи котораго мы выдѣляемъ опредѣленные комплексы жизненныхъ явленій изъ суммы остальныхъ явленій, при чемъ такого раздѣленія въ самой природѣ не существуетъ“ [1]). Подобнымъ же образомъ существуютъ нормативные законы мышленія, которые указываютъ условія, при которыхъ возникаетъ объективно-правильное познаніе, неисполненіе или нарушеніе которыхъ являетъ намъ мышленіе или ложнымъ, или больнымъ. Но человѣкъ ошибающійся и помѣшанный мыслятъ такъ же, какъ и слѣдующій логическимъ законамъ и здоровый человѣкъ, по тѣмъ же самымъ психологическимъ законамъ, и у того, и у другого представленія всплываютъ въ сознаніи съ той же самой субъективной истинностью, вытѣсняютъ одно другое и вызываютъ по ассоціаціи другія представленія. Объ ошибкѣ и безуміи можно говорить только въ томъ случаѣ, если мышленію ставятся цѣли; для психолога же они представляютъ лишь

[1]) Вирховъ, въ изданномъ имъ *Руководствѣ по спеціальной патологіи и терапіи*, Эрлангенъ, 1854, т. I, стр. 1.

опредѣленные комплексы психическихъ состояній, какъ для естествоиспытателя патологическія явленія представляются только видомъ физіологическихъ.

Соціальный моралистъ Александръ Эттингенъ полагаетъ, что изъ факта существованія нормативныхъ законовъ внутри общества должно вывести заключеніе о свойственной человѣку способности произвольнаго опредѣленія воли, т.-е. ея свободы, ибо безъ нея „каждый нормативный законъ былъ бы непремѣнно иллюзорнымъ, даже представлялъ бы собою самопротиворѣчіе и nonsens“ [1]). Если бы этотъ аргументъ былъ вѣренъ въ отношеніи моральной свободы, то слѣдовало бы допустить и для больного и для помѣшаннаго возможность выздоравливать или правильно мыслить путемъ произвольнаго опредѣленія воли, такъ какъ иначе нормативные законы здороваго тѣла и духа должны были бы представлять собою nonsens и самопротиворѣчіе.

Слѣдовательно, нравственные законы представляютъ видъ нормативныхъ законовъ, съ которыми мы встрѣчаемся, когда разсматриваемъ вещь телеологически и указываемъ путь, которымъ осуществляется и достигается желаемое цѣлеотношеніе. Это—тѣ нормы, которыя вытекаютъ изъ условій возникновенія, существованія и развитія общества и требуютъ своего осуществленія отъ человѣческой воли.

Такъ какъ общество охватываетъ всѣ мыслимыя отношенія людей, то оно представляетъ въ высшей степени сложное цѣлое, заключающее въ себѣ столько соціальныхъ образованій, сколько существуетъ формъ отношенія общественныхъ молекулъ. Каждая изъ этихъ

---

[1]) A. V. Oettingen, *Die Moralstatistik und die christliche Sittenlehre.* Versuch einer Socialethik auf empirischer Grundlage. Erster Teil: Die Moralstatistik. Induktiver Nachweis der Gesetzmässigkeit sittlicher Lebensbewegung im Organismus der Menschheit. Erlangen, 1868, стр. 954.

формъ отношенія будетъ порождать особыя нормы. А это возможно только въ томъ случаѣ, если отдѣльныя нормы взаимно сообразуются и даже отчасти отмѣняютъ другъ друга. Въ этомъ отношеніи нормативные законы сходны съ законами природы, которые также рѣдко проявляются въ совершенно чистомъ видѣ, потому что ихъ дѣйствіе нарушается дѣйствіемъ другихъ законовъ. Поэтому, многія нормы представляютъ собою, поскольку ихъ нужно разсматривать въ соотношеніи съ другими, не законы, примѣняющіеся во всѣхъ случаяхъ, но правила съ исключеніями [1]). При этомъ въ качествѣ общаго правила должно установить, что болѣе цѣнная объективно норма въ случаѣ коллизіи отмѣняетъ менѣе цѣнную. Только такимъ путемъ возможно рѣшеніе весьма трудной проблемы коллизіи обязанностей или, если угодно, „объективно-моральныхъ силъ“, проблемы, которая не существуетъ только для тѣхъ, кто закрываетъ глаза передъ дѣйствительностью, чтобъ грезить о спокойномъ и удобномъ міросозерцаніи.

Мы опредѣлили нравственность, какъ нѣчто, находящееся въ состояніи движенія и роста. И тѣмъ самымъ какъ бы высказались за недоказанный и недоказуемый догматъ оптимистическаго эволюціонизма. А стали ли люди на самомъ дѣлѣ лучше на протяженіи исторіи? Вѣдь, остался же человѣкъ во всѣ времена тѣмъ же самымъ — *l'animal mechant par excellence*.

На этотъ вопросъ отрицательно отвѣтить можетъ только односторонняя индивидуальная этика, и особенно спекулятивная, хотя и прозаически-трезво мыслящіе люди,

---

[1]) Удачно показалъ Биндингъ, *Die Normen und ihre Uebertretung*, т. I, Leipzig, 1872, § 8, E, что правовая норма не является велѣніемъ, имѣющимъ силу всегда, безъ изъятій. Ср. Тренделенбургъ, в. н. с., § 47. Это вѣрно не только для правовыхъ нормъ, но и въ отношеніи большинства всѣхъ обращенныхъ къ волѣ нормъ. Какъ много контроверзъ находятъ удовлетворительное рѣшеніе при этомъ очень основательномъ допущеніи.

какъ, напримѣръ, Бокль, дѣлаютъ то же. А именно, индивидуальная этика избираетъ при оцѣнкѣ человѣческихъ дѣлъ путь, обратный въ сравненіи съ общественной моралью. Если поступокъ распадается на два момента, внутренній и внѣшній, намѣреніе и дѣйствіе, то первое для индивидуальной этики является несравненно важнѣйшимъ, а второе имѣетъ нравственное значеніе лишь постольку, поскольку оно произошло изъ перваго. Принципы ея, каковы бы они ни были, требуютъ, прежде всего, существованія добраго намѣренія, проявленіе котораго во внѣшнемъ мірѣ должно происходить только тогда, когда уже наступило придающее поступку всю нравственную цѣнность внутреннее состояніе. Самый поступокъ имѣетъ моральную цѣнность лишь постольку, поскольку представляетъ собою продуктъ послѣднихъ нравственныхъ принциповъ, и онъ тѣмъ ниже стоитъ на ступеняхъ моральной лѣстницы, чѣмъ въ большей степени является результатомъ иныхъ побужденій, кромѣ чисто нравственныхъ; если эти послѣднія отсутствуютъ совершенно, поступокъ не имѣетъ никакой цѣнности, если бы даже, разсматриваемый съ его объективной стороны, онъ и былъ очень хорошимъ. Всего рѣзче такое пониманіе выражается въ новыхъ системахъ спекулятивной этики, которыя выставляютъ въ качествѣ идеала, которому нужно слѣдовать, человѣка, дѣйствующаго по чисто-нравственнымъ основаніямъ, осуществляющаго моральную необходимость должнаго во всѣхъ своихъ поступкахъ и упорно преодолѣвающаго всѣ чувственныя влеченія, ей противостоящія. Сообразно съ такимъ идеаломъ, всякая человѣческая дѣятельность, или, по крайней мѣрѣ, большая часть ея, должна необходимо представляться ничтожною или дурною, и если даже отдѣльные, не вполнѣ правильные поступки различаются бо́льшимъ или меньшимъ приближеніемъ къ требуемому идеей моральнаго, то имъ все же будетъ принадлежать лишь болѣе или ме-

нѣе низкая отрицательная цѣнность, смотря по степени ихъ приближенія къ идеѣ. Положительная же моральная дѣятельность возможна лишь въ томъ случаѣ, если она совершенно согласуется съ идеей. Эта идея отмѣчаетъ и нулевой и конечный пункты на нравственной скалѣ; выше ея невозможно моральное дѣяніе, ниже ея все имѣетъ только отрицательное значеніе. Въ мірѣ реальной жизни „пусть меркнетъ предъ лучомъ истины наша добродѣтель, предъ идеаломъ пусть робко скрывается постыдное дѣло. Ни одинъ смертный не возвысился до идеальнаго“.

Съ такой точки зрѣнія нѣтъ ничего легче, какъ отрицать идею историческаго прогресса фактически существующей нравственности, тѣмъ болѣе, что самъ нравственный идеалъ выясняется въ историческомъ развитіи, и потому, если даже допускать этическую эволюцію, между реальнымъ и идеальнымъ образомъ дѣйствій всегда остается то же различіе, идеалъ постоянно предносится въ той же недосягаемой дали.

Однако, для соціальной этики нравственное, по крайней мѣрѣ, отчасти, должно быть въ обществѣ конкретнымъ. Ибо здѣсь оно не что иное, какъ условія жизни и развитія цѣлаго. Подъ развитіемъ же общества слѣдуетъ понимать болѣе сильную дифференціацію и ростъ членовъ общества, ростъ полноты отношеній между отдѣльными людьми, увеличивающуюся возможность вызывать полное раскрытіе и использованіе всѣхъ человѣческихъ силъ. Исторія съ несомнѣнностью доказываетъ, что въ этомъ смыслѣ процессъ развитія несомнѣнно существуетъ. Измѣряемый по сравненію съ абсолютнымъ идеаломъ, отдѣльный человѣкъ останется во всѣ времена такимъ же грѣшникомъ, но общество сдѣлало успѣхи; тысячелѣтія тому назадъ оно заставляло человѣка служить въ качествѣ раба, не заботилось объ его развитіи, убивало его, какъ животное, если онъ попадалъ въ плѣнъ на войнѣ, оставляло его безъ помощи

во время болѣзни; теперь оно беретъ его съ перваго дня жизни и до послѣдняго его дыханія подъ свою защиту, даетъ ему воспитаніе, образованіе, свободу, призрѣніе. Этимъ не высказывается утвержденія, что люди стали счастливѣе. Общественная мораль не считаетъ себя призванной давать рѣшающее заключеніе въ любимомъ вопросѣ современнаго философскаго диллетантизма, но указываетъ только, что принципъ, на которомъ покоится общество, солидарность членовъ общества, проявляется во все болѣе чистомъ видѣ. Солидарность все болѣе дѣлаетъ общество нравственной цѣлью индивида, а индивида нравственной цѣлью общества. „Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“—таковъ девизъ, при которомъ совершается общественный прогрессъ.

Сознаніемъ, что люди въ обществѣ солидарно связаны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, порождается такая строгость нравственныхъ требованій, какой никогда не могла предполагать ригористическая индивидуальная этика. Для нея совершенно не важно, какое слѣдствіе вызываетъ во внѣшнемъ мірѣ поступокъ, оправданный индивидуальной совѣстью. Но разъ сознано, что въ соціальномъ космосѣ каждый поступокъ производитъ послѣдствія, затрагивающія жизнь общества, то къ каждому предъявляется категорическое требованіе разсматривать свои поступки не только по ихъ субъективно-индивидуальной, но и, насколько возможно, по ихъ объективно-соціальной цѣнности. Сознаніе, что человѣкъ обязанъ обществу физически, духовно и морально, порождаетъ такія глубокія обязанности индивидуума по отношенію къ цѣлому, которыя непрестанно будятъ у насъ чувство долга, предъ которымъ должно замолкнуть всякое другое чувство. Къ сожалѣнію, въ этикѣ еще чрезвычайно прочно царитъ атомистическое воззрѣніе на отношеніе индивидуума къ обществу. До тѣхъ поръ, пока въ этой области не распространится правильное пониманіе, не можетъ быть прочно заложено основаніе соціальной науки

пока руководящую нить человѣческаго поведенія будутъ искать только въ дѣйствующемъ индивидуумѣ, общество будетъ оставаться случайнымъ аггрегатомъ отдѣльныхъ лицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ отрѣзана возможность правильнаго постиженія соціальныхъ проблемъ.

Индивидуальная этика, какъ эмпирическая, такъ и спекулятивная, приходитъ, конечно, съ ходомъ своего изслѣдованія, и къ требованію соціальныхъ обязанностей для индивидуума; однако, или потому, что послѣднему общество представляетъ очень большія выгоды, или потому, что индивидуумъ можетъ выполнить свое конечное призваніе, заключающееся въ постоянномъ приближеніи къ идеалу, только въ обществѣ другихъ одинаково-организованныхъ существъ. Общество для индивидуальной этики, именно спекулятивной, не имѣетъ значенія, какъ нѣчто самостоятельное, само себя оправдывающее, но лишь какъ условіе реализаціи моральныхъ цѣлей индивидуума. Послѣдній обладаетъ уже первоначально всѣми способностями, необходимыми для осуществленія міра долженствующаго быть, и его появленіе въ мірѣ сущаго имѣетъ цѣлью лишь употребленіе ихъ на служеніе болѣе высокому космосу, отъ котораго онъ происходитъ. Какъ весь міръ дѣйствующихъ причинъ, такъ и общество для индивидуально-этическаго разсмотрѣнія только средство достиженія конечной цѣли, поднятія личности на высоту идеала, который имѣетъ разную окраску, смотря по точкѣ зрѣнія философской системы, изъ которой онъ беретъ начало, и колеблется въ исторіи спекулятивныхъ теорій между обожествленіемъ личности и ея абсолютнымъ самоуничтоженіемъ.

Въ то время, какъ индивидуальная этика считаетъ центромъ тяжести субъективный моментъ нравственнаго явленія, намѣреніе, общественная мораль должна съ одинаковой строгостью направлять свое вниманіе на объективный моментъ его, на совершающійся во внѣшнемъ мірѣ поступокъ. Индивидуальная этика начинаетъ тре-

бованіемъ опредѣленнаго состоянія субъекта, общественная мораль съ требованія опредѣленнаго состоянія объективно-существующаго цѣлаго; первая требуетъ, прежде всего, опредѣленнаго намѣренія и лишь потомъ опредѣленнаго поведенія, вторая сперва опредѣленнаго, проявляющагося во внѣшнемъ мірѣ поведенія, и только затѣмъ опредѣленнаго намѣренія.

То, чего должна, прежде всего, требовать отъ человѣка общественная мораль, это—опредѣленный способъ внѣшняго отношенія къ другимъ людямъ, ибо общество возможно только при условіи соприкосновенія членовъ общества другъ съ другомъ; индивидуумъ долженъ въ извѣстной степени выразить самого себя во внѣ, если онъ хочетъ взаимнаго отношенія къ другимъ. Общественная мораль требуетъ, поэтому, прежде всего, опредѣленнаго поведенія, она опредѣляетъ сперва содержаніе этого поведенія и только потомъ переходитъ къ болѣе высокому требованію внутреннихъ состояній человѣка. Въ противоположность этикѣ индивидуальной, она разсматриваетъ эмпирическія дѣйствія индивидуума не какъ отрицательныя цѣнности, болѣе или менѣе удаленныя отъ пункта, сообразнаго съ идеей поведенія, но признаетъ за поступкомъ, который въ какой бы то ни было степени осуществляетъ объективно доброе, т.-е. содѣйствуетъ сохраненію и благосостоянію общенія, хотя бы и небольшое, положительное значеніе[1]) Она дѣлаетъ это не потому, чтобы упускала изъ виду какимъ бы то ни было образомъ глубокое различіе между чисто-внѣшнемъ поступкомъ и поступкомъ, вытекаю-

---

[1]) Возможность осуществленія объективно-добраго при субъективно дурномъ намѣреніи, и объективно-злого при субъективно-добромъ намѣреніи совершенно вѣрно указана Аренсомъ, в. н. с., стр. 228 и сл. Онъ правильно подчеркиваетъ также недостаточность только субъективно-добраго: „чистаго намѣренія, такъ называемой доброй воли, никогда недостаточно, такъ какъ возможно, что изъ него можетъ выйти какъ разъ обратное“. Тамъ же, стр. 232.

щимъ изъ высокихъ и чистыхъ намѣреній; она лишь въ силу сущности своего принципа видитъ этическій моментъ уже тамъ, гдѣ съ точки зрѣнія индивидуальной этики находится еще мракъ безнравственности или индифферентизма. Даже въ тѣхъ силахъ, которыя, желая зла, творятъ добро, нужно цѣнить то, что содѣйсвуетъ сохраненію и развитію цѣлаго [1]).

Жизненная дѣятельность, сообразная съ этическою нормой—таково первое и принципіальное требованіе общественной морали. Она требуетъ, прежде всего, проявленія воли во внѣшнемъ мірѣ; для нея не имѣетъ полной цѣнности намѣреніе, которое не обнаруживается въ дѣяніи, заключающемъ въ себѣ и способствующемъ всеобщему, но остается замкнутымъ внутри человѣка. Вмѣстѣ съ этимъ главнымъ требованіемъ уже implicite дается другое требованіе внутренняго состоянія, изъ котораго вытекаетъ непосредственно поступокъ. Ибо общество, состоящее только изъ членовъ, которые добровольно взаимно себя ограничиваютъ лишь вслѣдствіе правильно-понятнаго интереса, есть вещь, имѣющая мѣсто только въ спекулятивной фантазіи, а въ дѣйствительности этотъ искусственный механизмъ гармоніи интересовъ потерпѣлъ бы крушеніе при ма-

---

[1]) Сюда относится, въ особенности, та группа влеченій, которую Контъ назвалъ *„egoisme indirect“*, а Гербертъ Спенсеръ—эгоальтруистическими чувствами (ср. *Principles of psychology*, 2 изд., §§ 519 — 523). И теорія утилитарной морали, какъ ее развилъ Д. Стюартъ Миллъ, пришла къ признанію положительной цѣнности сообразнаго съ нормами поведенія, изъ какого бы субъективнаго источника оно не вытекало. Ср.: *Das Nützlichkeitsprincip*, Сочиненія, перев. подъ ред. Th. Gomperz'a, т. I, стр. 147: „Тотъ, кто спасаетъ тонущаго человѣка, поступаетъ морально правильно, является ли побудительнымъ мотивомъ чувство долга или надежда на вознагражденіе за потраченныя усилія; тотъ, кто обманываетъ друга, который ему вѣритъ, виновенъ въ преступленіи, даже если его намѣреніемъ было оказать этимъ услугу своему другому другу, по отношенію къ которому у него болѣе серьезныя обязательства“.

лѣйшемъ потрясеніи. Общество было бы построено на очень шаткомъ основаніи, если бы его функціи исходили отъ силъ, которыя только внѣшняя необходимость удерживала бы отъ взаимнаго разрушенія. Немыслимо высоко-организованное живое существо безъ циркулирующей въ его кровеносныхъ сосудахъ жидкости; первымъ условіемъ его существованія вообще является постоянное движеніе соковъ въ организмѣ. Если бы остановился механизмъ кровообращенія, сложное органическое образованіе скоро обратилось бы въ безформенную массу путемъ разложенія. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, выясняется, что организмъ не можетъ существовать и безъ опредѣленныхъ внутреннихъ качествъ молекулъ, циркулирующихъ въ его артеріяхъ и венахъ. Онѣ должны обладать способностью питать мускулы, возобновлять вещества, потребленныя въ процессѣ жизни; если бы этого не совершалось, организмъ жилъ бы только призрачной жизнью и скоро бы разрушился. Точно такъ же и общество предполагаетъ существованіе опредѣленныхъ внутреннихъ свойствъ у принадлежащихъ къ нему членовъ; хотя безъ этихъ свойствъ оно и могло бы въ теченіе нѣкотораго времени имѣть живой и здоровый видъ, однако рано или поздно должно было бы распасться на свои атомы.

Выше мы говорили уже о той способности жертвовать собою на пользу другого, объ альтруизмѣ, которая должна быть въ извѣстной степени у индивидуумовъ, если только должно возникнуть общеніе. Болѣе близкое изученіе характера и способа дѣйствія этой способности является постоянной задачей индивидуально-этическаго изслѣдованія; ибо, какъ психологія народовъ не дѣлаетъ излишней индивидуальную психологію, такъ и общественная мораль не устраняетъ индивидуальной этики въ только что указанномъ смыслѣ. Общество и индивидуумъ—два полюса жизни человѣческаго рода, и каждая попытка разгадать ее будетъ обречена на неудачу, если

будетъ односторонне опираться на одинъ изъ этихъ полюсовъ, оставляя безъ вниманія другой.

Такимъ образомъ, соціальная и индивидуальная этика дѣлятъ между собой задачу объясненія нравственныхъ явленій. Первая должна установить, что̀ именно нравственно, т.-е. указать матеріальную сторону этическаго. Вторая, напротивъ, должна изслѣдовать, какимъ способомъ всего надежнѣе и лучше осуществляется объективно-нравственное, т.-е. изслѣдовать его формальный, субъективный элементъ. Она должна найти въ индивидуумѣ тѣ силы разума, посредствомъ которыхъ при всякихъ обстоятельствахъ можетъ быть осуществляемо нравственно-должное; но она должна остерегаться опредѣлять собственными силами его содержаніе. Всякое построеніе содержанія нравственныхъ поступковъ не даетъ ничего, кромѣ искусственнаго оправданія дѣйствующихъ въ данное время моральныхъ положеній, и всѣ апріорныя ученія о добродѣтеляхъ и обязанностяхъ, которыя развиваются изъ спекулятивнаго верховнаго принципа, представляютъ только систематическое соединеніе положеній, которыя запечатлѣны у философа школой и жизнью, и сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ. Объективное содержаніе этическаго мѣняется въ исторіи, что̀ нетрудно доказать; постоянны только индивидуальные факторы, которые его осуществляютъ. Совѣсть приверженца суровой религіи будетъ реагировать на неисполненіе предписаннаго этой религіею обряда, выполненіе котораго внушило бы ужасъ цивилизованному человѣку, такъ же, какъ и наша совѣсть, когда мы не исполняемъ велѣнія, представляющагося намъ моральнымъ.

Мы познакомились здѣсь съ альтруизмомъ только въ его слѣдствіяхъ, а не во внутренней его сущности. Познаніе первоначальной этической организаціи индивидуальнаго духа лежитъ внѣ круга этого изслѣдованія. Какъ ни различаются одно отъ другого безчисленныя

мнѣнія о существѣ индивидуальной морали, въ одномъ пунктѣ они, все же, согласны, въ томъ, что результатъ признаннаго нравственнымъ поступка идетъ на пользу не самому дѣйствующему, а другому индивидууму. Выдвигается ли въ качествѣ принципа морали категорическій императивъ, или абсолютное одобреніе волевыхъ отношеній, состраданіе, или мудрое удовлетвореніе индивидуальныхъ желаній, во всякомъ случаѣ она требуетъ отказа отъ имѣющаго въ виду лишь пользу самаго индивидуума эгоистическаго влеченія, жертвы частью своей индивидуальности на пользу другихъ, будь эти другіе—ближній, общество, природа или Богъ.

Теперь легко понять, какое значеніе имѣетъ для соціальной этики поведеніе, вытекающее изъ чистоальтруистическихъ мотивовъ. Индивидуально-этическій принципъ требуетъ совершенія объективно-добраго поступка при всякихъ обстоятельствахъ. Изъ эгоистическихъ основаній также можетъ выйти объективно-доброе, но только случайно, если оно совпадаетъ съ эгоистическими интересами другихъ людей; въ противномъ случаѣ, тотъ же мотивъ побудитъ къ соціально-вредному поступку. Если, напримѣръ, кто-нибудь изъ честолюбія спасаетъ человѣку жизнь съ опасностью для собственной жизни, то онъ можетъ, руководясь тѣмъ же мотивомъ, лишить своего соперника жизни. Такимъ образомъ, поведеніе, вытекающее изъ чисто-моральныхъ мотивовъ, представляетъ для соціальной этики болѣе высокую цѣнность, а для индивидуальной этики только оно и имѣетъ цѣнность.

Съ точки зрѣнія соціальной этики, согласно съ предыдущимъ, можно развить восходящій рядъ ступеней моральнаго поведенія. Въ началѣ этого ряда помѣщается предполагаемый возможнымъ абсолютный эгоистъ; затѣмъ такой человѣкъ, жизненная дѣятельность котораго дѣлаетъ возможнымъ сосуществованіе и взаимныя

отношенія индивидуумовъ и способствуетъ дальнѣйшему развитію такимъ образомъ основаннаго общества; далѣе, тотъ, который не только проявляетъ эту жизненную дѣятельность во внѣ, но желаетъ ея и внутренне изъ сознательно или безсознательно дѣйствующаго моральнаго принципа; наконецъ, абсолютный альтруистъ, облика котораго, конечно, не можетъ изобразить эмпирическая наука, такъ какъ его дѣйствія и внутренне и внѣшне должны имѣть отношеніе къ конечной цѣли общества и всего міра, отысканіе и установленіе которой составляетъ одну изъ вѣчныхъ, постоянно перерѣшаемыхъ задачъ спекулятивнаго мышленія. Такимъ образомъ, и соціальная этика, въ концѣ концовъ, какъ на конечный пунктъ моральнаго развитія указываетъ на идеальнаго человѣка, только она не рѣшается собственными силами ближе опредѣлять этотъ идеалъ, но видитъ здѣсь тотъ пунктъ, гдѣ ея компетенція кончается и духъ обращаетъ за отвѣтомъ къ метафизикѣ. Здѣсь и точка соприкосновенія индивидуальной этики съ соціальной, ибо этотъ идеальный человѣкъ представляетъ въ тоже время и индивидуума, и родъ, онъ—самое совершенное взаимное проникновеніе и сліяніе всеобщаго съ индивидуальнымъ. Такимъ образомъ, и чисто индивидуальная этика приходитъ къ всеобщему тогда именно, когда она отдѣльнаго человѣка побуждаетъ стремиться къ міровой цѣли и проникаться ею, когда она ἕν расширяетъ въ πᾶν. Только это πᾶν находится за предѣлами всякаго опыта и получаетъ значеніе и теряетъ его съ принятіемъ или отверженіемъ данной философской системы. Смотря потому, что считаетъ философъ принципомъ міра: вѣчно-равную себѣ, мыслящую и протяженную субстанцію, или гармоническое соединеніе находящихся въ согласіи другъ съ другомъ, замкнутыхъ въ себѣ отдѣльныхъ существъ, или идею, развивающуюся и раскрывающую полноту своей жизни въ противорѣчіяхъ и сочетаніяхъ этихъ противорѣчій,

или слѣпую волю, блуждающую въ вѣчной ночи безсознательнаго, — измѣнится и образъ истиннаго и цѣльнаго человѣка, который нарисуетъ намъ философъ.

Такимъ образомъ, соціальная этика не исключаетъ, какъ и всякая эмпирическая наука, возможности спекулятивнаго объясненія ея проблемъ, она ставитъ только категорическое требованіе, чтобы всякое иное объясненіе, если оно вообще должно разсчитывать на научное вниманіе, предоставляло ей установленіе посредствующихъ причинъ, черезъ которыя оно осуществляетъ свой принципъ; въ этой области за опытомъ также должно признать его безусловное право на изученіе міра явленій. Но среди всевозможныхъ, объясняющихъ нравственность принциповъ, только общество и его члены находятся не внѣ круга опыта, и поскольку вообще возможно объяснять и обосновывать нравственность эмпирически, общество является единственно-мыслимымъ послѣднимъ основаніемъ объясненія. Оно единственный источникъ, изъ котораго можно вразумительно для всякаго человѣка вывести должное, въ то время какъ обращеніе къ спекулятивному принципу предполагаетъ прежде всего одобреніе и признаніе со стороны каждаго въ отдѣльности. Всегда останется небольшимъ число тѣхъ, кто убѣжденъ, что существующій чувственный міръ имѣетъ единственной цѣлью служить для долга матеріаломъ, подлежащимъ обработкѣ, или что въ чувствѣ состраданія намъ открывается глубокая истина о тождествѣ въ основѣ всего, внѣ насъ сущаго, съ нашимъ существомъ; напротивъ, каждому понятно, что, если онъ хочетъ жить въ обществѣ и пользоваться безчисленными его благами, если онъ хочетъ развить всѣ потенціальныя силы своего существа, словомъ, если онъ хочетъ быть человѣкомъ, то онъ долженъ желать и тѣхъ условій, на которыхъ зиждется человѣческое общежитіе и развитіе его, и долженъ подчиняться упорядоченному строю жизни

взаимно вліяющихъ другъ на друга индивидуумовъ, составляющихъ общество.

Противъ растворенія всей этики въ общественной морали можно было бы возразить, что очень значительная часть моралистовъ допускаетъ особую сферу индивидуальной нравственности, то „личное совершенство“, которое со временъ стоиковъ провозглашалось одной изъ главныхъ цѣлей моральнаго поведенія. Но и это совершенство исходитъ изъ понятія общества; въ немъ содержится требованіе представлять общество въ самой идеальной формѣ человѣчества. Этотъ идеалъ индивидуальнаго совершенства измѣняется въ исторіи по содержанію; совершенство Гомеровскаго героя было инымъ, чѣмъ въ представленіи Катона или Сенеки, и сущность этого совершенства выводится, въ концѣ концовъ, изъ сущности и цѣлей общества въ его историческихъ измѣненіяхъ. Индивидуальное совершенство заключаетъ въ себѣ, поэтому сознательное или безсознательное требованіе отъ индивидуума стать такимъ членомъ цѣлаго, индивидуальныя качество котораго всего больше способствовали бы поддержанію и развитію общества.

Идея соціальной этики, какъ она развита выше, очень поздняго происхожденія; только въ наше время дѣлаются первыя научныя попытки заложить ея фундаментъ. Причиной этой запоздалости возникновенія соціальной этики является то особенное развитіе, которое пережило въ исторіи пониманіе этическаго. Это пониманіе подходило первоначально очень близко къ соціально-этическому способу разсмотрѣнія, но все больше удалялось затѣмъ отъ него и кончилось абсолютнымъ индивидуализмомъ. Нашему времени снова пришлось отыскивать забытый истинный путь.

Моральныя воззрѣнія грековъ до Аристотеля и законъ Моисея, т.-е. оба главныхъ фактора духовнаго развитія дохристіанскаго времени, вліяніе которыхъ

распространяется еще и на насъ, были въ сущности соціально-этическаго характера. У первыхъ идея человѣка находила осуществленіе въ государствѣ, а индивидуумъ понимался только, какъ дѣятельный членъ государственнаго общенія [1]); у второго теократическое земное царство призывало индивидуума къ энергичному поддержанію божескаго и человѣческаго порядка; въ силу обоихъ міровоззрѣній нужно было сохранять уже существующее безконечно драгоцѣнное благо, которое требовало со стороны охранителей самаго напряженнаго вниманія. Только съ паденіемъ греческой государственной жизни, моральнымъ вырожденіемъ Рима и гибелью палестинскаго національнаго царства духовныя исканія оставили внѣшній міръ и индивидууму пришлось внутри себя основывать и строить полноту утраченнаго міра великихъ цѣлей и гармонической дѣятельности. Когда удовлетвореніе, которое давали нѣкогда чающей и созидающей волѣ богатая дѣяніями современность и осуществленіе великихъ задачъ перемѣстилось въ недосягаемый потусторонній міръ, тогда индивидуумъ почувствовалъ въ себѣ изначальную силу преодолѣть данный міръ, враждебно ему противостоящій, и стать членомъ болѣе высокаго общенія; этическій центръ тяжести съ государства былъ перенесенъ на индивидуума и за отдѣльной личностью было признано безконечное значеніе, заложена была почва индивидуальной морали. Какъ и весь земной міръ, государство и общество вообще являются только блѣднымъ отраженіемъ небеснаго царства, отраженіемъ, которое не въ состояніи побудить къ активному дѣйствію, а порождаетъ пассивный индифферентизмъ.

---

[1]) Греческое „Ethos не является задачей отдѣльнаго человѣка, но цѣлаго, въ немъ всеобщее (объективное) обращается къ міру; человѣка касается оно только, какъ члена этого міра. Оно не требуетъ, поэтому, е г о поведенія (самого по себѣ), но существованія нравственнаго порядка въ цѣломъ, чистоты духовнаго міра". S t a h l, *Die Philosophie des Rechtes*, т. I, стр. 44.

Такимъ образомъ, истинное общество также переносится въ потусторонній міръ, и права и обязанности индивидуума измѣряются сообразно съ царящимъ въ этомъ надземномъ царствѣ порядкомъ. Отсюда — равнодушіе, которое первоначальное христіанство обнаруживаетъ въ отношеніи государства, семьи, хозяйства, равнодушіе, большого всемірно-историческаго вліянія котораго нельзя оцѣнивать слишкомъ низко. Ибо идея равенства и братства, которая подымается надъ разъединяющими различіями народа, образованности и сословности, всеобъемляющая гумманность никогда не были бы въ состояніи проложить въ сознаніи людей такихъ глубокихъ корней, если бы на время не было забыто то, что, признавая за одною узкою сферой человѣческихъ отношеній глубокожизненное внутреннее значеніе, въ то же время ставитъ человѣка во внѣ въ антагонизмъ съ другими людьми [1].

Когда философское умозрѣніе вновь освободилось отъ теологическихъ путъ, оказался другой моментъ, принуждавшій его въ области этики быть вѣрнымъ индивидуализму. Съ реформаціей начинается великая борьба индивидуума съ политическими и соціальными силами, которыя стремятся его подавлять. Тогда и начинаютъ подчеркивать изначальную самобытность индивидуума по отношенію къ этимъ силамъ и эти послѣднія начинаютъ представлять въ то же время въ видѣ учрежденій, за-

---

[1]) И христіанская этика является въ основѣ общественною, но трансцендентною, ибо добродѣтели, въ которыхъ долженъ упражняться человѣкъ, имѣютъ скрытой цѣлью осуществленіе совершенной гармоніи царства Божія. Идея этого трансцендентнаго общества опредѣляетъ сущность того, кто хочетъ найти въ этомъ обществѣ себѣ мѣсто. Въ примѣненіи къ посюстороннему обществу христіанскія добродѣтели, приводящія къ распыленію „я“, за недостаткомъ въ немъ самоутвержденія по отношенію къ внѣшнимъ вторженіямъ въ его сферу, вызвали бы разложенія общества вслѣдствіе преизбытка альтруизма.

висящихъ отъ его свободной воли. До французской революціи, до Канта и Фихте продолжается это стремленіе освободить индивидуума и найти въ немъ основу міра.

На путь правильнаго познанія вступили только въ XIX столѣтіи, когда, съ одной стороны, углубленное историческое изслѣдованіе указало на зависимость индивидуальнаго духа отъ историческихъ силъ, образующихся независимо отъ произвола и сознанія индивидуума, и когда, съ другой, умозрѣніе обратилось со времени Шеллинга къ изслѣдованію объективнаго. Этимъ дано было основаніе исканію объективнаго принципа морали, который сперва былъ, конечно, чисто-спекулятивнымъ. Сказанное вѣрно не только по отношенію къ тѣмъ школамъ, которыя выводятъ нравственно-должное непосредственно изъ своего мірового принципа, но и та сущность человѣка, которую, напримѣръ, школа Краузе и Тренделенбургъ ставятъ исходнымъ пунктомъ этики, была найдена не исторически и психологически, а спекулятивнымъ путемъ, и изъ этой сущности можно было дѣлать тѣ дедукціи, какія только было желательно. Именно въ наше время, когда сущее все болѣе и болѣе представляютъ себѣ, какъ результатъ процесса развитія, нужно было остерегаться выставлять правовыя учрежденія и нравы въ качествѣ необходимыхъ слѣдствій вѣчной человѣческой природы: открытія послѣдняго времени могутъ совершенно опрокинуть карточные домики этихъ философскихъ системъ [1]).

Однако, и эти, основанныя на объективномъ принципѣ системы удерживаютъ еще добрую часть стараго

---

[1]) Такъ, напримѣръ, Адольфъ Вагнеръ въ своей книгѣ: *Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre*, ч. I Grundlegung, Лейпцигъ и Гейдельбергъ, 1876, стр. 431 сл., убѣдительно доказалъ неосновательность всѣхъ теорій, желающихъ вывести собственность изъ понятія и сущности человѣческой личности; не абсолютной, но историко-экономической категоріей является это, якобы вытекающее изъ вѣчной человѣческой природы, учрежденіе.

индивидуализма. Способъ осуществленія добра все еще предоставляется ими, по большей части, субъективному благоусмотрѣнію. Такимъ образомъ, напримѣръ, у Гегеля, въ философіи котораго пониманіе семьи, общества и государства, какъ объективныхъ, обнимающихъ и образующихъ индивидуума нравственныхъ силъ, принадлежитъ во всякомъ случаѣ къ самымъ глубокимъ и сохранившимъ свою цѣнность идеямъ, моральность, т.-е. субъективное осуществленіе добраго, совершенно предоставлено благоусмотрѣнію индивидуума; по Шталю мораль представляетъ собою Ethos индивидуума; по Аренсу (Краузе) нравственность, это—по преимуществу субъективное осуществленіе добра. Нужно согласиться съ Эттингеномъ, когда онъ замѣчаетъ, что новыя попытки научнаго объясненія жизни нравственнаго общенія обнаруживаютъ ощутительную неясность и неустранимыя противорѣчія: „Ни въ одной области науки о духѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, психологіи, родственной этикѣ, не царитъ такой сбивчивости, такой произвольности метода, такихъ голословныхъ дедукцій и конструкцій, какъ въ этикѣ философской и теологической. Пока нравственно-должное будетъ разсматриваться, какъ заповѣдь для чисто-личной, индивидуальной жизни, этика будетъ оставаться индивидуалистически раздробленной и безсвязной“ [1]). Эттингенъ самъ призналъ необходимость общественной морали и стремится построить ее на почвѣ данныхъ статистики моральныхъ явленій, которая учитъ, что соціальные поступки людей происходятъ правильно, и указываетъ на управляющую ими закономѣрность. Однако, методъ ея изслѣдованія не безпристрастенъ; она имѣетъ ясно выраженную цѣль „дать возможность глубокаго научнаго обоснованія истиннаго христіанско-церковнаго, если угодно, лютеранскаго

---

[1]) Указ. соч., стр. 57.

реализма“ [1]). Результатъ твердо установленъ уже сначала; требуемыя положенія должны слѣдовать сами собой, что̀, при гибкости и растяжимости, допускаемыхъ толкованіемъ статистическихъ данныхъ, не составляетъ слишкомъ большого труда. Однако, это сочиненіе имѣетъ ту большую заслугу, что оно самымъ убѣдительнымъ образомъ доказало недостаточность индивидуализма при рѣшеніи этическихъ проблемъ.

Послѣдовательный уклонъ въ сторону соціальной этики встрѣчается среди господствующихъ теперь въ Германіи философскихъ школъ только въ Гербартовской, а именно въ исходящей изъ нея психологіи народовъ, ставящей себѣ задачей изученіе отношенія всеобщаго разума къ индивидуальному во всѣхъ областяхъ, т.-е., стало быть, и въ этической, а потому и здѣсь стремящейся преодолѣть индивидуализмъ учителя. Точно указалъ отношеніе психологіи народовъ къ этикѣ Штейнталь: „Я“ мыслится нами не просто, какъ я—я, но какъ замкнутое въ „мы“, въ общемъ духѣ, который имѣетъ истинную духовную реальность.... Мы не начинаемъ, поэтому, этику съ индивидуума и не ищемъ

---

[1]) Указ. соч., предисловіе, стр. VI. Къ требованію общественной морали, отъ взглядовъ на христіанство, діаметрально противоположныхъ взглядамъ Эттингена, приходитъ Ф. А. Мюллеръ (Эдуардъ Гартманъ), находящій нужнымъ восполнить и углубить субъективный принципъ любви, на которомъ построена христіанская этика объективнымъ принципомъ солидарности. Сущность солидарности онъ очень правильно видитъ не только въ томъ, „что индивидуумъ ограничиваетъ эгоизмъ своей воли ради общаго блага, но что это послѣднее сообщаетъ ей положительные импульсы къ дѣятельности, которая идетъ на пользу дѣйствующему лишь косвеннымъ образомъ, въ неуловимо-незначительной части, или и совсѣмъ безполезна для него. Сущность солидарности представляетъ, такимъ образомъ, разрывъ съ исключительнымъ эгоизмомъ и распространеніе себялюбія на солидарное цѣлое, какъ истинное „я“, въ противоположность индивидуальному „я“. *Briefe über die christliche Religion,* Штутгартъ, 1870, стр. 265.

въ немъ отношеній, которыя признаются похвальными, чтобы затѣмъ перейти къ отношеніямъ между нимъ и другимъ индивидуумомъ и, въ концѣ концовъ, создать возвышенную гипотезу одухотвореннаго общества. Для насъ это послѣднее является какъ бы первымъ и истинно реальнымъ; въ немъ коренится духъ индивидуума, съ него должны мы начинать. Такимъ образомъ, прежде всего устанавливаются въ ихъ полнотѣ неисчерпаемыя нравственныя отношенія, а внутренняя свобода отдѣльнаго человѣка, обнимающая всѣ идеи, выступаетъ лишь, какъ результатъ. Свободный человѣкъ есть плодъ и цѣль одухотвореннаго общества; каждый членъ его имѣетъ цѣлью каждаго другого, и всѣ—своей цѣлью цѣлое“ [1]). Этимъ выражается, въ общемъ, правильный принципъ этики; психологія народовъ должна теперь доказать свою правильность въ детальныхъ работахъ.

Болѣе цѣльный характеръ, чѣмъ въ Германіи, соціальное пониманіе этики получило во Франціи и Англіи, въ первой благодаря, главнымъ образомъ, Огюсту Конту, который, несмотря, на многочисленныя и серьезныя ошибки своей положительной философіи, долженъ быть причисленъ къ заложившимъ прочный фундаментъ научнаго ученія объ обществѣ. Основную мысль соціальной науки трудно выразить болѣе остроумнымъ и, можетъ быть, парадоксальнымъ образомъ, чѣмъ это сдѣлалъ одинъ ученикъ Конта въ слѣдующихъ словахъ: *L'homme isolé et individuel n'est qu'une abstraction qui n'existe que dans les livres de philosophie. Il n'y a de réel que l'Humanité* [2]).

---

[1]) Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, VIII, стр. 382, 383.

[2]) C. de Blignières, *Exposition agrégée et populaire de la philosophie et de la religion positive.* Парижъ, 1857, стр. 465. Склоняясь къ утилитарному воззрѣнію, J. G. Courcelle-Seneuil правильно опредѣляетъ объективный принципъ этики: „*La morale se compose de l'ensemble de préceptes par l'observation desquels les individus et l'humanité se conservent et grandissent*“. *Etudes sur la science sociale.* Парижъ, 1862, стр. 326.

Если принципомъ морали является: „vivre pour autrui“, то она можетъ быть понята только въ качествѣ общественной.

Англійская философія, которая никогда не отходила отъ почвы опыта такъ далеко, какъ нѣмецкая, уже давно ступила на путь, ведущій къ правильному пониманію нравственныхъ явленій. Уже въ началѣ XVIII столѣтія у Шефтсбёри обнаружились ясные стремленія соціализировать этику[1]), и, какъ ни были несовершенны и лишены глубокаго обоснованія системы англійскихъ моралистовъ эпохи просвѣщенія, все же въ нихъ никогда не упускалась изъ виду связь этическихъ нормъ съ реальными состояніями общества. Примыкая къ выдвинутой Юмомъ и Бентамомъ утилитарной морали, Д. Ст. Миллъ сдѣлалъ въ наше время заслуживающую вниманія попытку научнаго рѣшенія моральной проблемы путемъ переработки и углубленія шаткаго, двусмысленнаго и сильно субъективнаго понятія пользы. И Г. Спенсеръ, предполагающій, сообразно съ программой своей синтетической философіи, подробно изслѣдовать принципы этики, можетъ, по изложеннымъ имъ до сихъ поръ выводамъ, быть причисленъ къ соціальнымъ моралистамъ [2]).

Существенную поддержку соціальная этика встрѣчаетъ со стороны позитивной науки. Во-первыхъ, со стороны естествознанія, которое стремится доказать значеніе Дарвиновской теоріи въ качествѣ мірового закона, и потому хочетъ показать ея значеніе и въ предѣлахъ общества. Въ силу этой теоріи, и нравствен-

---

[1]) Ср. G. v. Gizycki, Die Philosophie Schaftesburys, Лейпцигъ и Гейдельбергъ, 1876.

[2]) Ср. G. Spenser, *First Principles*, 2-е изд., Лондонъ, 1867, стр. XIII, XIV; далѣе—*The study of sociology*, особенно т. VIII; затѣмъ въ *Principles of psychology*, 2 изд., § 503 и сл. Тотъ же авторъ во многихъ очеркахъ изложилъ основныя черты своихъ моральныхъ взглядовъ.

ность должна появляться, какъ нѣчто происшедшее, а именно, какъ нѣчто, созданное природою и человѣческимъ родомъ, которое становится силой, управляющей людьми путемъ наслѣдственной передачи и воспитанія. Во-вторыхъ, со стороны этнологіи, изслѣдующей формы проявленія нравственнаго сознанія у народовъ самыхъ различныхъ ступеней культуры; показывающей связь его съ физическими и соціальными условіями, въ которыхъ оно появляется; обозначающей различныя направленія, по которымъ можетъ пойти его развитіе. Внутреннее отношеніе этнологіи къ этической наукѣ ясно выразилъ Тэйлоръ такимъ утвержденіемъ: „Какъ только будутъ анализированы этическія системы человѣчества, начиная съ самой низкой ступени варварства, и будутъ расположены по ступенямъ ихъ развитія, этическая наука получитъ возможность освободиться отъ своей теперешней слишкомъ исключительной связи съ отдѣльными фазами нравственности, которыя безъ всякаго основанія разсматриваются представляющими нравственность вообще; она будетъ въ состояніи подвергнуть строгому разсмотрѣнію, при помощи точныхъ методовъ, длинную и запутанную исторію права и неправды въ мірѣ“ [1]). Затѣмъ, со стороны политической экономіи, и въ особенности, со стороны новаго соціально-правового направленія ея, которое Шеффле непремѣнно желаетъ поставить на соціально-этическую точку зрѣнія[2]). Вагнеровская критика понятій личной свободы и нравственности, считающая эти понятія соціально-обус-

---

[1]) Edward B. Tylor, *Die Anfänge der Cultur*, нѣмецкій авторизированный переводъ J. W. Spengel'я и Tr. Poske, Лейпцигъ, 1875, т. II, стр. 452.

[2]) A. E. T. Schäffle, *Bau und Leben des sazialen Körpers.* Enzyklopädischer Entwurf einer realen Anatomie, Physiologie und Psychologie der menschlichen Gesellschaft mit besonderer Rücksicht auf die Volkswirtschaft als sozialen Stofwechsel. II. Das Gesetz der sozialen Entwicklung. Тюбингенъ, 1879, стр. 79, 80.

ловленными и измѣняющимися, имѣетъ большое значеніе для философіи права и этики, такъ какъ она представляетъ одну изъ самыхъ острыхъ нападокъ на укоренившійся здѣсь застарѣлый догматизмъ. Основное положеніе соціальной этики Шеффле удачно выражаетъ, держась того взгляда, „что, хотя факты нравственности раскрываются подъ сильнымъ вліяніемъ идеалистической и религіозной черты нашей духовной природы, все же они по содержанію относятся къ области эмпирическаго раскрытія нашей соціальной природы. Моральный организмъ составляетъ соціальный образъ дѣйствій, „матеріальные принципы“ этики имѣютъ эмпирическій характеръ“, [1]) и онъ стремится показать образованіе и развитіе этихъ матеріальныхъ принциповъ въ жизни общества [2]).

Такимъ образомъ, есть полное основаніе надѣяться, что, въ концѣ концовъ, при совмѣстныхъ усиліяхъ психологіи, естествознанія и соціальной науки, будетъ созданъ научный базисъ этики, котораго она была лишена дольше, чѣмъ всякая другая отрасль человѣческаго познанія. Она смѣло пойдетъ по тому пути, на которомъ только и можетъ удостоиться стать наравнѣ съ другими науками, не считаясь съ невѣрными мнѣніями тѣхъ, кто думаетъ безсмертно пребывающій въ человѣчествѣ идеализмъ связать со своими непрочными апріорными построеніями.

---

[1]) Указ. соч., т. I, стр. 583.

[2]) Указ. соч., т. I, стр. 581 и сл., т. II, стр. 59 и сл.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Право.

Вытекающія изъ условій существованія и развитія общества, обращенныя для ихъ осуществленія къ человѣческой волѣ, нормы мы признали объективнымъ содержаніемъ этики. Если мы обратимся теперь, при опредѣленномъ историческомъ общественномъ строѣ, къ нормамъ, слѣдованіе которымъ дѣлаетъ возможнымъ продолжительное существованіе такого строя, мы получимъ право этого общества. Право, это—не что иное, какъ этическій минимумъ. Объективно, это—условія сохраненія общества, поскольку они зависятъ отъ человѣческой воли, т. е. Existenzminimum этическихъ нормъ; субъективно—минимумъ нравственной жизнедѣятельности и нравственнаго настроенія, требующійся отъ членовъ общества.

Я говорю объ условіяхъ существованія исторически-опредѣленнаго строя. Ибо право мѣняется исторически въ зависимости отъ условій существованія различныхъ состояній общества. Въ видѣ вѣчнаго, абсолютнаго права могли бы явиться только скудныя нормы, при несоблюденіи которыхъ совершенно немыслимо возникновеніе даже самой примитивной формы человѣческаго общежитія. Чѣмъ сложнѣе и развитѣе становятся способы и формы соціальныхъ отношеній между людьми, чѣмъ многочисленнѣе и интенсивнѣе цѣли, достигнуть которыхъ отдѣльный человѣкъ и все общество желаютъ

путемъ общенія, тѣмъ больше число воздѣйствующихъ на волю условій, при которыхъ является возможность сохранить неприкосновенно такое сложное цѣлое. Поэтому, каждый общественный строй имѣетъ свое особое право; поэтому, право, въ силу необходимости различается исторически и національно. Общимъ для всякаго права является только его консервативный характеръ и его соотношеніе съ нравственностью. Право, согласно этому воззрѣнію, относится къ нравственности, какъ часть къ цѣлому, какъ фундаментъ къ зданію.

То, что праву свойственна цѣль поддержанія опредѣленнаго общественнаго строя путемъ охраны необходимыхъ для его безпрепятственнаго существованія благъ посредствомъ предписывающихъ или запрещающихъ нормъ человѣческаго поведенія, является положеніемъ, которое едва ли нужно долго доказывать. Его можно испытать на любой нормѣ любого общественнаго строя, и всегда окажется, что цѣлью, которая вызвала данную норму въ сознаніи людей, было явное или скрытое намѣреніе сохранить извѣстное благо, хотя бы средства для этого нерѣдко выбирались неподходящія и благо имѣло только индивидуальную, а не соціальную цѣнность. Отдаетъ ли деспотъ, вселяющія ужасъ, приказанія, родившіяся въ его жестокой душѣ, грозитъ ли суевѣрный и нетерпимый народъ смертью за волшебство и еретичество, или современное культурное государство издаетъ детальныя постановленія объ организаціи школъ, желѣзныхъ дорогъ, банковъ и т. п., во всѣхъ случаяхъ дѣло идетъ, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію правообразующей власти, о сохраненіи драгоцѣннаго или хотя бы считаемаго таковымъ объекта, будь то неограниченный произволъ, единство вѣры, жизнь, собственность, образованіе, безопасность движенія. Съ точки зрѣнія соціальной этики, такимъ образомъ, право будетъ составлять, какъ охраняющій моментъ, минимумъ нормъ опредѣленнаго общественнаго строя, т.-е. обнимать тѣ нормы,

которыя обезпечиваютъ неизмѣнное существованіе послѣдняго.

Всего яснѣе нравственный характеръ права, какъ этическаго минимума, выступаетъ въ первобытныхъ законахъ ранняго періода нравственности, какъ ее представляютъ десять заповѣдей Моисея и пять главныхъ заповѣдей буддистовъ. Если въ десяти заповѣдяхъ, которыя составляютъ основаніе этическихъ понятій современныхъ культурныхъ народовъ, оставить въ сторонѣ заповѣди, говорящія объ отношеніи человѣка къ Богу, въ немъ окажутся, главнымъ образомъ, тѣ основныя нормы, на которыхъ покоится правовой порядокъ всякаго сколько-нибудь цивилизованнаго народа. „Чти отца и мать“. „Не убивай, не кради, не прелюбодѣйствуй, не лжесвидѣтельствуй“. Т.-е., посредствомъ этихъ заповѣдей охраняется и поддерживается святость семьи, неприкосновенность личности, собственности, брака, основывающагося на вѣрѣ въ честное слово нравственнаго и матеріальнаго оборота. Буддистскія заповѣди, которымъ долженъ слѣдовать каждый мірянинъ, точно такъ же предписываютъ не убивать ничего живого, не красть; соблюдать цѣломудріе и не лгать [1]). Эти основныя заповѣди подавляютъ безграничное эгоистическое стремленіе въ такой степени, чтобы оно не угрожало существованію всеобще-необходимыхъ соціальныхъ учрежденій и благъ. Чѣмъ дальше идетъ культурное развитіе какого-либо народа, тѣмъ становится больше число такихъ нормъ, необходимыхъ для сохраненія цѣлаго и частей, тѣмъ, поэтому, шире нравственный базисъ права.

Противъ сдѣланнаго здѣсь опредѣленія права приводятъ большое количество давнишнихъ возраженій. Нужно теперь коснуться наиболѣе существенныхъ изъ нихъ.

---

[1]) Ср. C. F. Koeppen, *Die Religion des Buddha und ihre Entstehung*. Берлинъ, 1857, стр. 414.

Прежде всего, это—появившаяся въ началѣ XVIII столѣтія теорія объ отношеніи права къ нравственности, по которой право покоится лишь на внѣшнемъ отношеніи людей другъ къ другу сообразно съ всеобщеобязательною нормой, нравственность же основывается на внутреннемъ и внѣшнемъ осуществленіи нравственнаго принципа; теорія, которая въ теченіе долгаго времени господствовала исключительно и теперь еще не можетъ быть причислена къ окончательно оставленнымъ. Она имѣетъ свое начало въ атомистическомъ пониманіи общества, какъ его выдвинула эпоха просвѣщенія въ Англіи и Франціи. Общество, по этому воззрѣнію, не есть нѣчто естественно-необходимое, но покоится на свободной волѣ людей. Основаніемъ его является договоръ, въ которомъ люди обѣщаютъ держаться такого образа дѣйствій, какой безусловно необходимъ для существованія общества. Въ великомъ умственномъ движеніи, направленномъ противъ подавляющей всякое свободное развитіе индивидуума власти государства и его руководителей, не дошли до того пониманія, что рефлектирующее сознаніе имѣетъ лишь очень небольшое участіе въ созданіи соціальныхъ связей. Тотъ неисторическій раціонализмъ, который всѣ явленія въ религіозной, государственной и исторической области хочетъ свести къ цѣлесообразной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и не имѣетъ представленія о силахъ, опредѣляющихъ дѣятельности человѣка помимо его сознанія и воли, стоитъ въ тѣсной связи съ сильнымъ противодѣйствіемъ, которое индивидуумъ оказывалъ порядку, не отвѣчавшему болѣе данной исторической стадіи развитія общества. Онъ здѣсь долженъ былъ подчеркивать свою самостоятельность въ отношеніи власти, долженъ былъ напоминать властвующимъ о томъ, что онъ такъ же, какъ и они, принадлежитъ цѣлямъ, которымъ нужно содѣйствовать путемъ государственнаго общенія. Въ эпоху гнета совѣсти, постоянно повторявшихся попытокъ порабощенія духа че-

ловѣкъ долженъ былъ ограждать свой внутренній міръ и объявлять неправомѣрнымъ всякое категорическое требованіе, предъявляемое къ нему извнѣ. Онъ хотѣлъ быть неограниченнымъ господиномъ этого внутренняго міра, только внѣшнія его проявленія, поскольку они затрагиваютъ другихъ людей, могли быть направляемы другими, а то, что̀ возникало и происходило въ самомъ микрокосмѣ, существовало только для него. Не подозрѣвая, какой длинный рядъ историческихъ причинъ долженъ былъ обусловить то, что человѣкъ возвысился до этой точки зрѣнія, послѣдній требовалъ новаго общественнаго строя, который призналъ бы, что его требованія возникаютъ въ силу изначальнаго права человѣка, права, которое прирождено ему и только вслѣдствіе злоупотребленія власти утрачено имъ втеченіе исторіи, права, которое имѣетъ значеніе для всѣхъ, безъ различія происхожденія, вѣроисповѣданія, положенія въ жизни. Изъ этого мощнаго индивидуализма, который въ своей импонирующей односторонности двинулъ впередъ новое время и хотѣлъ перенести на индивидуума соціальный центръ тяжести, какъ то въ свое время сдѣлало въ области этики христіанство, исходитъ воззрѣніе объ отдѣленіи права отъ нравственности. Такъ какъ право имѣетъ лишь ту цѣль, чтобы ограничивать индивидуума, который смотритъ на себя, какъ на что-то безконечное, какъ на творческое условіе міра (это чувство нашло свое высшее спекулятивное выраженіе въ философіи Фихте), то оно представляется, какъ все идущее извнѣ, не продуктомъ личности, а чѣмъ-то механическимъ, не стоящимъ въ связи съ внутреннимъ міромъ человѣка. Лишь затѣмъ, чтобы сохранить свободу и внутреннюю самостоятельность всѣхъ, лишь затѣмъ, чтобы утвердить механическій базисъ, на которомъ можетъ безпрепятственно совершаться органическое развитіе „я“, каждый человѣкъ долженъ отказаться отъ извѣстной части возможныхъ для него поступковъ. Это—

максима сосуществованія, составляющая основу права, по воззрѣнію Канта, и съ еще болѣе рѣзкой односторонностью выраженная въ ученіи Фихте [1]).

Послѣ того, какъ нѣмецкая философія провела раздѣляющую линію между правомъ и нравственностью, это раздѣленіе быстро укрѣпилось въ общемъ сознаніи, тѣмъ болѣе, что оно поддерживалось и системой, имѣвшей долгое время самое большое вліяніе на юристовъ, поскольку абстрактное право (гражданское и уголовное) возникло прежде нравственности и нравовъ. И хотя съ тѣхъ поръ предпринималось много попытокъ снова соединить право и нравственность, но вліяніе стараго индивидуализма, по большей части, препятствовало полному проявленію правильнаго пониманія, ибо старое раздѣленіе не устраняется тѣмъ, что должны суще-

---

[1]) Впрочемъ, Кантъ въ своихъ воззрѣніяхъ на общество стоитъ гораздо выше взглядовъ англо-французскаго просвѣщенія. Одушевленный заключающейся въ Лейбнице-Вольфовской философіи мыслью о развитіи, онъ разсматривалъ человѣческое общество, какъ дѣло тайнаго плана природы, которая развиваетъ разумныя способности человѣка не въ интересахъ его, какъ индивидуума, а въ интересахъ рода, и тѣмъ оставилъ далеко позади себя односторонній индивидуализмъ. Онъ признаетъ даже, что свойства которыя съ точки зрѣнія его этики нужно подавлять, составляютъ въ развитіи рода силу, движущую впередъ, и благодаритъ природу за нетерпимость, завистливо-соперничающее честолюбіе, за ненасытную жажду обладанія или жажду власти, которыя она вложила въ человѣка (Ср. *Ideen zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*). Но его философія исторіи и его ученіе о морали не находятся въ связи другъ съ другомъ. Согласно первой, только родъ можетъ осуществить человѣческій идеалъ; согласно второму, постепенное осуществленіе идеала требуется отъ индивидуума (на чемъ основывается постулатъ безсмертія); тамъ конечной цѣлью моральнаго развитія представляется величайшая проблема для человѣческаго рода—достиженіе всеобщаго, основаннаго на правѣ, гражданскаго общества, общаго право-порядка, обнимающаго всѣхъ членовъ человѣчества, здѣсь—право представляется безразличнымъ въ моральномъ отношеніи, такъ какъ оно относится равнодушно къ побудительнымъ причинамъ поступка.

ствовать два, въ основѣ различныхъ, способа осуществленія добра.

Изъ индивидуалистовъ Гербартъ доказывалъ нравственное свойство права тѣмъ, что считалъ его непосредственнымъ источникомъ одну изъ пяти этическихъ идей. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, является ли индивидуальнымъ источникомъ нравственности абсолютное одобреніе представляемыхъ волеотношеній, но выведеніе права изъ нежеланія спора ни въ коемъ случаѣ недостаточно для того, чтобы объяснить всѣ правовыя явленія, въ особенности потому, что право вовсе не исключаетъ спора. Какъ былъ бы вообще мыслимъ, при послѣдовательномъ проведеніи этого пониманія, „правовой споръ!“

Къ правильному пониманію отношенія между правомъ и нравственностью очень близко подошелъ другой мыслитель, который, несмотря на принятіе объективно-трансцендентнаго принципа морали, въ пониманіи общества остался при самомъ грубомъ атомистическомъ индивидуализмѣ. Для Шопенгауэра, несмотря на субстанціональное единство всѣхъ существъ въ міросозидающей волѣ, единственно реальнымъ является индивидуумъ, обязанный своимъ существованіемъ, въ качествѣ явленія, довременному трансцендентному акту; поэтому, и человѣческое общеніе нужно мыслить возникшимъ изъ сознательной воли отдѣльныхъ единицъ. Съ точки зрѣнія нравственной теоріи Шопенгауэра, понятія права и неправды имѣютъ моральное происхожденіе постольку, поскольку они считаются моральными понятіями въ естественномъ состояніи, гдѣ еще не можетъ быть рѣчи о юридическихъ отношеніяхъ. „Они являются на скалѣ весьма различныхъ степеней силы, съ которою въ человѣческомъ индивидуумѣ утверждается воля къ жизни, опредѣленнымъ пунктомъ, подобнымъ точкѣ замерзанія на термометрѣ, именно тѣмъ пунктомъ, гдѣ утвержденіе собственной воли становится отрица-

ніемъ чужой“ [1]). Право, какъ отрицаніе первоначальной неправды, исключаетъ изъ всѣхъ возможныхъ поступковъ тѣ, которые могутъ причинить страданіе другому человѣку; оно возникаетъ морально изъ первой заповѣди исключительно этическаго мотива состраданія, которое призываетъ насъ: *Neminem laede, imo omnes, quantum potes, adjuva* [2]). Это „*Neminem laede*“, которое должно составлять моральное основаніе права, является въ этомъ пониманіи, такимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ этическимъ минимумомъ.

Къ ученію Шопенгауэра объ отрицательномъ характерѣ права близко подходитъ другая попытка соединенія права и морали, исходившая изъ самыхъ противоположныхъ принциповъ. Какъ ни мало общаго имѣетъ съ только что названнымъ мыслителемъ Шталь, изумительно его соприкосновеніе съ нимъ въ этомъ пунктѣ: „Нравственныя идеи, коренящіяся въ жизненныхъ отношеніяхъ, право не должно усваивать въ полномъ объемѣ... Напротивъ, при данномъ состояніи человѣческой природы, при несовпаденіи общей и индивидуальной воли и нечистотѣ обѣихъ, кругъ общенія а, слѣдовательно, права долженъ ограничиваться отрицательной областью, т. е. право не должно реализовать нравственныя идеи всякаго учрежденія въ ихъ положительномъ содержаніи, но лишь охранять самыя внѣшнія ихъ границы въ такой мѣрѣ, чтобы оставалось понятіе ихъ и не происходило противоположнаго. Мораль реализуетъ эти идеи въ полномъ объемѣ и съ ихъ положительной стороны, право же—только съ ихъ отрицательной стороны, только ихъ самую внѣшнюю границу. И то, и другое, т. е. что право сохраняетъ нравственное содержаніе, опредѣляется нравственными иде-

---

[1]) *Die Welt als Wille und Vorstellung.* I. Сочиненія, т. II, стр. 403.

[2]) Тамъ же, § 62. *Preisschrift über die Grundlage der Moral.* Соч., т. IV, § 17.

ями, и что оно усваиваетъ эти идеи не болѣе, чѣмъ это ему доступно, равно необходимо для его истиннаго назначенія“ [1]). Вслѣдствіе того, что Шталь только право разсматриваетъ, какъ общественный Ethos, а о нравственности говоритъ въ чисто-индивидуалистическомъ смыслѣ, для него не вполнѣ ясно правильное ихъ соотношеніе,—что возможно лишь въ томъ случаѣ, если весь Ethos мыслится въ качествѣ общаго, если признается, что и индивидуальный Ethos можетъ быть выведенъ и понятъ только изъ общаго.

Здѣсь слѣдуетъ разсмотрѣть еще двѣ выдающихся попытки найти общее основаніе права и нравственности. Прежде всего, это—попытка Краузе, который мыслитъ право, какъ органическое цѣлое, состоящее изъ зависящихъ отъ волевой дѣятельности условій осуществленія общаго человѣческаго назначенія и содержащихся въ немъ особыхъ жизненныхъ цѣлей человѣка и человѣческаго общества; а затѣмъ—воззрѣніе Тренделенбурга, по которому право представляетъ собою въ нравственномъ цѣломъ содержаніе тѣхъ общихъ опредѣленій поведенія, посредствомъ которыхъ нравственное цѣлое и его части могутъ сохраняться и развиваться. Оба эти объясненія страдаютъ тѣмъ общимъ недостаткомъ, что они слишкомъ широки, ибо мгутъ такъ же удобно, или даже съ большимъ основаніемъ, примѣняться къ этикѣ вообще; оба они считаютъ право слишкомъ нравственнымъ.

Мы придемъ къ правильному пониманію, если будемъ имѣть въ виду, что соціальная этика, прежде всего, требуетъ жизнедѣятельности сообразно съ нравственной нормой, что ея первое требованіе къ индивидууму выражается въ требованіи сообразнаго съ нормой поступка. Не только правовая, но всякая этическая норма требуетъ своего осуществленія, по крайней мѣрѣ, внѣшняго ея

---

[1]) Указ. соч., стр. 205, 206.

соблюденія. Въ то время, какъ высшее исполненіе нормы состоитъ въ томъ, что она усваивается внутренне въ качествѣ максимы нравственнаго настроенія, такъ что становится мотивомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ всѣ противоположныя склонности, это внѣшнее соблюденіе ея, согласно выводамъ предыдущей главы, представляетъ минимумъ того, что она требуетъ отъ человѣка. Если нравственность перемѣстить совершенно въ сферу внутренней жизни человѣка, то, конечно, невозможна органическая связь между нею и правомъ.

Этому противорѣчитъ, однако, все историческое развитіе, какъ права, такъ и нравственности. И право, и нравственность возникаютъ изъ нравовъ, этическаго обычая. „Нравы повсюду первоначально заключаютъ въ себѣ нравственность: она является понятіемъ, возникшимъ позже, чтобы отличить, въ видѣ самостоятельной области, требуемый нравами внутренній складъ души отъ права и внѣшнихъ нравовъ и образа жизни; это — болѣе поздняя абстракція, къ появленію которой прежняя жизнь народовъ не представляла еще повода [1]). Исторически минимальное этическое требованіе внѣшняго соблюденія нравственной нормы также предшествуетъ требованію внутренняго ея усвоенія.

Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что право, подобно нравственности, присоединяетъ къ этому принципіальному требованію внѣшняго поведенія второе, хотя и менѣе строгое, а именно—требованіе усвоенія волею правовой нормы внутренне. Такъ какъ задача права состоитъ, прежде всего, въ охранѣ созданнаго положительными и отрицательными человѣческими дѣйствіями общественнаго строя, то оно должно располагать силою принужденія, дабы, въ случаѣ надобности, возмѣщать путемъ принужденія то, что должно исполняться добровольными актами человѣка.

---

[1]) W. Arnold, *Cultur-und Rechtsleben*, Берлинъ, 1865, стр. 239.

Эта власть принужденія, сопровождающая право, является такимъ замѣтнымъ его свойствомъ, что нетрудно проникнуться убѣжденіемъ въ его существенномъ значеніи для права и считать право и принужденіе нераздѣльно-соотносительными понятіями. Однако, принужденіе обращается лишь противъ паталогическихъ явленій правовой жизни, и удачно было указано на то, что правовой порядокъ, который долженъ былъ бы примѣнять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принужденіе для осуществленія своихъ задачъ, держался бы на глиняныхъ ногахъ [1]).

Очень часты случаи, когда сила должна доставлять праву внѣшнее признаніе, но безчисленны тѣ случаи, въ которыхъ правое совершается безъ противодѣйствій. Тотъ, кто принужденіе считаетъ непремѣннымъ признакомъ права, долженъ склоняться и къ тому чисто механическому взгляду на общество, по которому оно можетъ существовать независимо отъ нравственныхъ склонностей его сочленовъ, въ силу рефлектирующаго эгоизма или съ помощью грубой силы. Но допускать, что прочный

---

[1]) Ahrens, *Juristische Enzyklopädie*, Вѣна, 1855, стр. 43. Trendelenburg, указ. соч., стр. 19. Въ своемъ новомъ сочиненіи Іерингъ опредѣлилъ право, какъ обезпеченіе условій жизни общества въ формѣ принужденія (*Der Zweck im Recht*, I, Лейпцигъ, 1877, стр. 434). Хотя опредѣленіе зависящихъ отъ воли условій жизни общества, какъ содержанія права (ибо эта зависимость отъ воли является общимъ свойствомъ жизненныхъ условій, которыя Іерингъ въ видѣ смѣшанно-правовыхъ и чисто-правовыхъ противопоставилъ внѣправовымъ) и вѣрно, все же опредѣленіе становится слишкомъ узкимъ, вслѣдствіе выставленія принужденія въ качествѣ первичнаго признака права. Какъ правильно замѣчаніе Тренделенбурга противъ такого пониманія: „Право всегда остается правомъ. Если представить себѣ общину справедливыхъ людей, въ ней не существовало бы принужденія; ибо всѣ добровольно охраняли бы правовыя границы въ силу своего благоразумія и образа мыслей; но у нихъ было бы то же понятіе права въ качествѣ нормы границъ, которыя они намѣтили бы для своего образа дѣйствій“. Указ. соч., стр. 89.

порядокъ жизни существъ можетъ возникнуть при отсутствіи между ними внутренней связи, значило бы избирать среди безчисленныхъ возможностей самый невѣроятный случай, ибо только предустановленная гармонія могла бы надолго объединить ихъ при такихъ условіяхъ. Какъ ни трезвымъ представляется это воззрѣніе, все же въ основѣ оно покоится на вѣрѣ въ чудо.

Такимъ образомъ, именно возможность того, что принужденіемъ можетъ замѣняться добровольное дѣйствіе, указываетъ на необходимость усвоенія права волею, ибо правовой порядокъ, осуществляющійся въ теченіе долгаго времени исключительно путемъ принужденія, является невѣроятнымъ.

Этотъ внутренній характеръ права подтверждается на дѣлѣ историческимъ и психологическимъ анализомъ его проявленій. Во времена первоначальнаго образованія государствъ оно живетъ въ неписаномъ видѣ въ сердцахъ народовъ, тѣсно связанное съ благоговѣніемъ и страхомъ предъ Богомъ. Оно является столь мало внѣшнимъ, что у германскихъ племенъ тѣсно срастается съ личностью каждаго индивидуума, сопровождая его всюду, куда бы онъ ни отправлялся, и германецъ заключалъ договоры только по своему праву, судился только своимъ судомъ. Но не только въ элементарныхъ правовыхъ отношеніяхъ, на низшихъ ступеняхъ культуры,—и на высотѣ развитой правовой жизни право самымъ тѣснымъ образомъ связано съ внутренней жизнью людей. Чувство права, которое ясно подсказываетъ намъ, что̀ правильно, и что̀ неправильно, нарушеніе котораго самымъ мучительнымъ образомъ ощущается нами, какъ ущербъ всей личности, которое внушаетъ намъ глубокое состраданіе къ оскорбленному въ его правѣ, представляетъ собою чувство, у котораго нельзя отрицать моральнаго значенія. Къ этому непосредственному чувству апеллируетъ государство, когда оно призываетъ людей,—свѣдущи они въ правѣ или нѣтъ,—творить судъ надъ

своими согражданами. Глубокій внутренній характеръ права обнаруживался во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда люди брались съ опасностью для себя за мечъ или перо на защиту угнетенныхъ, чтобы, вопреки силѣ, ниспровергнуть ея „неотчуждаемое и ненарушимое“ право.

Если право прежде всего требуетъ только жизнедѣятельности соотвѣтственно съ нормой, то оно имѣетъ при этомъ въ виду лишь сообразное съ нормою поведеніе. До тѣхъ поръ, пока жизнедѣятельность протекаетъ выше нормы, т. е. пока норма осуществляется, право болѣе не заботится о психологическо-этическихъ процессахъ, изъ которыхъ образуется нормальная жизнедѣятельность. Иначе обстоитъ дѣло, если жизнедѣятельность опускается ниже нормальнаго, если совершается дѣяніе, которымъ колеблется одна изъ основъ, на которыхъ покоится общественный порядокъ. Тогда задается вопросъ не только о томъ, *что* случилось, но и *какъ* случилось; тогда рѣчь идетъ не только о внѣшнемъ процессѣ, имѣвшемъ мѣсто, но и о вызвавшемъ его внутреннемъ процессѣ. Именно неправда вскрываетъ нравственный характеръ права; если бы оно было исключительно внѣшнимъ, намъ не было бы нужно стремиться всѣми средствами научнаго познанія проникнуть во внутренній міръ нарушителя нормы, чтобы посмотрѣть, была ли на лицо в и н а, которая одна только обращаетъ дѣяніе въ злодѣяніе. Всякая теорія, желающая отдѣлить юридическое отъ этическаго, должна рушиться при обоснованіи вины. До тѣхъ поръ, пока въ виду имѣются лишь нормальныя явленія правовой жизни, можно не видѣть нравственнаго фундамента, поддерживающаго все зданіе права, но онъ тотчасъ же дѣлается замѣтнымъ, когда обращаются къ патологическимъ процессамъ, расшатывающимъ основы общественнаго порядка.

Такимъ образомъ, въ правовомъ требованіи соблюденія членами общества этическаго минимума скрывается,

кромѣ непремѣнной жизнедѣятельности сообразно съ нормой, болѣе высокое требованіе усвоенія нормы волею. Не только внѣшняго соблюденія порядка требуетъ общество отъ своихъ членовъ, но и внутренняго хотѣнія порядка. Конечно, послѣдняго оно требуетъ не отъ каждаго въ отдѣльности, но отъ всей совокупности своихъ членовъ. Со стороны отдѣльнаго человѣка его удовлетворяетъ это внѣшнее соблюденіе нормы; у всей совокупности оно предполагаетъ опредѣленную степень правового настроенія. Чѣмъ сильнѣе это послѣднее, тѣмъ прочнѣе правовой порядокъ, тѣмъ надежнѣе долженствующее быть переходить въ сущее; чѣмъ оно ниже, тѣмъ больше опасность нарушеній равновѣсія, тѣмъ безсильнѣе норма, тѣмъ случайнѣе ея исполненіе, тѣмъ необходимѣе принужденіе. Конечно, право не опредѣляетъ съ точностью степень внутренняго соблюденія нормъ всей совокупностью членовъ общества, оно только указываетъ, что неизбѣжно нуждается въ немъ для своего длительнаго дѣйствія. Такимъ образомъ, этическій минимумъ съ субъективной стороны обозначаетъ обязательную жизнедѣятельность сообразно съ правовыми нормами, усиленную той степенью внутренняго хотѣнія нормъ, которая необходима, чтобы не предоставлять ихъ осуществленія только нравственному случаю и принужденію.

Вторымъ пунктомъ, который долженъ доказывать безразличіе права по отношенію къ нравственности, является возможность дозволенія правомъ того, что̀ недопустимо морально. *Nullus videtur dolo facere, qui suo jure utitur*. Безжалостный заимодавецъ, отбирающій у бѣднаго должника его послѣднее достояніе, поступаетъ безнравственно, но не противоправно. Это противорѣчіе, однако, разрѣшается, если понимать право съ его этической стороны, какъ минимумъ нравственно-необходимаго. Хотя этотъ заимодавецъ дѣйствуетъ и не безнравственно, выколачивая долгъ, но онъ дѣйствовалъ

бы болѣе нравственно, если бы отпустилъ его должнику. При взглядѣ на право, какъ на низшую ступень нравственности, устраняются всѣ конфликты, которые возникаютъ, если право и мораль представлять двумя самостоятельными силами.

Противъ опредѣленія права, какъ условій существованія общества, осуществляемыхъ человѣческой волею, можно было бы возразить, что при этомъ самымъ незначительнымъ спеціальнымъ правовымъ опредѣленіямъ придается значеніе, котораго они далеко не имѣютъ. Это—тѣ нормы, о которыхъ Арнольдъ замѣтилъ, что при нихъ больше имѣется въ виду, „чтобы онѣ существовали, чѣмъ, каковы онѣ“ [1]). Но именно необходимость въ такихъ случаяхъ точнаго опредѣленія, напримѣръ, сроковъ или формальностей, которыя требуются для законности правового дѣйствія, доказываетъ, что и здѣсь вполнѣ проявляется характеръ права, охраняющій конкретный общественный строй. Чѣмъ развитѣе, и потому сложнѣе, становится соціальная жизнь, тѣмъ гуще дѣлается ткань правовыхъ нормъ, тѣмъ тоньше и меньше отдѣльныя нити, которыя пропускаются въ разныхъ направленіяхъ, скрѣпляя нити, прежде натянутыя. Но даже самая тоненькая и маленькая нить необходима, чтобы именно въ данномъ пунктѣ поддерживать цѣлое; если бы ея не было, то въ жизни цѣлаго произошло бы, можетъ быть, неуловимо-незначительное, но все же нѣкоторое нарушеніе. Даже самая ничтожная и незамѣтная норма препятствуетъ, хотя бы и незначительному, измѣненію общества въ отрицательномъ смыслѣ, т.-е. его паденію съ достигнутой уже высоты.

Другое существенное возраженіе наше опредѣленіе можетъ встрѣтить со стороны юристовъ. Не дѣлается ли право правомъ только потому, что такимъ его объявляетъ общая воля?

---

[1]) Указ. соч., стр. 282.

Но общая воля можетъ впасть въ ошибку и объявить правомъ соціально-вредное; индивидуальный или коллективный властитель можетъ возвысить до степени дѣйствующаго права свой безотчетный произволъ. Такое право, однако, является правомъ только съ формальной стороны, а по болѣе глубокому матеріальному основанію оно — неправда или, въ лучшемъ случаѣ, правовая ошибка. Норма существуетъ не только потому, что она доводится до всеобщаго сознанія, что она ясно предписывается волѣ въ качествѣ руководящаго правила, какъ и нормальное состояніе органа не возникаетъ только потому, что такимъ признаетъ его врачъ. Норма можетъ не признаваться, возможно, что она вообще не дойдетъ до сознанія; если же она нарушается, то она безпощаднымъ образомъ мститъ за себя всему организму.

Право является охранителемъ существованія даннаго общественнаго строя. Чѣмъ же вызывается въ этомъ консервативномъ элементѣ движеніе, необходимое для того, чтобы онъ шелъ наравнѣ съ развитіемъ общества? Отчасти самимъ правомъ, когда развивается полное логическое содержаніе дѣйствующихъ нормъ, разрѣшается столкновеніе нормъ, другъ другу противорѣчащихъ. Но движеніе права слѣдуетъ объяснять, какъ и развитіе всякой другой соціальной функціи, лишь въ связи со всѣми функціями общества и на основаніи ихъ тѣснѣйшаго взаимодѣйствія. Право опредѣляется и обусловливается всѣми формами проявленія совмѣстной человѣческой дѣятельности, отъ религіозныхъ воззрѣній до случайностей національныхъ и даже мѣстныхъ нравовъ. Ибо всѣ органы и учрежденія общества стремятся къ самосохраненію, сознательно или инстинктивно, и вызываютъ, поэтому, образованіе нормъ, поскольку на ихъ существованіе можетъ оказывать вліяніе человѣческая воля.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Неправда.

Поддерживаемыя дѣятельностью человѣческой воли условія существованія общества составляютъ содержаніе права. Нарушеніе неприкосновенности этихъ условій существованія со стороны противящейся нормѣ человѣческой воли представляетъ собою неправду. Она обозначаетъ паденіе ниже этическаго минимума, который объективно осуществляется нормами, необходимыми для существованія опредѣленнаго общественнаго строя, а субъективно минимумомъ моральной жизнедѣятельности.

Всякая неправда, поэтому, производится противящейся нормѣ волею. Конечно, несоотвѣтствующее правовой нормѣ обстоятельство можетъ быть вызвано и другими силами, кромѣ противящейся нормѣ воли. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ только логическая противоположность права, состояніе является неправомѣрнымъ; только противное праву, созданное противящейся нормѣ волею, является неправымъ. Если считать старое опредѣленіе неправды: *Injuria est quod non jure factum*, точнымъ опредѣленіемъ ея понятія, то и слѣпо дѣйствующій случай могъ бы произвести такой же неправый поступокъ, какъ сознательно дѣйствующій человѣкъ.

Нарушеніе неприкосновенности или поврежденіе имѣющаго физическое или психическое бытіе правового блага не является, такимъ образомъ, отличительнымъ

признакомъ неправды, такъ какъ она такъ же хорошо можетъ быть вызвана случаемъ. Несущая искру гроза можетъ уничтожить домъ такъ же, какъ и рука поджигателя; создавшійся случайно или ошибочно слухъ такъ же опасенъ, какъ злонамѣренное оклеветаніе. Но только неправдѣ, въ противоположность съ правовымъ случаемъ, присущи тѣ специфическія психологическія слѣдствія, которыя она можетъ вызвать.

Психологическія слѣдствія неправды таковы: во-первыхъ, это—вызванное нарушеніемъ неприкосновенности или поврежденіемъ блага психическое раздраженіе, которое стремится перейти въ дѣйствіе противъ его виновника; это раздраженіе возникаетъ не только у непосредственно затронутыхъ неправдою субъектовъ, но, хотя и въ болѣе низкой степени, у нормально организованныхъ въ моральномъ отношеніи индивидуумовъ, которые получатъ о ней извѣстіе. Во-вторыхъ, это—побужденіе удовлетворять свои эгоистическія влеченія на чужой счетъ у людей, ненормально организованныхъ этически. Мощная сила примѣра, играющаго безконечно важную роль во всей индивидуальной и соціальной жизни человѣка, обнаруживается въ области неправды со страшною энергіей. Стремленіе подражать, которое коренится въ насъ, является одной изъ самыхъ главныхъ причинъ соціальныхъ явленій вообще. Имъ объясняются, съ одной стороны, самыя нелѣпыя явленія, какъ, напримѣръ, моментальное распространеніе моды на какія-нибудь неудобоносимыя платья, а съ другой — быстрое распространеніе новыхъ политическихъ, религіозныхъ и моральныхъ воззрѣній. На этомъ стремленіи къ подражанію въ значительной мѣрѣ основывается прочность общепринятаго этикета, быстрое распространеніе сужденій общественнаго мнѣнія, которое во многихъ случаяхъ представляетъ собою лишь чуждое критики усвоеніе многими взгляда одного человѣка. Эта психологическая рефлекторная дѣятельность служитъ также причиной

того, что всякой неправдѣ присуще инфекціонное начало, грозящее заразить другихъ людей тѣмъ же ядомъ. И не только другихъ; въ силу психологической привычки въ преступникѣ, вслѣдствіе произведенной имъ неправды, часто создается склонность повторять ее; неправда имѣетъ во многихъ случаяхъ тенденцію снова быть совершаемой тѣмъ же самымъ лицомъ; поэтому, общественное мнѣніе и разсматриваетъ и опасается всегда виновника ярко выраженной неправды, какъ склоннаго къ новому преступленію.

Третье слѣдствіе неправды, это — чувство неувѣренности, которое она порождаетъ. Право обезпечиваетъ существованіе общества и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльнаго человѣка, оно создаетъ въ душѣ тамъ, гдѣ господствуетъ, чувство увѣренности, составляющее необходимый базисъ всякой здоровой человѣческой дѣятельности. Неправда нарушаетъ это чувство; человѣкъ видитъ, что благамъ, которыми онъ надѣялся обладать и располагать безпрепятственно, угрожаетъ разрушительная сила. Страхъ препятствуетъ, поэтому, нормальному психологическому состоянію общества, ослабляетъ его энергію, замедляетъ его развитіе.

Четвертымъ психологическимъ слѣдствіемъ неправды является уменьшеніе уваженія къ нормѣ и, вслѣдствіе этого, ослабленіе психологическаго вліянія ея. И не только вліянія нарушенной нормы, но права вообще; ибо, при тѣсной связи и взаимномъ соотношеніи нормъ, естественно, что вмѣстѣ съ одной изъ нихъ страдаютъ и всѣ другія; такъ какъ, далѣе, на болѣе высокой ступени культуры представляемый государствомъ публичный авторитетъ создаетъ или одобряетъ право, какъ таковое, и оно является, поэтому, въ то же время волею этого публичнаго авторитета, то неправда есть также неуваженіе къ государственной волѣ, и потому ослабленіе ея психологическаго вліянія въ обществѣ. Ибо неправда разрушаетъ то, что должно считаться ненарушимымъ;

она показываетъ, что то, что̀ должно бы быть, не обязательно; она показываетъ, что власть не достаточно сильна для того, чтобы обезпечить своимъ велѣніямъ значеніе при всякихъ обстоятельствахъ. Въ случаѣ неправды обнаруживается, поэтому, безсиліе власти, а безсильное не вызываетъ къ себѣ такого уваженія, какъ сильное, менѣе же уважаемое производитъ своими предписаніями болѣе слабое психологическое вліяніе, чѣмъ уважаемое.

Въ этихъ четырехъ видахъ возможныхъ слѣдствій выражается объективная соціально-психологическая сущность неправды [1]). Смотря по степени силы, пространству дѣйствія и способу сочетанія этихъ слѣдствій, опредѣляется степень неправды. Мы познакомимся съ этими степенями въ слѣдующей главѣ, при изслѣдованіи соціальной реакціи противъ неправды. Всякая другая объективная сущность, которая приписывается неправдѣ, кромѣ нарушенія неприкосновенности физическаго или психическаго правового блага и психологическихъ слѣдствій, можетъ быть только метафизической природы, ибо только одни физическія и психическія состоянія доступны научному познанію. Кто признаетъ еще какую-либо иную форму проявленія неправды, тотъ необходимо долженъ обращаться къ помощи трансцендентнаго принципа, который является обычно, подобно Платоновскимъ идеямъ съ точки зрѣнія критики Аристотеля, не чѣмъ инымъ, какъ „реальнымъ дважды“.

Съ субъективной стороны неправда всегда производится волею. Неправо дѣйствующая воля, это—такая воля, которая обладаетъ способностью вызывать путемъ нарушенія неприкосновенности правового блага ненормальное соціально-психологическое состояніе, безраз-

[1]) При оцѣнкѣ конкретнаго случая дѣло идетъ лишь о томъ, имѣетъ ли соотвѣтственное дѣяніе способность вызывать одно или же нѣсколько указанныхъ слѣдствій, безразлично, наступятъ они или нѣтъ.

лично, соединяется ли воля съ непосредственнымъ сознаніемъ анормальности ея дѣйствій, или она не достаточно сильна, чтобы всегда удерживать норму въ сознаніи. Во всякомъ случаѣ, это — недостатокъ того минимума альтруизма, который мы назвали субъективнымъ условіемъ права. Такая воля въ отношеніи общества анормальна, больна. Если мы будемъ имѣть въ виду то, что было сказано выше о здоровьѣ и болѣзни, мы можемъ съ полнымъ логическимъ правомъ помѣстить рядомъ съ тѣлесною болѣзнь душевную—б о л ѣ з н ь в о л и. Уже Платону было извѣстно сродство между болѣзнью и противящейся нормѣ волею, и потому онъ называетъ преступника: „νόσον πόλεως“. Какъ органъ тѣла боленъ, если существуетъ за счетъ другихъ органовъ, не внося своей доли работы для поддержанія жизни всего тѣла, какъ болѣзненно представленіе, которое появляется въ сознаніи съ такою чрезмѣрною силой, что преграждаетъ другимъ представленіямъ возможность явиться въ сознаніи, такъ больна и воля, стремящаяся проявляться въ обществѣ на счетъ всеобщаго порядка.

Примѣненіе понятія „болѣзнь“ къ анормальной волѣ могло бы представлять поводъ къ серьезному недоразумѣнію; вслѣдствіе этого могло бы казаться, что надъ волею, подобно тому, какъ надъ животнымъ организмомъ, господствуютъ физіологическіе законы, что она находится подъ вліяніемъ в н ѣ ш н я г о принужденія, вслѣдствіе чего свободное движеніе, о которомъ мы думаемъ, что непосредственно познаемъ его въ себѣ, свелось бы къ пустой видимости.

Это вводитъ насъ въ ту область, въ которую жаждущій совершеннаго знанія можетъ вступать только съ робостью и оставлять съ разочарованіемъ; это—великая арена борьбы, на которой съ незапамятныхъ временъ идетъ споръ о свободѣ воли и отвѣтственности человѣка за его поступки. Ни одинъ спекулятивный вопросъ не былъ во всѣ времена такимъ животрепещущимъ, какъ

этотъ; ни въ какомъ вопросѣ не было такъ важно для человѣка отыскать удовлетворяющій его самую глубокую потребность сердца результатъ, какъ въ этомъ вопросѣ. И, все же, результатъ долгой борьбы лишь тотъ, что предъ нами стоитъ загадочная проблема въ древнемъ образѣ сфинкса, что всѣ попытки приподнять покровъ, скрывающій разрѣшеніе самой глубокой изъ всѣхъ загадокъ, остались тщетными.

Въ самомъ дѣлѣ, еще и теперь вопросъ не получилъ правильной формулировки, самая проблема не имѣетъ общепризнанной формы. Стремленіе мыслителей найти въ какомъ-либо смыслѣ свободу воли должно было привести къ тому, что слово „свобода“ стало самымъ неяснымъ, какое только знаетъ языкъ умозрѣнія, что подъ нимъ мыслилось содержаніе самое противорѣчивое и несовмѣстимое. Въ то время, какъ для одного свобода, это—способность полагать самостоятельно начало новому состоянію; для другого она обозначаетъ возможность причинно необусловленнаго выбора между двумя альтернативами; для третьяго, это—присущій характеру способъ реагированія на мотивы, произвольный способъ реакціи каждой вещи; для четвертаго—согласіе воли съ законами развитія идеи; для пятаго—способность направлять волю согласно тому, что̀ признано разумнымъ, и т. д. Свобода, то противополагается необходимости, то вмѣстѣ съ нею противопоставляется случаю; то говорятъ о законѣ свободы, то свободу и беззаконіе считаютъ тождественными; одни утверждаютъ, что обладаютъ яснымъ, поддающимся передачѣ познаніемъ свободы, другіе видятъ въ ней нѣчто мистическое, для распознанія чего недостаточно способа разсудочнаго изслѣдованія. Другъ противъ друга стоятъ, такимъ образомъ, различныя группы людей, при чемъ каждая изъ нихъ не понимаетъ основательно, чего хочетъ другая.

Не меньшее разногласіе царитъ по вопросу объ отвѣтственности. Въ то время, какъ одни хотятъ призна-

вать отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если воля освобождается отъ оковъ причинности, другіе думаютъ, что ее можно допускать лишь тогда, когда проявленія воли мыслятся строго подчиненными закону причинности. И на самомъ дѣлѣ, каждое изъ этихъ воззрѣній правильно, поскольку оно подвергаетъ критикѣ другое. Ибо нельзя понять ни того, какъ должна быть возможна отвѣтственность для абсолютно необусловленнаго, ни того, какъ возможна она для абсолютно детерминированнаго. То же относится и къ бывшимъ недавно столь популярными взглядамъ на свободу, по которымъ всѣ стадіи мотиваціи, предшествующія самому рѣшенію, мыслятся вполнѣ детерминированными, а самое рѣшеніе разсматривается въ качествѣ лежащаго за предѣлами причинной цѣпи. Ибо для сущности индетерминизма совершенно безразлично, гдѣ прерываютъ причинную связь; если является даже одинъ только моментъ, который не подлежитъ связывающей категоріи разсудка, то съ полной силой встаетъ вопросъ, какъ возможна отвѣтственность за произволъ, за непонятное и непостижимое, ибо понятно и постижимо только то, что̀ мы можемъ привести въ причинную связь со всей совокупностью явленій. Даже попытки Канта, Шеллинга и Шопенгауэра соединить природу и свободу не дѣлаютъ отвѣтственность болѣе понятною, но скорѣе облекаютъ ее еще болѣе густымъ покровомъ. Ибо тотъ довременный свободный актъ интеллигибельнаго характера, которому человѣкъ обязанъ своимъ эмпирическимъ бытіемъ, не стоитъ въ связи съ отдѣльными актами нашего сознанія и воли. Не за отдѣльные волевые акты, но только за все свое существованіе могъ бы человѣкъ быть призванъ къ отвѣтственности, но кѣмъ? Обществомъ ни въ коемъ случаѣ, ибо ему не присуще абсолютное познаніе; только судьѣ, не скованному ограничивающими формами нашего разсудка, подобало бы привлекать за неизслѣдимое дѣяніе къ отвѣтственности неизслѣдимое

въ насъ. Въ *Критикѣ чистаго разума* Кантъ выводитъ и это заключеніе изъ своихъ положеній: „Самая моральность поступковъ (заслуга и вина), даже моральность нашего собственнаго поведенія, остается, поэтому, совершенно отъ насъ скрытой. Наши вмѣненія могутъ относиться только къ эмпирическому характеру. Но какую часть поступка нужно приписать чистому дѣйствію свободы, какую исключительно природѣ и ненаказуемому недостатку или благопріятному свойству (*merito fortunae*) темперамента, никто не можетъ обосновать, а потому, и не можетъ судить съ полной справедливостью“ [1]).

Изъ безчисленныхъ мнѣній, которыя высказывались о свободѣ воли, можно исключить, при современномъ состояніи знанія, два, какъ совершенно ненаучныя. Во-первыхъ, ученіе объ абсолютномъ произволѣ воли, по которому ею не управляетъ непрерывно дѣйствующій законъ мотивацiи. Крупная заслуга статистики моральныхъ явленій заключается въ томъ, что она нанесла смертельный ударъ этой теоріи, которая должна была бы говорить скорѣе о безуміи воли, чѣмъ о ея свободѣ. Хотя статистика еще далека теперь отъ того, чтобы давать намъ какое-либо общеобязательное заключеніе о причинахъ постоянства установленныхъ ею числовыхъ величинъ; хотя она, придерживаясь внѣшней стороны явленій, знаетъ почти одни количественныя данныя и должна въ большинствѣ случаевъ оставлять безъ вниманія качественныя различія, которыя по предшествующимъ субъективнымъ процессамъ отличаютъ внѣшне одинаковые поступки, хотя нѣтъ ничего болѣе ненаучнаго и поверхностнаго, какъ говорить о статистическихъ законахъ, все-таки наука, подсчитывающая человѣческіе поступки, доставила уже цѣнный результатъ: человѣкъ

---

[1]) *Krtitik der reinen Vernunft*, изданіе Rosenkranz'a, стр. 432, примѣчаніе.

не противостоитъ природѣ и обществу, какъ абсолютно независимое существо, но надъ нимъ господствуютъ условія, которыя возникаютъ изъ этихъ двухъ силъ и которыя, превратившись въ мотивы, побуждаютъ характеръ къ выполненію его дѣйствій.

Изумительная правильность числовыхъ величинъ соціальныхъ поступковъ, какъ ни мало ее самое можно назвать закономѣрною, во всякомъ случаѣ указываетъ на то, что въ основѣ ея лежатъ опредѣленные законы. Уже К а н т ъ упоминаетъ о ритмически повторяющихся въ одинаковые промежутки времени числахъ браковъ, рожденій и смертныхъ случаевъ, какъ о доказательствахъ того, „что они совершаются точно такъ же въ силу постоянныхъ законовъ природы, какъ столь непостоянныя колебанія погоды“, и основываетъ на нихъ находящееся вначалѣ его „Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht“ положеніе: „Что ни дѣлаютъ въ метафизическихъ цѣляхъ съ понятіемъ *свободы воли*, все-таки ея *проявленія*, человѣческіе поступки, опредѣляются точно такъ же, какъ и всякое другое явленіе природы, всеобщими законами природы“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, такое утвержденіе не нуждалось бы даже въ указанной эмпирической поддержкѣ. Ибо всякое научное познаніе есть познаніе причинъ, и основная категорія интеллекта, причинность, является первымъ условіемъ существованія внѣшняго опыта. Существованіе внѣшняго міра возможно для насъ только потому, что мы мыслимъ наши ощущенія, какъ слѣдствія чего-то внѣ насъ находящагося, что̀ наивному сознанію представляется, какъ нѣчто самостоятельное само по себѣ и независимое отъ нашей субъективности. Съ причинностью мы вносимъ мѣру и порядокъ въ міръ, который, въ противномъ случаѣ, оставался бы для насъ только безпорядочной, безумной игрой субъективныхъ ощущеній, безъ

---

[1]) Соч., изд. R o s e n k r a n z'a и S c h u b e r t'a, 7. VII, стр. 317.

всякаго взаимнаго ихъ отношенія. Нельзя, поэтому, удивляться, что, какъ только мы вникаемъ въ ходъ природныхъ явленій и психологическихъ и соціальныхъ процессовъ, снова находимъ первый и неизмѣнный основной законъ нашего духа; его сознательно или безсознательно искало всякое истинно-научное изслѣдованіе.

Уразумѣніе причинной обусловленности человѣческихъ поступковъ легко можетъ привести къ другому воззрѣнію, которое является не менѣе ненаучнымъ, чѣмъ мнѣніе о произволѣ воли. Это—воззрѣніе, считающее причины, опредѣляющія волю, механическими, которыя съ фатальной необходимостью принуждаютъ безсильно имъ противостоящую волю къ дѣйствію. Противъ этого поверхностнаго взгляда, который знаетъ только одинъ видъ обусловленности, должно указать на глубокое различіе между механической причиной, представляющей собою нѣчто объективно-внѣшнее, и мотивомъ, который есть нѣчто субъективно-внутреннее. Воля опредѣляется не путемъ механическаго принужденія, но путемъ мотиваціи; это не темная, извнѣ нами руководящая странно-таинственнымъ образомъ сила, которой безусловно подчинены наши поступки, но наши собственныя представленія, которыя являются импульсами, побуждающими характеръ къ свойственному ему способу реакціи. На специфическое своеобразіе обусловленности при помощи мотивовъ никто не указалъ остроумнѣе Шопенгауэра, когда онъ замѣчаетъ, что, хотя мы видимъ, какъ механическія, физическія, химическія и физіологическія слѣдствія всякій разъ сопровождаютъ соотвѣтствующія имъ причины, мы, все-таки, не понимаемъ вполнѣ процессовъ, которые при этомъ имѣютъ мѣсто, такъ какъ для насъ, какъ стоящихъ извнѣ, ихъ внутренній смыслъ всегда остается тайной. Напротивъ, воздѣйствіе мотива познается нами въ его самой внутренней сущности, потому что здѣсь—процессъ внутренній, лично нами переживаемый. Поэтому, мотивація, по

Шопенгауэру, представляетъ собою „причинность, разсматриваемую извнутри“ [1]). Далѣе, хотя въ области психологіи примѣненіе измѣренія мыслимо только въ очень тѣсныхъ предѣлахъ, и поэтому, невозможно *количественно* опредѣлить силу мотива и реакцію на него характера, что̀ только и дало бы возможность привести строгое эмпирическое доказательство совершенной детерминаціи нашихъ поступковъ, то мы все же принуждены, въ силу сущности причинности, мыслить поступокъ совершенно опредѣляемымъ указанными двумя моментами. Ибо и специфическое своеобразіе реакціи каждаго характера мы можемъ мыслить лишь, какъ проявляющееся строго закономѣрно, и, несмотря на качественное отличіе мотивaціи отъ господствующаго въ процессахъ природы способа каузаціи, связь, которая соединяетъ мотивъ и характеръ съ поступкомъ, не можетъ быть слабѣе той связи, которая соединяетъ между собой процессы природы [2]).

---

[1]) *Ueber die Vierfache Wurzel des Satzes vom Zureichenden Grunde*, § 43.

[2]) Это упускаетъ изъ виду Эттингенъ, неясные въ этихъ пунктахъ выводы котораго, несмотря на всяческое признаніе детерминизма, производятъ, по меньшей мѣрѣ, такое впечатлѣніе, какъ будто способъ реакціи характера не подчиненъ необходимому закону. Ошибкой является уже то его утвержденіе, что моральные процессы тѣмъ отличаются отъ процессовъ природы, что разумный субъектъ воли является существеннымъ содѣйствующимъ факторомъ ея (указ. соч., стр. 293). Ибо и въ природѣ дѣйствіе опредѣляется, какъ существомъ дѣйствующаго, такъ и существомъ того, на что дѣйствуютъ; поэтому, и Спиноза могъ съ полнымъ правомъ утверждать, что брошенный въ воздухъ камень, если бы онъ обладалъ сознаніемъ, думалъ бы, будто онъ летитъ добровольно. Но всего менѣе мы освободимся отъ „страшныхъ оковъ чисто естественной необходимости“, если признаемъ въ мотивaціи особую форму обусловленности и если найдемъ, что нормативные законы имѣютъ способность вмѣшиваться въ индивидуальную жизнь въ качествѣ мотивовъ. Конечно, если допускать, что „повсюду, гдѣ слышится: „ты долженъ“, уже устанавливается и признается причинность духовнаго

Изъ опредѣляемости воли путемъ мотивовъ, т.-е. представленій, вытекаетъ ея опредѣляемость путемъ разумныхъ представленій, путемъ чего-либо признаннаго въ качествѣ сообразнаго съ разумомъ, если это становится самымъ сильнымъ изъ всѣхъ остальныхъ мотивомъ. Нечего возразить Дробишу, когда онъ (въ духѣ Гербарта) эту способность человѣка опредѣлять свою волю разумомъ, а дѣйствія волею называетъ его личной свободой, понятіемъ свободы, которое „можетъ быть названо также детерминизмомъ; но это—внутренній детерминизмъ, а не внѣшній, исключающій, конечно, всякое самоопредѣленіе“ [1]).

Этотъ внутренній детерминизмъ представляетъ также единственную возможность уяснить запутанный ходъ исторіи, отыскать постоянный законъ въ ходѣ соціальныхъ явленій и обосновать науку о духѣ на ряду съ естествознаніемъ. Удачно замѣчаетъ Лотце: „Весь смыслъ воспитанія и вся работа исторіи основываются на убѣжденіи въ возможности управлять волею вслѣдствіе роста разума, облагораживанія чувствъ и улучшенія внѣшнихъ условій жизни“ [2]), и та постулируемая имъ механика общества, которая уяснила бы намъ ходъ, условія и результатъ взаимодѣйствій внутреннихъ состояній многихъ единицъ, соединенныхъ естественными и общественными отношеніями, была бы пустой химерой, если бы хоть самая незначительная область была отведена произволу.

и сверхъестественнаго характера“ (указ. соч., стр. 955), то очень нетрудно избѣжать всѣхъ затрудненій. Но такимъ путемъ покидается эмпирическая почва, на которой могутъ быть свободно рѣшены и вопросы о возникновеніи нормъ и способности ихъ воздѣйствія на волю, безъ необходимости, при этомъ, постулировать сверхъестесвенную причинность.

[1]) *Die moralische Statistik und die menschliche Willensfreiheit*. Eine Untersuchung, Лейпцигъ, 1867, стр. 70.

[2]) *Mikrokosmus*, 7, III, стр. 78; ср. стр. 70 и сл.

Что касается отношенія между полной детерминаціей всѣхъ явленій и непосредственнымъ всеобщимъ человѣческимъ сознаніемъ свободы и нравственной отвѣтственности, то, по моему мнѣнію, оно нигдѣ не охарактеризовано лучше и вѣрнѣе, чѣмъ у Ф. А. Ланге: „Между свободой, какъ формой субъективнаго сознанія, и необходимостью, какъ фактомъ объективнаго изслѣдованія, такъ же мало противорѣчія, какъ между цвѣтомъ и звукомъ. Одно и то же колебаніе струны представляетъ собою для глаза картину быстро мелькающаго движенія, для счета опредѣленное количество колебаній въ секунду и для уха единый звукъ. Но это единство звука и множественность колебаній не противорѣчатъ другъ другу, и когда обычное сознаніе приписываетъ количеству колебаній болѣе высокую реальность, чѣмъ звуку, противъ этого не стоитъ возражать... Равнымъ образомъ, совершенно въ порядкѣ вещей, что противъ матеріалистическаго фатализма въ нравственной области удерживается значеніе свободы. Ибо здѣсь дѣло также не въ утвержденіи, что сознаніе свободы есть дѣйствительность, а въ томъ, что связанный съ сознаніемъ свободы и отвѣтственности кругъ представленій имѣетъ для нашего поведенія столь же существенное значеніе, какъ тѣ представленія, въ которыхъ непосредственно доходитъ до нашего сознанія искусъ, импульсъ, естественный позывъ къ тому или иному поступку“ [1]). Здѣсь дано единственно возможное практическое рѣшеніе проблемы. Всѣ взаимныя отношенія людей основываются на природной ихъ склонности и свойствахъ ихъ разума. Если сознаніе отвѣтственности принадлежитъ къ общимъ свойствамъ разума, почему его не должно быть достаточно для обоснованія отвѣтственности? Изслѣдованіе вопроса о томъ, присуща ли этому субъективному сознанію абсолютная реальность,

---

[1]) *Geschichte des Materialismus*, 2 изд., т. II, стр. 404.

составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ метафизики; по какое бы рѣшеніе эта послѣдняя ни давала проблемѣ, она не можетъ создать болѣе глубокаго основанія отвѣтственности, чѣмъ то, которое послѣдняя уже имѣетъ въ свойствѣ нашего духовнаго бытія. Для соціальной этики, которая хочетъ опредѣлить только соціальныя, а не абсолютныя цѣнности нашего образа дѣйствій, довольно предположенія о существованіи соціальной отвѣтственности, и она находитъ подтвержденіе своему предположенію въ томъ изначальномъ сознаніи, которое принадлежитъ къ необходимымъ моментамъ нашей духовной организаціи. На сознаніи свободы покоятся всѣ великіе историческіе подвиги, всѣ побѣды познающаго разума, всѣ созданія художественнаго генія; оно—самый могучій рычагъ всего человѣческаго развитія, и потому безспорно правы тѣ, кто разсматриваетъ исторію, какъ дѣло свободы. Если даже рефлексія найдетъ, что въ подвигахъ осуществляется строгая необходимость, она не можетъ назвать ложью наше непосредственное убѣжденіе, какъ естествознаніе не можетъ обличать въ ошибкѣ наши чувства, такъ какъ они даютъ намъ иную картину міра, чѣмъ та, которая найдена ею путемъ абстракціи.

Съ отвѣтственностью дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ религіей и искусствомъ. Существуетъ ли верховное, самобытное существо, которому принадлежатъ всѣ предикаты, которыми надѣляетъ его чувство вѣрующаго, или же человѣкъ лишь свою собственную природу возвышаетъ до абсолюта и молитвенно повергается ницъ предъ нею; показываетъ ли намъ художникъ въ чувственныхъ формахъ свободные отъ земныхъ треволненій первообразы вещей, или простыя соотношенія формъ вызываютъ въ насъ наслажденіе художественнымъ произведеніемъ, это—вопросы, которые раздѣляютъ людей на спорящія партіи, противящіяся всякому единенію. Но религія и искусство, какъ всѣмъ присущія выра-

женія человѣческой природы, не затрагиваются этимъ споромъ. Истинно-религіозный человѣкъ и настоящій художникъ слѣдуютъ глубочайшему влеченію своего сердца, не справляясь о теоретическихъ мнѣніяхъ, которыя стремятся расчленить это влеченіе и изслѣдовать сущность того, на что оно направляется.

Такимъ образомъ, практически несомнѣнно существуютъ свобода и отвѣтственность; онѣ представляютъ тотъ незыблемый фундаментъ, на которомъ совершается жизнь и движеніе общества въ практическомъ смыслѣ. Точно такъ же существуетъ для умозрѣнія вопросъ, присуща ли сознанію свободы абсолютная реальность. Но позитивная наука, которая стремится познать связь явленій и подходитъ къ явленіямъ съ законнымъ предположеніемъ, что такая связь существуетъ повсюду, никогда не можетъ допустить, чтобы причинная связь явленій, поскольку существуетъ познаваемое, прерывалась, хотя бы въ одномъ пунктѣ; иначе наука была бы должна отступить передъ непознаваемымъ, безпорядочнымъ, случайнымъ. Для позитивной науки руководящей нитью должно служить то, что Кантъ допускаетъ, несмотря на постулируемую имъ свободу: „постигать, если бы это было для насъ возможно, настолько глубоко образъ человѣческаго мышленія, насколько онъ проявляется во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣйствіяхъ, чтобы намъ становилась извѣстной каждая, даже самая ничтожная побудительная ихъ причина, а равно, чтобы было возможно учесть всѣ дѣйствующія на нее внѣшніе поводы человѣческихъ поступковъ, съ точностью и на будущее время, какъ высчитывается лунное или солнечное затменіе“ [1]). Если, все-таки, можно говорить о законѣ свободы, то этотъ законъ можетъ мыслиться лишь какъ выраженіе необходимаго психологическаго движенія, которое производится, съ одной стороны, мотивами, а съ другой—харак-

---

[1]) *Kritik der praktischen Vernunft*, соч., VIII, стр. 230.

терами; и если въ этой свободѣ искать высшее рѣшеніе великой проблемы, то нужно вспомнить о томъ, что Кантъ съ полнымъ правомъ назвалъ это рѣшеніе „жалкой уловкой“; но наука совсѣмъ не чувствуетъ себя призванной къ тому, чтобы помогать при рѣшеніи великой загадки, отмѣчающей одинъ изъ пограничныхъ пунктовъ, гдѣ кончается ея власть и начинается пустое пространство, глубину котораго нашъ духъ не въ состояніи измѣрить, за отсутствіемъ мѣрила. Тутъ можетъ вступать въ дѣйствіе метафизическое влеченіе и украшать своими символами пустоту абсолютнаго, не скованнаго цѣпями причинности.

Научное изслѣдованіе должно принять въ качествѣ верховнаго принципа, при оріентированіи среди запутанныхъ проявленій человѣческой дѣятельности, великую мысль Спинозы: *humanae actiones non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere*, и оно должно, если хочетъ добиться истины и въ этой области, разсматривать свой предметъ съ такимъ же безпристрастнымъ спокойствіемъ, какъ если бы изслѣдовало свойства геометрической фигуры. Простая истина; какъ трудно добиться ея! Съ мощною настойчивостью практическій интересъ обращаетъ на пользу себѣ самое глубокое свойство нашей природы, мышленіе, и повелительно требуетъ удовлетворенія. Приматъ практическаго разума заявляетъ здѣсь свои права и категорически диктуетъ теоретическому разуму результаты, къ которымъ онъ долженъ притти.

Если, такимъ образомъ, мы разсматриваемъ практически людей, какъ будто они свободны, то теоретически мы должны смотрѣть на нихъ такъ, какъ будто ихъ дѣянія явились только осуществленіемъ строгой необходимости, и предоставлять умозрѣнію соединять въ метафизикѣ неопровержимое противорѣчіе этихъ двухъ способовъ разсмотрѣнія, которые оба оказываются необходимыми по природѣ вещей.

Поэтому, теперь, оградившись отъ ложныхъ пониманій, мы можемъ назвать противящуюся нормѣ волю больною. Болѣзнь воли состоитъ въ ненормальномъ отношеніи индивидуальной воли къ соціальнымъ требованіямъ; она, слѣдовательно, болѣзнь соціальная. Это должны были бы принять во вниманіе Модсли, Бенедиктъ и Ломброзо, которые утверждаютъ, что истинный преступникъ какъ бы предрасположенъ къ противнымъ нормѣ дѣяніямъ въ силу своей физической организаціи. О нравственномъ уродствѣ, изначально заложенномъ въ человѣка, можно было бы говорить лишь въ томъ случаѣ, если бы нравственно-должное было изначальнымъ ствойствомъ индивидуума, если бы правовыя и моральныя велѣнія истекали непосредственно изъ сущности индивидуальнаго духа. Но такъ какъ эти велѣнія имѣютъ свое начало въ обществѣ, т.-е. являются не продуктами природы, а соціальными продуктами, то допущеніе, что природа въ ея уродствахъ обращается прямо противъ общества и создаетъ особыя натуры убійцъ, воровъ, мошенниковъ, предполагало бы совершенно чудесную телеологію, прямо противорѣчащую современному естественно-научному міровоззрѣнію. Шаткимъ является и утвержденіе, что такъ называемыя преступныя натуры въ силу своей организаціи неспособны реагировать на соціальные мотивы; впрочемъ, если бы даже это утвержденіе и было правильно, оно принесло бы мало пользы для рѣшенія разбираемой проблемы. Ибо поступокъ представляетъ собою только продуктъ сильнѣйшаго мотива, который, въ концѣ концовъ, одержалъ верхъ надъ всѣми противоположными мотивами, но онъ ничего намъ не говоритъ ни о борьбѣ, которая предшествовала рѣшенію, ни о степени силы, съ которой проявились мотивы подчиненные, ни о способѣ реакціи характера на нихъ. Такъ какъ, далѣе, невозможно прослѣдить и процессъ мотиваціи въ другомъ человѣкѣ—а, можетъ быть, и въ самомъ себѣ,—то указанное утвержденіе остается пустою ги-

потезой, приводящей, кромѣ того, къ прямо противоположному результату, чѣмъ тотъ, котораго ожидали отъ нея ея изобрѣтатели. А именно, если допустить, что существуютъ люди, абсолютно неспособные дѣлать мотивами общественныя требованія, обращенныя къ волѣ, это будетъ равносильно допущенію, что существуютъ индивидуумы, у которыхъ нѣтъ самаго важнаго признака человѣческой природы, который только и дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Ибо тотъ, кому недоступны соціальные мотивы, не человѣкъ, а звѣрь. Бо́льшая гумманность въ отношеніи къ несчастнымъ уродамъ, къ которой стремятся выше названные авторы, можетъ съ такимъ же основаніемъ замѣниться, поэтому, самымъ безпощаднымъ искорененіемъ этихъ чудовищъ; ибо гуманности можетъ требовать только человѣкъ отъ человѣка, въ отношеніи же къ звѣрю позволительно всякое средство самозащиты, и Спиноза сдѣлалъ правильный выводъ изъ этого воззрѣнія, поставивъ на одну линію преступника и ядовитыхъ змѣй [1]). И объясненіе Ломброзо [2]), что преступленіе есть проявленіе атавизма, не въ состояніи пролить больше свѣта на проблему. Ибо атавизмъ не только явленіе природы, но также, и даже въ большей степени, явленіе соціальное. Ибо общество, чтобы оно вообще могло существовать, должно, по необходимости, состоять изъ разнородныхъ элементовъ, которые съ такимъ же основаніемъ можетъ разсматривать, какъ принадлежащіе къ различнымъ эпохамъ, потому что человѣкъ, сто-

---

[1]) *Rogabis enim denuo, cur igitur impii puniuntur; sua enim natura agunt et secundum decretum divinum. At respondeo, etiam ex decreto divino esse, ut puniantur; et si tantum illi, quos non nisi ex libertate fingimus peccare, essent puniendi, cur homines serpentes venenosos exterminare conantur; ex natura enim propria tantum peccant, nec aliud possunt.* Spinoza, *Cogitata metaphysica, Pars II, Cap. VIII.*

[2]) C. Lombroso, *L'uomo delinquente studiato in rapporto alla antropologia, alla medicina legale ed alle discipline carcerarie.* Миланъ, 1876.

ящій ниже въ интеллектуальномъ и физическомъ смыслѣ представляетъ, въ сравненіи съ выше его стоящимъ въ этомъ отношеніи, давно пережитое послѣднимъ время. Явленіе соціальнаго атавизма, на которомъ частью основываются и благополученіе, и несчастія общества, собственно ни на что иное, кромѣ этого факта, не указываетъ; оно ничего не объясняетъ, но даетъ наукообразное названіе совершенно плоскому сужденію, что глупый человѣкъ стоитъ ниже умнаго, косный ниже трудолюбиваго, плохой ниже хорошаго. Психологическое сходство между людьми, принадлежащими къ низшимъ расамъ, и преступниками, на которое указываетъ Ломброзо, доказываетъ только то, что грубый человѣкъ повсюду обладаетъ однми и тѣми же свойствами характера, но не даетъ никакого основанія представлять преступленія продуктамн темной, не поддающейся изслѣдованію силы природы.

Не въ природѣ, а въ обществѣ должны мы искать причинъ болѣзни воли. Пока мы будемъ имѣть въ виду только внутреннее душевное состояніе индивидуума, пока мы будемъ разсматривать его поступки въ качествѣ независящихъ отъ всѣхъ соціальныхъ отношеній, мы совсѣмъ не придемъ къ понятію нормальной и ненормальной воли. Только вслѣдствіе цѣлеотношенія воли къ соціальной нормѣ возникаютъ эти понятія. Здѣсь оправдывается глубокомысленное изреченія апостола Павла (Римл., 4,15): „Гдѣ нѣтъ закона, нѣтъ и преступленія“.

Нормы—соціальные продукты, онѣ создаются цѣлями, которыя для насъ неразрывно связаны съ понятіемъ общества. Какое же отношеніе къ обществу имѣетъ по своему происхожденію поступокъ индивидуума, направленный противъ нормы?

Такъ какъ вся психическая жизнь представляется намъ теоретически вполнѣ детерминированною, то для отвѣта на указанный вопросъ нужно изслѣдовать про-

цессы мотиваціи, ведущіе къ совершенію неправды. Правда, эти процессы мотиваціи происходятъ всецѣло внутри индивидуума, и потому нарушеніе нормы представляется какъ бы фактомъ исключительно личнаго характера. Но намъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что индивидуумъ во всемъ существѣ своемъ опредѣляется извѣстнымъ общественныхъ строемъ и что мотивы, которыми онъ руководится, по большей части, возникаютъ изъ соціальныхъ связей. Здѣсь и выясняется тотчасъ же отношеніе общества къ противному нормѣ движенію жизни въ немъ.

Ниже и нужно въ самыхъ краткихъ чертахъ выяснить причинную зависимость связь между обществомъ и неправдою, связь съ положительной и отрицательной стороны, и, главнымъ образомъ, съ формою неправды, наиболѣе ярко выраженной и самой вредной, за совершеніе которой государство угрожаетъ наказаніями, т.-е. зависимость между обществомъ и преступленіемъ.

Если мы ближе изслѣдуемъ вліяніе общества на индивидуума, то найдемъ, что оно имѣетъ двоякій характеръ. Съ одной стороны, общество образуетъ его характеръ, съ другой—оно создаетъ для него мотивы. Почти всѣмъ, что дѣлаетъ индивидуума опредѣленнымъ, отличнымъ отъ другихъ существомъ, онъ обязанъ, отчасти физическимъ, отчасти соціальнымъ вліяніямъ. Если бы можно было психологическую организацію человѣка помѣстить, подобно сложному химическому соединенію, въ реторту и разложить тамъ, то въ ней снова можно было бы отыскать унаслѣдованныя отъ родителей физическія и психическія качества, вліяніе климата, свойствъ почвы, пищи, расы, національности, языка, религіи, воспитанія, внѣшняго жизненнаго положенія, политическихъ и общественныхъ отношеній и, такъ какъ все это—результаты предшествующаго историческаго процесса,—всей исторіи. Такимъ образомъ, каждый индивидуумъ имѣетъ свою исторію,

которая насчитываетъ тысячелѣтія и въ которой дѣйствовали силы, неизвѣстныя намъ даже численно.

Поэтому, для нашей науки, да и для науки самаго отдаленнаго будущаго, представляетъ неразрѣшимую задачу полное объясненіе даже одного только индивидуума изъ обусловливающихъ его процессовъ каузаціи; для этого потребовалось бы знаніе всего прошлаго и настоящаго состоянія міра, ибо оно опредѣляетъ мѣсто индивидуума въ пространствѣ и въ исторіи, какъ цѣлый океанъ обусловливаетъ и опредѣляетъ движеніе своихъ мельчайшихъ частицъ. Человѣкъ получаетъ, при своемъ появленіи на свѣтъ и въ теченіе жизни, безконечно великіе дары природы и общества: тѣло со сложными, удовлетворяющими жизненныя потребности органами, надъ развитіемъ котораго поработало все прошлое органическаго міра въ суровой борьбѣ за существованіе; духъ, въ которомъ дремлютъ психическія возможности, обязанныя своимъ происхожденіемъ развитію рода въ природѣ и исторіи; языкъ, въ строеніи котораго содержатся накопленныя сотнями поколѣній сокровища духа; семью, которая направляетъ первыя движенія дѣтской души и, прежде всего, прививаетъ ему мысль объ его общности съ другими существами; школу, въ которой онъ питается продуктами духовной дѣятельности человѣчества; религію, которая сообщаетъ ему самое интимное и сокровенное представленіе его времени о послѣдней и глубочайшей сущности вещей; наконецъ, отношенія практической жизни, указывающія ему мѣсто, которое онъ долженъ занять въ общежитіи. Такимъ образомъ, человѣкъ—въ самомъ дѣлѣ Лейбницева монада, которая, какъ живое зеркало мірового цѣлаго, отражаетъ, хотя и неясно и спутанно, полноту космоса.

Тотъ фактъ, что общество является творцомъ безконечно разнообразныхъ психическихъ организацій, находитъ отчасти себѣ подтвержденіе въ ритмически повторяющихся числахъ статистики моральныхъ явленій, ибо,

какъ удачно замѣчаетъ Дробишъ, ихъ постоянство указываетъ на то, „что въ сравнительно большомъ соціальномъ союзѣ поводы и побужденія къ поступкамъ, къ которымъ относятся эти числа, повторяются ежегодно довольно равномѣрно, но что въ общемъ остается относительно равнымъ и число индивидуумовъ, для которыхъ или нѣтъ повода противодѣйствовать (какъ въ заключаемыхъ не легкомысленно бракахъ) импульсу къ дѣйствію, или у которыхъ (какъ при преступленіяхъ и самоубійствахъ) слишкомъ слабо моральное сопротивленіе“ [1]). Такимъ же путемъ статистики моральныхъ явленій дошли до того, чтобы для объясненія найденныхъ ими правильностей въ числовыхъ величинахъ соціальныхъ поступковъ выставлять всеобъемлющія системы соціальныхъ и естественныхъ причинъ, самыя разнообразныя комбинаціи которыхъ образуютъ человѣка и вліяютъ на его дѣятельность [2]).

Образующая характеръ дѣятельность, которую выполняетъ общество въ союзѣ съ природой, можетъ быть понята только въ самыхъ внѣшнихъ ея очертаніяхъ; механизмъ, который здѣсь дѣйствуетъ, настолько сложенъ, число движущихъ силъ такъ велико, что при современномъ состояніи науки а, можетъ быть, и всегда, невозможно заглянуть въ этотъ механизмъ глубже. Сравнительно болѣе легкой, хотя и связанной съ затрудненіями самаго различнаго характера, задачей является изслѣдованіе того, какіе мотивы дѣятельности непосредственно даетъ индивидууму общество, каковы постоянныя или же медленно мѣняющіяся причины, въ результатѣ дѣйствія которыхъ получается равномѣрное количество человѣческихъ поступковъ въ сравнительно большіе промежутки времени.

---

[1]) Drobisch, указ. соч., стр. 54.

[2]) Ср. Wagner, *Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen menschtichen Handlungen*. Гамбургъ, 1864, стр. 84—86; Oettingen, указ. соч., стр. 300—312.

Въ этихъ соціальныхъ мотивахъ совсѣмъ не встрѣчается того безконечнаго разнообразія, какъ въ самихъ характерахъ: одинъ и тотъ же мотивъ можетъ вызвать у большого количества внутренне различныхъ индивидуумовъ внѣшне одинъ и тотъ же поступокъ. Если, напримѣръ, вслѣдствіе повышенія цѣнъ на жизненные припасы пятьдесятъ человѣкъ откажутся отъ своего рѣшенія вступить въ бракъ, то внутренняя борьба, которая побудила ихъ всѣхъ оставить задуманный планъ, можетъ быть различной у каждаго по силѣ и характеру ея: одинъ приметъ это рѣшеніе съ трудомъ, другой—легко; рѣшеніе одного опредѣлять соображенія о будущей женѣ и возможныхъ дѣтяхъ, а другого только перспектива неизбѣжнаго отказа отъ нѣкоторыхъ удобствъ; но результатъ во всѣхъ случаяхъ будетъ одинъ и тотъ же. Какъ ни разнородны психологическіе процессы, которые производятся соціальными причинами, эта разнородность не обнаруживается на продуктахъ дѣйствій, на дѣяніяхъ, такъ какъ число ихъ по необходимости можетъ быть только ограниченнымъ. Я могу или вступить въ бракъ или нѣтъ, совершить сумоубійство или отклонить мысль о немъ, украсть или оставить чужою собственность въ покоѣ, *tertium non datur*. Только въ способѣ и характерѣ выполненія, въ степени эффекта, который вызывается дѣяніемъ во внѣшнемъ мірѣ, можетъ найти выраженіе предшествовавшій ему процессъ внутри индивидуума.

Если мы будемъ имѣть въ виду преимущественно тѣ изъ вызванныхъ разными состояніями общества мотивовъ, которые могутъ повлечь за собою соціально-вредныя послѣдствія, то найдемъ, что самые различные соціальные пороки могутъ имѣть одну и ту же внѣшнюю причину. Не только къ поступкамъ, непосредственно нарушающимъ общественную жизнь, но и къ такимъ, которые, хотя и не всегда, вообще говоря, коренятся въ моральномъ дефектѣ, но, все-таки, при частомъ повто-

реніи, приносятъ не меньше зла въ жизни общества, чѣмъ преступленіе,—можетъ побудить одинъ и тотъ же процессъ, когда онъ происходитъ въ характерахъ, которые, соотвѣтственно ихъ свойствамъ, развиваютъ полученный импульсъ въ различныхъ направленіяхъ. Если, напримѣръ, вслѣдствіе кризиса въ сбытѣ получатъ расчетъ сотни тысячъ рабочихъ обоего пола, которые до этого получали относительно высокую заработную плату, наступитъ слѣдующее: большая часть рабочихъ сократитъ свои потребности и расходы и попытается сохранить за собою хотя бы и менѣе выгодное занятіе; нѣкоторые не будутъ въ состояніи отказаться отъ хорошей жизни, которую они вели до сихъ поръ, и прибѣгнутъ къ преступнымъ средствамъ, чтобы улучшить свое положеніе; иные, не въ силахъ перенести свое стѣсненное состояніе, въ отчаяніи покончатъ съ собою; другіе, опасаясь покушеній на чужое достояніе и собственную жизнь станутъ бродяжничать, сбирая милостыню, или поступятъ въ вѣдѣніе учрежденій попеченія о бѣдныхъ, или, скученные въ тѣсныхъ и душныхъ кварталахъ большихъ городовъ, будутъ служить очагомъ распространенія заразныхъ болѣзней и производить дѣтей, духовно и физически изуродованныхъ и обреченныхъ на раннюю смерть; часть женщинъ, которыя вели до этого времени безупречный образъ жизни, будетъ пріобрѣтать средства къ существованію проституціей. Такимъ образомъ, одно и то же обстоятельство можетъ вызвать преступленіе, самоубійство, проституцію, нищенство, бродяжничество, пауперизмъ, заразныя болѣзни, повышенную смертность и вырожденіе потомства.

При взаимодѣйствіи вѣхъ членовъ соціальнаго тѣла, естественно, что существуетъ тѣсная связь и между различными болѣзненными явленіями общества, и потому увеличеніе и уменьшеніе однихъ влечетъ за собой соотвѣтственный процессъ въ другихъ явленіяхъ. Статистика даетъ много доказательствъ этого. Существуетъ

тѣсная связь между уголовной преступностью и профессіональнымъ развратомъ, что одинъ французскій статистикъ выразилъ формулою: „Чѣмъ для мужчины является преступленіе, тѣмъ для женщины проституція“. Подкидыши составляютъ несоразмѣрно большой контингентъ постоянныхъ обитателей тюремъ. Хроническое пьянство не только является состояніемъ, которое дѣлаетъ человѣка болѣе доступнымъ для преступныхъ склонностей, но проявляетъ свое дѣйствіе и на потомствѣ, гдѣ оно во множествѣ случаевъ выражается, повидимому, болѣзненной склонностью къ преступленію. Одинъ тотъ фактъ, что возможно говорить и писать о преступныхъ классахъ населенія, уже доказываетъ существованіе внутренняго соотношенія между соціальнымъ положеніемъ, воспитаніемъ и моральными наклонностями пролетаріата и частотой и интенсивностью преступленій. Среди людей, которые въ духовномъ отношеніи стоятъ на самой низкой ступени, которые не знаютъ иныхъ наслажденій, кромѣ самыхъ грубыхъ чувственныхъ, которые живутъ скученно въ тѣсныхъ каморкахъ, распространяются не только заразныя болѣзни, но и съ поразительной быстротою нравственныя язвы. Кварталы бѣдняковъ являются и высшими школами преступленія. Поэтому, всякая дѣятельность, направленная на уменьшеніе какого-нибудь общенароднаго зла, обязательно окажетъ свое благотворное дѣйствіе и на уголовную преступность. Не только филантропія и основныя требованія морали, но и непосредственная забота о безопасности правовыхъ благъ требуютъ неусыпныхъ мѣръ противъ опустошительнаго распространенія соціальной болѣзни, въ какой бы формѣ послѣдняя ни проявлялась. При современномъ быстромъ развитіи цивилизаціи, интересъ самого общества побуждаетъ обращать усиленное вниманіе на общественные недуги.

Ибо въ цивилизаціи скрываются не только благодѣтельныя, но и вредныя начала. При повышеніи куль-

туры наблюдалось не только увеличеніе числа случаевъ безумія, но и числа преступленій. Лихорадочный пульсъ современной жизни не только дѣйствуетъ утомляющимъ образомъ на душу, но и представляетъ больше соблазновъ для сердца, чѣмъ простой бытъ живущаго въ идиллическомъ спокойствіи населенія. Большее развитіе потребностей, растущая трудность борьбы за существованіе въ обществѣ, болѣе живое соприкосновеніе, въ которое, особенно въ большихъ городахъ, вступаютъ между собою люди, порождаютъ огромное количество поводовъ къ преступленію. Поэтому, современному человѣку нужна бо́льшая степень способности къ моральному сопротивленію, чѣмъ человѣку низшей культурной ступени. Съ развитіемъ цивилизаціи, моральныя требованія становятся значительнѣе не только количественно, но и качественно. Поэтому, слѣдуетъ остерегаться отъ повышающагося числа преступленій и т. п. заключать къ пониженію нравственности. Вѣрнѣе вмѣстѣ съ Кантомъ утверждать существованіе доказательства того, „что человѣческій родъ въ наше время въ общемъ, значительно подвинулся въ моральномъ отношеніи, въ сравненіи со всѣми предыдущими эпохами, впередъ, къ лучшему (недолго длящіеся перерывы ничего не говорятъ противъ этого), и что возгласы о неудержимо усиливающемся его вырожденіи происходятъ именно потому, что, когда человѣческій родъ достигаетъ болѣе высокой степени моральности, онъ стремится еще дальше впередъ, и его сужденія о томъ, что̀ есть, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ должно быть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наша самокритика, дѣлаются тѣмъ болѣе строгими, чѣмъ болѣе ступеней нравственности мы уже достигли на протяженіи всего, ставшаго намъ извѣстнымъ хода исторіи“ [1]). Если выше мы обозначили преступле-

[1]) Kant, *Ueber den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis.* Соч., т. VII, стр. 224. Ср. также удачныя замѣчанія Ланге, указ. соч., т. II, стр. 407 и

ніе, какъ болѣзнь индивидуальной воли, то теперь его значеніе въ совокупной жизни общества выясняется съ новой стороны. Правильность и постоянство его проявленій, длящіяся нарушенія, которыя оно вызываетъ въ соціальной жизни, постоянство причинъ, которыми оно обусловлено, представляютъ его въ качествѣ хронической болѣзни самого соціальнаго организма. Такъ какъ отдѣльные члены общества находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, — каковой фактъ такъ часто выражается туманнымъ словомъ: „органическій“,—то нарушеніе въ жизни одного изъ нихъ распространяется на всѣхъ остальныхъ. Когда больны легкія, нарушается дыханіе, а вслѣдствіе этого процессъ питанія, и потому здоровье всего тѣла; каждую болѣзнь можно понимать, какъ непосредственное нарушеніе нормальныхъ функцій захваченнаго ею органа и какъ нарушеніе общей жизни организма. Преступленіе, если

сл. Это забываетъ Эттингенъ, который изъ рядовъ своихъ цифръ выводитъ заключеніе, что царство грѣха захватываетъ все большее пространство, и въ то же время даетъ статистическое доказательство существованія дьявола. Такъ какъ прогрессирующая цивилизація, вслѣдствіе большей сложности соціальныхъ отношеній, даетъ и больше мотивовъ къ преступленію, проституціи и т. п., то изъ увеличенія числа преступленій и т. п., можетъ быть, возможно заключить объ устойчивости нравственности, но, конечно, не о ростѣ безнравственности. То обстоятельство, что прогрессъ культуры имѣетъ результатомъ усиленіе способности сопротивленія безнравственнымъ мотивамъ, доказываетъ, по моему мнѣнію, въ достаточной степени фактъ, что нецивилизованныя племена вымираютъ при соприкосновеніи съ культурными народами. Они знакомятся съ наслажденіями, доставляемыми цивилизаціей, не обладая моральной организаціей, которая представляла бы сдерживающее начало. Такъ называемый дикарь физически нерѣдко превосходитъ культурнаго человѣка и переноситъ лишенія, отъ которыхъ мы должны были бы погибнуть; но недостатокъ нравственной силы сопротивленія обрекаетъ его на гибель. Подобныя явленія можно наблюдать и внутри культурныхъ государствъ. Крестьянская дѣвушка, напримѣръ, приходящая въ большой городъ, легче поддается, какъ указываетъ Паранъ-Дюшатель, проституціи, чѣмъ урожденныя горожанки.

его разсматривать только въ отношеніи его виновника, представляется дѣяніемъ индивидуума, порожденнымъ болѣзненнымъ моральнымъ настроеніемъ, а въ ходѣ соціальной жизни оно означаетъ замедленіе необходимаго стремленія общества осуществить прогрессивное развитіе нашего духовнаго, нравственнаго и матеріальнаго бытія. И эта хроническая соціальная болѣзнь обусловлена силами, коренящимися въ обществѣ и окружающей его природѣ. Преступленіе есть соціальный продуктъ. Въ общемъ существованіи соціальнаго тѣла, въ суммѣ причинъ, коренящихся въ обществѣ, находится основа соціальнаго проявленія. Можно было бы сказать, что общество несетъ вину въ причиненной ему неправдѣ, если бы понятіе вины не предполагало личнаго, отвѣтственнаго существа и если бы путемъ его примѣненія къ безличному коллективу не совершалась ранѣе указывавшаяся нами ошибка, при которой понятію приписываются метафизическія свойства, какъ реальныя сущности [1]).

---

[1]) Еще очень мало дѣлалось попытокъ систематически разсматривать преступленіе, какъ соціальную проблему. Ни математическая философія Кетле, *homme moyen* котораго съ его *penchant au crime* является пустою абстракціей, ни Эттингенъ, который именно въ отношеніи къ преступленію жертвуетъ своей объективностью въ пользу извѣстныхъ догмъ (ср. въ указ. соч., стр. 693, гдѣ идетъ рѣчь объ усиленіи грѣха и „обнаруженіи въ ходѣ исторіи духовной демонической силы"), не дали удовлетворительнаго рѣшенія. Самая удачная работа въ этой области стоитъ совершенно вдали отъ морально-статистическихъ изслѣдованій. Это извѣстная книга Avé L'Allemand'a: *„Das deutsche Gaunertum in seiner sozialpolitischen, literarischen und linguistichen Ausbildung zu seinem heutigen Bestande"*, Лейпцигъ, 1858—62. Здѣсь съ глубокой основательностью, покоящейся на богатомъ практическомъ опытѣ и усердныхъ, всеобъемлющихъ историческихъ и философскихъ изслѣдованіяхъ, представлено профессіональное преступленіе противъ собственности, мошенничество, какъ „второстепенное зло больного соціально-политическаго организма", зло, которое можно искоренить лишь въ томъ случаѣ, если удастся полное излѣченіе самого орга-

Признаніе, что причина преступленія, какъ и всякой другой соціальной болѣзни, коренится въ совокупности, соціальныхъ обстоятельствъ, влечетъ за собой правильное представленіе о томъ, какъ трудно исцѣленіе общественнаго организма отъ гнѣздящагося въ немъ зла. Если уже патологія въ своемъ стремленіи найти причины нарушеній нормальной жизни наталкивается на неизмѣримыя трудности, то терапія, которая ищетъ средствъ компенсаціи болѣзненныхъ измѣненій, находится въ еще болѣе плохомъ положеніи, ибо она предполагаетъ полное знаніе патологическихъ процессовъ, если хочетъ оставить какимъ бы то ни было образомъ самую грубую эмпирію и дать общія научныя положенія. Если такъ обстоитъ дѣло съ человѣческимъ организмомъ, то въ еще большей степени это имѣетъ значеніе по отношенію къ необозримо болѣе сложнымъ общественнымъ процессамъ. Цѣлитель общества еще болѣе, чѣмъ медикъ, принужденъ предоставлять большую часть процесса лѣченія такимъ силамъ, овладѣть которыми не въ его власти. Сознательная дѣятельность можетъ осуществить въ этой области очень немногое, для этой дѣятельности трудно опредѣлить точныя правила, которымъ она должна слѣдовать. Въ высшей степени медленно происходятъ измѣненія въ существѣ общенія, и быстрые, длительные результаты не осуществимы даже при самомъ раціональномъ пользованіи общества. Почти идеальнымъ представляется намъ то государство, въ ко-

---

низма (т. I, Предисловіе, стр. IX). Здѣсь представлено, какъ мошенничество развилось въ нѣмецкомъ народѣ, какъ это болѣзненное начало передавалось по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ въ этомъ ракообразномъ образованіи возникъ свой языкъ, нравы и своя соціальная солидарность. Ave L'Allemand также—одинъ изъ немногихъ, кто вполнѣ понялъ, что плодотворная борьба съ народною болѣзнью, поражающей, повидимому, только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ людей, можетъ быть предпринята лишь совокупностью соціальныхъ силъ. Нужно отмѣтить также новыя итальянскія работы о маффіи и каморрѣ.

торомъ не совершалось бы убійствъ, кражъ, и, все-таки, положеніе, при которомъ мы только обезпечены отъ всякаго внѣшняго нарушенія правовыхъ благъ, еще далеко отъ того, чтобы заключать въ себѣ высшее раскрытіе нашихъ способностей.

Изъ силъ, которыя имѣютъ вліяніе на возникновеніе или предупрежденіе преступленій, почти совершенно не поддаются преднамѣренному измѣненію тѣ, которыя происходятъ изъ природнаго фактора, проявляющагося въ каждомъ общественномъ соединеніи. Климатъ и свойства почвы, физическія свойства и влеченія являются постоянно дѣйствующими причинами, на которыя или трудно, или почти совершенно невозможно повліять путемъ человѣческой дѣятельности. Въ высшей степени трудно оказать длительное улучшающее воздѣйствіе на національный характеръ, на экономическія отношенія, на политическія и международныя положенія, на нетерпимый характеръ религіи и нравовъ, на семейную жизнь, на литературныя и духовныя теченія, поскольку всѣ эти моменты участвуютъ въ возникновеніи преступленій. Историческому ходу народной жизни предоставляется компенсація нарушеній, которыя проистекаютъ изъ вреднаго дѣйствія этихъ соціальныхъ силъ.

Сознательно противодѣйствуютъ преступленію религія, нравы и государство. Религія, стремящаяся войти въ соприкосновеніе съ трансцендентнымъ началомъ въ человѣкѣ и въ природѣ и придать доступное каждому сознанію значеніе послѣднимъ неизслѣдимымъ вещамъ, по необходимости пытается подавлять эгоистическія влеченія и создать общественный порядокъ, покоящійся на взаимной любви и уваженіи членовъ общества. Поэтому, религія имѣетъ очень важное значеніе для всѣхъ соціальныхъ проблемъ, и великіе перевороты въ религіозной области, которые совершаются въ наше время и цѣль которыхъ еще совсѣмъ не очевидна, составляютъ предметъ, можетъ быть, самаго важнаго соціальнаго

вопроса, о будущей формѣ религіи. Громадное значеніе этого вопроса дѣлается яснымъ лишь въ томъ случаѣ, если принять во вниманіе, что гармонія интересовъ, на которой хотѣли бы основать зданіе общественной жизни, является призрачнымъ фундаментомъ, который только безпечный оптимистъ можетъ принять за долговѣчный, вполнѣ испытанный базисъ культурнаго развитія; что, хотя мыслителю или художественно одаренному человѣку возможно выработать свое собственное нравственное міровоззрѣніе безъ помощи опредѣленной формы религіи, но это не возможно для весьма большой части людей, у которыхъ лишь немного времени и еще меньше ума, чтобъ дойти до правильнаго сужденія о себѣ и своихъ отношеніяхъ къ міру; что общія убѣжденія составляютъ самыя прочныя связи между людьми и что часто только религіозныя заповѣди могутъ установить возможность нравственнаго отношенія между индивидуумами, которые въ борьбѣ за существованіе склонны къ безпощадной взаимной эксплоатаціи. Цѣнность религіи, какъ общаго соціальнаго средства взаимнаго пониманія, забываютъ тѣ, кто желаютъ создать новую вѣру на почвѣ новѣйшихъ научныхъ данныхъ и на чистыхъ стремленіяхъ къ искусству; ибо главнымъ требованіемъ всякой религіи является то, чтобы она была въ состояніи проникнуть во всѣ слои народа, чтобъ она могла удовлетворять этическую и метафизическую потребности, какъ наиболѣе, такъ и наименѣе развитыхъ людей. Въ этомъ смыслѣ всякая вѣра должна быть способной стать католическою; убѣжденія, которыя по природѣ своей распространяются только среди немногихъ избранныхъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ отличны отъ воззрѣній народныхъ массъ, не являются и никогда не могутъ стать религіею [1]).

---

[1]) „Was ist heilig? Das ist's, was viele Seelen zusammen-
Bindet; bänd'es auch nur leicht, wie die Binse den Kranz".
Что священно? То, что связуетъ множество душъ, хотя бы столь же некрѣпко, какъ лента—вѣнокъ.

Свою великую роль пробудительницы и воспитательницы альтруистическихъ чувствъ во всѣхъ слояхъ народа религія можетъ выполнять только въ томъ случаѣ, если она въ ея конкретной формѣ руководится нравственными принципами. Если съ теченіемъ времени около чистаго зерна ученія нагромождаются догматическія и іерархическія образованія и ослабляютъ, поэтому, его внутреннюю силу; если требованія вѣроисповѣданія становятся въ противорѣчіе съ запросами практической жизни отдѣльныхъ лицъ и народовъ; если, наконецъ, даже моральное сознаніе враждебно противостоитъ догматамъ, которые церковь провозглашаетъ основными положеніями религіозной морали, то происходитъ печальное явленіе, что соціальныя болѣзни получаютъ подкрѣпленіе со стороны той силы, которая прежде всего призвана къ тому, чтобы закрѣплять въ сознаніи человѣка его обязанности по отношенію къ своему ближнему и всѣмъ людямъ. Нетерпимость, фанатизмъ, религіозные запреты, которые прямо мѣшаютъ росту благосостоянія или противодѣйствуютъ настоятельнымъ требованіямъ чувствъ, слѣпое исполненіе внѣшнихъ религіозныхъ предписаній уже нерѣдко служили печальнымъ источникомъ тяжелыхъ соціальныхъ заболѣваній.

Вторая великая сила, которая дѣйствуетъ на преступленіе сдерживающимъ образомъ, это—общественные нравы. Въ нравахъ всего ярче сказывается характеръ народа со всѣми его хорошими и дурными сторонами. Взаимныя отношенія людей регулируются ими своеобразно, часто совершенно независимо отъ религіи и права, и господство ихъ надъ людьми, можетъ быть, сильнѣе господства какой-либо другой соціальной силы. Каждый общественный поступокъ получаетъ предъ ихъ судомъ особую оцѣнку, которая мощно побуждаетъ къ совершенію или воздержанію отъ него. Они обезпечиваютъ общее уваженіе согражданъ, которое удѣляется всякому, кто не сходитъ съ указаннаго ими пути. Изъ

этого уваженія субъективно возникаетъ чувство чести, т.-е. убѣжденіе, что человѣкъ живетъ согласно предписаніямъ нравовъ. Въ особенности, въ современномъ обществѣ чувство чести стало такой неотъемлемой частью личности, что оскорбленіе его ощущается очень часто болѣзненнѣе, чѣмъ потеря собственности и даже тѣлесной неприкосновенности и здоровья. Вліяніе общественныхъ нравовъ и чувства чести дѣйствуетъ принудительно извнѣ и изнутри, какъ суррогатъ совѣсти, на многихъ людей, которые по своей моральной организаціи совсѣмъ не могутъ считаться здоровыми, и необозримымъ является число общеполезныхъ поступковъ и воздержаній отъ нихъ, которые имѣютъ мѣсто, какъ отраженіе того, чѣмъ люди желаютъ казаться въ глазахъ другихъ.

Однако, на ряду съ большимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ нравовъ, въ нихъ скрыто много зародышей дурного дѣйствія, Въ нихъ именно содержится и значительная доля ирраціональнаго, которое питается особенно косностью внѣшнихъ, ставшихъ безсмысленными формъ. Затѣмъ, они имѣютъ далеко не всегда правильный инстинктъ, чтобы различать соціально-полезное отъ вреднаго, одобряя и даже прославляя дѣянія, которыя не могутъ устоять перенъ судомъ нравственности. Они въ меньшей степени измѣряютъ опасность и безнравственность поступка по отражающемуся въ немъ дурному нравственному настроенію или по величинѣ вредныхъ послѣдствій, чѣмъ по тому отношенію въ которомъ онъ находится съ принципомъ чести; а этотъ послѣдній, при извѣстныхъ обстоятельствахъ сильнѣе затрагиваетъ самая ничтожная кража, чѣмъ умерщвленіе человѣка. Далѣе, нравы по большей части безжалостны и непримиримы, они не забываютъ никогда или съ очень большимъ трудомъ забываютъ проступокъ, направленный противъ нихъ. Это ихъ свойство поддерживается языкомъ, который фиксируетъ преходящее дѣйствіе въ

имени существительномъ и, такимъ образомъ, дѣлаетъ нѣчто нераздѣльно присущимъ индивидууму. А. совершилъ кражу; среди безчисленныхъ поступковъ, которые онъ сдѣлалъ, встрѣчается также одинъ состоящій въ похищеніи чужого достоянія; однако, вслѣдствіе этого, онъ сталъ воромъ, т.-е. такимъ человѣкомъ, къ существу котораго относится свойства красть и котораго надо остерегаться при всякихъ обстоятельствахъ. Въ сколь многихъ рецидивахъ повиненъ деспотизмъ нравовъ, который упорно отказывается возстановить *in integrum* обвиненнаго преступника и толкаетъ его, вслѣдствіе этого, на скользкій путь, отъ котораго онъ можетъ быть иначе былъ бы избавленъ. Какъ снисходительно оцѣниваютъ они иные тяжелые деликты противъ общественной безопасности въ сравненіи съ незначительными преступленіями противъ собственности, какъ настоятельно требуютъ они, даже въ насмѣшку надъ уголовнымъ закономъ, дуэлей и при извѣстныхъ обстоятельствахъ оскорбленій дѣйствіемъ!

Однако, самое большое и глубокое вниманіе должно посвящать преступленію государство. Вѣдь, его основамъ и его цѣлямъ угрожаетъ всего болѣе соціальное зло, препятствующее правильно исполнять стоящую предъ нимъ задачу упорядоченія и поддержанія путемъ охранительной и направляющей дѣятельности взаимныхъ отношеній членовъ общества. Недостатокъ альтруистическаго образа мыслей, который выражается въ поврежденіи чужой собственности, личности, чести, нравственности и т. д., представляетъ всегда препятствіе для самого государства, какъ бы въ отдѣльномъ случаѣ ни было незначительно это препятствіе. Государству, поэтому, неизбѣжно приходится, прежде всего, искать средствъ съ помощью которыхъ, по крайней мѣрѣ, уменьшались бы преступленія, и главнымъ образомъ въ его интересѣ работать надъ достиженіемъ такого культурнаго состоянія, которое можетъ предупреждать

возникновеніе деликтовъ. Соціальныя болѣзни всякаго рода всегда поражаютъ сильнѣй всего общественный факторъ, который съ прогрессомъ культуры занялъ господствующее положеніе среди остальныхъ факторовъ.

Самая значительная, важная и плодотворная дѣятельность, которую государство должно противопоставлять преступленію, есть дѣятельность предупреждающая. Противъ каждаго бѣдствія раціональная профилактика— самая лучшая защита; если болѣзнь уже охватила организмъ, человѣческое искусство во множествѣ случаевъ не сопровождается успѣхомъ. Въ этомъ нѣтъ ничего новаго и для соціальнаго врача. Уже Монтескье выразилъ это словами: *„Un bon législateur s'attachera moins à punir les crimes, qu' à les prévenir; il s'appliquera plus à donner des moeurs, qu'à infliger des supplices“* [1]); Уже Бекаріа старался въ своей знаменитой книгѣ подробнѣе разъяснить профилактическую дѣятельность государства [2]), а Бентамъ поствятилъ ей самое тщательное и систематическое изслѣдованіе [3]).

Однако, нѣтъ ничего труднѣе, какъ указать государству спеціальныя, имѣющіе дѣйствительное значеніе предписанія о способѣ и характерѣ предупрежденія преступленій. Профилактика предполагаетъ такъ же, какъ и терапія, точное знаніе процессовъ и силъ, съ которыми нужно бороться, а, какъ уже указывалось, почти невозможно изучить вполнѣ механизмъ силъ, порождающихъ преступленія. Продолжительный практическій опытъ и часто интуитивный взглядъ геніальнаго государственнаго человѣка могутъ здѣсь помочь болѣе, чѣмъ цѣлый рядъ теоретическихъ размышленій. Только въ самыхъ общихъ очертаніяхъ нужно здѣсь указать

---

[1]) *Esprit des lois*, l. VI, ch. 12.

[2]) *Dei delitti e delle pene*, §§ 41—45.

[3]) Benthan-Dumont, *Grundgetze der Zivil und-Kriminal-Gesetzgebung*, пер. Benecke. Берлинъ. 1830, т. II, стр. 191 и сл.

пути, которыми должно итти государство въ борьбѣ съ преступностью.

Какъ отмѣчено выше, общество производитъ двоякаго рода соціальныя воздѣйствія: тѣмъ, что оно образуетъ характеры, и тѣмъ, что оно порождаетъ мотивы. Государство можетъ, поэтому, также двояко противодѣйствовать появленію преступленія; оно можетъ имѣть участіе въ образованіи характера для того, чтобы пробуждать въ своихъ гражданахъ здоровыя соціальныя воззрѣнія; оно можетъ также, поскольку это находится въ его власти, устранять мотивы, которые способны побуждать къ преступленіямъ. Первую часть своей задачи оно стремится исполнить путемъ воспитывающей дѣятельности, которую оно проявляетъ; вторую—своею общей направляющей дѣятельностью. Такъ какъ значительный періодъ воспитанія юношества протекаетъ въ стѣнахъ школы, государству, какъ образующей характеръ силѣ, приходится, прежде всего, на нее обращать свое вниманіе. Здѣсь оно можетъ уже запечатлѣть въ юныхъ душахъ мысль о томъ, что существованіе человѣка возможно только въ обществѣ и что индивидуумъ обязанъ всѣмъ, чѣмъ онъ располагаетъ духовно и физически, общежитію въ прошломъ и настоящемъ, что, такимъ образомъ, по отношенію къ обществу у индивидуума должна быть самая глубокая обязанность благодарности.

Но школой еще не кончается воспитывающая власть государства. Политическій строй и система военной обороны вносятъ свою долю въ то, чтобы усилить въ гражданахъ любовь къ порядку и уваженіе предъ закономъ и увеличить такимъ путемъ сумму соціальныхъ чувствъ и соціальнаго образа мыслей. Особенно важной для развитія интереса къ общественности является степень политическихъ правъ, которыя обезпечены за отдѣльными людьми и тотъ способъ, какимъ пользуются ими. При дѣятельномъ участіи въ общихъ дѣлахъ повышается практическое чувство солидарности всѣхъ сочленовъ го-

сударства и создается сильный оплотъ противъ проявленія эгоистическихъ влеченій во вредъ цѣлому. Наконецъ, государство можетъ воспитывать характеръ своихъ гражданъ примѣромъ, который оно даетъ всѣмъ выполненіемъ своихъ задачъ и поведеніемъ своихъ руководителей. При громадномъ вліяніи образа дѣйствій общепризнаннаго авторитета на инстинктъ подражанія у людей, носителямъ государственной власти слѣдуетъ быть чрезвычайно осмотрительными въ выборѣ средствъ, которыми должны достигаться государственныя цѣли. Если правительство дѣйствуетъ честно, открыто, исполняетъ свои обѣщанія, эти свойства во сто кратъ распространяются путемъ подражанія; и въ тысячу кратъ возрастаетъ вліяніе, оказываемое развращающимъ поведеніемъ господствующихъ классовъ. Горе тому государству, слуги котораго не имѣютъ нравственной силы подчинять свои личные интересы общественному благу! Въ дурномъ примѣрѣ, который даетъ публичный авторитетъ, заключается, быть можетъ, главнѣйшая причина общественныхъ пороковъ, если говорить о нихъ.

Въ стремленіи устранять мотивы къ преступленію или дать склонной къ преступленіямъ волѣ мотивы къ несовершенію деликта, государство можетъ дѣйствовать двоякимъ образомъ. Или оно старается постигнуть отдаленныя, вызывающія преступленіе, какъ общую соціальную болѣзнь, причины и противодѣйствовать имъ путемъ соотвѣтственныхъ мѣръ, или оно стремится къ тому, чтобы отнять у склонныхъ къ преступленію лицъ возможность его выполненія, т.-е. предупреждать вредное дѣйствіе болѣзни индивидуальной воли. Перваго результата оно можетъ достичь путемъ своей общей направляющей дѣятельности, второго—своею полицейской дѣятельностью въ тѣсномъ смыслѣ слова. Устраненіе общихъ порождающихъ преступность мотивовъ—самая трудная, но и самая полезная функція государства. Не говоря о тѣхъ трудностяхъ, которыя противо-

стоятъ ясному пониманію постоянно-дѣйствующихъ соціальныхъ причинъ, и о нерѣдкой невозможности итти имъ наперекоръ путемъ обдуманныхъ дѣйствій, оно требуетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно что-нибудь сдѣлать путемъ сознательной дѣятельности, величайшихъ напряженій для того, чтобы произвести радикальное излѣченіе соціальнаго порока. Если, однако, удалось однажды достичь въ этой области прочныхъ результатовъ, то общество дѣйствительно подвинулось на шагъ впередъ, ибо вмѣстѣ съ мотивомъ къ преступленію устраняется во множествѣ случаевъ одновременно и причина другихъ общественныхъ бѣдствій, а такъ какъ длительно дѣйствующіе мотивы имѣютъ сильное вліяніе на воспитаніе характера, то, съ ихъ устраненіемъ, совершается въ то же время прогрессъ въ образующемъ характеръ механизмѣ общества.

Современное государство уже до сравнительно высокой степени развитія выработало аппаратъ полиціи безопасности, посредствомъ котораго оно въ отдѣльныхъ случаяхъ предупреждаетъ преступленіе или разыскиваетъ и задерживаетъ виновника уже выполненнаго деликта. Въ этомъ заключается очевидный моментъ соціальной профилактики; тутъ стремятся уже не предотвратить тотъ психологическій процессъ, который кончается преступленіемъ, но дѣйствуютъ противъ зловреднаго проявленія болѣзни во внѣ или дурныхъ ея послѣдствій; дѣятельность государствъ направлена здѣсь уже прямо противъ человѣка, становящагося или уже ставшаго преступникомъ. Нужно величайше духовное и физическое напряженіе, чтобы прослѣдить начинающійся порокъ въ его истокахъ, напасть на слѣдъ исчезнувшаго злоумышленника по самымъ незначительнымъ примѣтамъ. Съ развитіемъ современнаго общества, принимаетъ все болѣе сложныя формы и направленное противъ жизни и собственности преступленіе, и полиція должна итти наравнѣ съ духовнымъ прогрессомъ, ко-

торый совершается и въ самомъ порочномъ членѣ общества. Осложняется и затрудняется задача полиціи вслѣдствіе физической и правовой невозможности слѣдить за каждымъ человѣкомъ, вслѣдствіе свободнаго передвиженія, которое современное государство должно предоставить людямъ. Какъ ни важна функція полиціи, все-таки и при самомъ идеальномъ совершенствѣ организаціи она не въ состояніи подавить въ корнѣ каждое преступленіе и обнаружить каждаго скрывшагося злодѣя. Отъ одной полиціи такъ же, какъ и отъ всякой иной государственной или общественной функціи, нельзя ожидать защиты отъ послѣдствій соціальнаго зла.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что для подавленія неправды дѣйствуютъ религія, нравы и государство всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами; несмотря на то, что остальныя дѣйствующія въ обществѣ силы часто соединяютъ свое вліяніе съ сознательной человѣческой дѣятельностью, бѣдствіе сказывается въ самыхъ различныхъ формахъ то тамъ, то здѣсь. Только сила его является уменьшенной, область его распространенія ограниченной. Но темныя, непреодолимыя силы, дѣйствующія за станкомъ человѣческихъ судебъ, а также и тѣ предрѣшенія, которыя совершаютъ люди при осуществленіи своихъ сознательныхъ намѣреній, вызываютъ неустанное дѣйствіе медленнаго яда въ организмѣ общежитія. Какое же средство есть у врача, чтобъ сдержать разрушительный процессъ, когда открывается рана и въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ подтачиваетъ организмъ? Что должно дѣлать общество въ отношеніи къ выполненному преступленію, вообще къ причиненной неправдѣ, какое имѣется средство, чтобы устранить произведенныя соціально-психологическія поврежденія?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Наказаніе.

Съ древнѣйшихъ временъ размышляли люди о значеніи наказанія. Въ безчисленномъ множествѣ уголовно-правовыхъ теорій, которыя были выставлены со времени грековъ до нашихъ дней, можно различить двѣ главныхъ группы. Первая разсматриваетъ наказаніе, какъ этическую необходимость, вторая—какъ необходимость соціальную. Теоріи перваго рода представляютъ наказаніе, какъ нѣчто абсолютно-необходимое, имѣющее цѣль въ самомъ себѣ. Онѣ исходятъ изъ достовѣрности абсолютнаго знанія, по крайней мѣрѣ, въ нравственной области, и держатся и падаютъ вмѣстѣ съ нею. Онѣ нашли, въ особенности въ Германіи, представителей среди самыхъ выдающихся философовъ. Наказаніе понимается ими: или какъ непосредственное содержаніе категорическаго нравственнаго закона, или какъ діалектическій моментъ въ процессѣ, который долженъ провести право чрезъ его отрицаніе къ его возстановленію, или какъ велѣніе божественнаго авторитета, или какъ устраненія абсолютнаго недовольства вызваннымъ, вслѣдствіе преступленія, неравенствомъ между обидчикомъ и обиженнымъ. Какъ ни разнообразно обоснованіе наказанія, смотря по тому или иному этическому принципу, изъ котораго исходятъ, все же всѣ эти ученія согласны въ томъ, что сущность наказанія сводится къ *возмездію*.

Основнымъ свойствомъ хотя бы нѣсколько развитыхъ органическихъ существъ является то, что они реагируютъ на внѣшнія физіологическія или психическія раздраженія [1]). Подсолнечникъ поворачивается къ согрѣвающимъ лучамъ, Dyonaea muscipula замыкаетъ свой околоцвѣтникъ, когда насѣкомое коснется волосковъ, которыми она, какъ панцыремъ, защищена изнутри. Если это раздраженіе произведено съ враждебною цѣлью, реакція направляется на уничтоженіе или обезвреживаніе нарушителя мира. Пчела обращаетъ свое ядовитое жало противъ того, кто хочетъ проникнуть въ ея соты, собака бросается на похитителя ея корма, ребенокъ ломаетъ игрушку, которою причинилъ себѣ боль. И у взрослыхъ людей всякое враждебное личное нападеніе извнѣ превращается въ рефлекторное дѣйствіе противъ его виновника. На этой, подобной рефлексу, реакціи индивидуума противъ внѣшнихъ нарушеній его неприкосновенности основывается месть, которая стремится уничтожить виновника такого нарушенія. Естественное чувство мести не знаетъ другой мѣры, кромѣ силы раздраженія и энергіи, которыя накопились у соотвѣтственнаго лица. Если естественное влеченіе, которое является чисто эгоистическимъ, умѣряется альтруистическимъ вниманіемъ къ индивидууму, противъ котораго оно направлено, месть облагораживается до степени возмездія, не отвергая, однако, своего происхожденія отъ общаго органическаго основного влеченія.

Среди моральныхъ идей народовъ, можетъ быть, ни одна не сыграла большей роли, чѣмъ идея возмездія. Только потому, что она глубоко зависитъ отъ нашей чувственной природы, была сдѣлана попытка видѣть въ ней вѣчнодѣйствующій законъ божества и міра. Осо-

[1]) Уже неорганизованная матерія представляетъ аналогію реакціи на внѣшнія нарушенія въ покоящейся на свойствѣ непроницаемости силѣ сопротивленія.

бенно овладѣли этой идеею религіи и представляли человѣческую жизнь, какъ бы ослушаніемъ волѣ божества, противъ котораго послѣднее въ потусторонней жизни проявитъ справедливую реакцію. Представленія народа и эпохи о потустороннемъ находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ его уголовноправовымъ сознаніемъ; то и другое можетъ служить непосредственнымъ критеріемъ культуры. Чѣмъ больше адъ мыслится мѣстомъ ужасныхъ и безконечныхъ физическихъ мученій, тѣмъ въ большей степени принимаетъ уголовное право характеръ мести. Изображеніе страданій осужденныхъ на муки, какъ его представилъ великій итальянскій поэтъ, оскорбляетъ теперь въ своихъ деталяхъ наше чувство, но оно вполнѣ соотвѣтствовало тому времени, когда людей ослѣпляли, четвертовали, колесовали и сжигали.

Идея возмездія, которая присуща нашей природѣ и затѣмъ развивается въ насъ религіознымъ воспитаніемъ, безсознательно прочно существовала уже у защитниковъ абсолютной теоріи, прежде чѣмъ они пришли къ своей, повидимому, дедуктивнымъ путемъ достигнутой цѣли. Ими была проэцирована на міръ фактовъ потребность человѣческой природы и сдѣланъ старый, ошибочный выводъ, что желаемому нами должна соотвѣтствовать абсолютная реальность. Всего наивнѣе это вышло у Канта. Наказаніе просто было объявлено имъ въ качествѣ велѣнія разума. Но съ тѣмъ же правомъ его можно было бы обозначить вмѣстѣ съ Платономъ, какъ велѣніе неразумнаго, животнаго начала въ человѣкѣ [1]). Позволительно весьма сомнѣваться, можетъ ли найти свое мѣсто понятіе возмездія, неразрывное съ понятіемъ награды и наказанія, въ системѣ, которая предписываетъ исполненіе нравственнаго велѣнія

[1]) Οὐδεὶς κολάζει τοὺς ἀδικοῦντας πρὸς τοῦτο τὸν νοῦν ἔχων καὶ τούτου ἕνεκα, ὅτι ἠδίκησεν, ὅστις μὴ ὥσπερ θηρίον ἀλογίστως τιμωρεῖται. Protag., p. 324.

только изъ уваженія къ закону. Я считаю дедукцію наказанія однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ Кантъ снова позволяетъ проникнуть въ свою систему категорически изгнанному имъ эвдемонизму. Этика, построенная на принципѣ моральной автономіи, могла бы, однако, найти награду и наказаніе въ самихъ поступкахъ [1]).

Непосредственное содержаніе Кантовскаго велѣнія разума превращается въ строѣ Гегелевской системы въ діалектически необходимое движеніе, которое возвышаетъ отрицаемое неправдою, сущее само по себѣ право до степени дѣйствительнаго и дѣйствующаго права путемъ второго отрицанія [2]). Здѣсь не мѣсто, и было бы лишь повтореніемъ общеизвѣстнаго, пускаться въ подробную критику Гегелевской философіи и ея метода. Болѣе глубокимъ изслѣдованіямъ существа логическихъ категорій удалось доказать научную цѣну или скорѣе негодность гипостазированія логическихъ формъ. Шопенгауэръ повернулъ копье обратною стороною и видитъ въ вправѣ только отрицаніе изначальной неправды. Реальное содержаніе понятія не получается изъ формы его, и всѣ попытки вывести его изъ послѣдней являются, въ лучшемъ случаѣ, остроумной работой Данаидъ. Скорѣе можно понять созданіе изъ ничего, чѣмъ то, чтобы эти уничтожающія другъ друга и съ большей полнотою возникающія изъ пепла своего инобытія абстрактныя понятія породили необъятную полноту реальности.

---

[1]) Ср. выше, на стр. 71 цитированное мѣсто изъ *Критики чистаго разума*, которая, правильно слѣдуя ученію объ умопостигаемой свободѣ, утверждаетъ невозможность земного возмездія.

[2]) Утверждаемая Гегелемъ необходимость неправды (*Grundl. d. Philosophie d. Rechts*, соч., VIII, § 82, стр. 123; § 97, стр. 132), которая даетъ преступнику, по крайней мѣрѣ, сладостное утѣшеніе, что онъ содѣйствовалъ своимъ злодѣяніемъ діалектическому развитію права,—не что иное, какъ абстракція изъ простого соціально-психическаго факта, что слѣдующая за нарушеніемъ правового положенія реакція противъ нарушителя увеличиваетъ уваженіе или страхъ передъ правовою нормой.

Гегелевское опредѣленіе уголовнаго права нашло среди юристовъ многихъ приверженцевъ, и еще теперь не исчезло его господство. Именно юристъ является родственнымъ по духу съ діалектической философіей. Для того, кто привыкъ постоянно оперировать только понятіями, созерцать жизнь только сквозь очки понятій, абстрактное съ психологической необходимостью должно обратиться въ сущность, все болѣе и болѣе становящуюся конкретной. Продолжительное занятіе только формальнымъ легко склоняетъ къ мысли искать только въ немъ реальность вещей и несовпаденіе реальнаго съ требуемымъ идеей приписывать темной власти случая и несовершенству человѣческихъ установленій. Вслѣдствіе этого, юриспруденція является тою научной областью, въ которой Гегель удержалъ до настоящаго времени относительно сильнѣйшее вліяніе, въ то время какъ для другихъ дисциплинъ воздѣйствіе самой мощной системы, которую произвелъ нѣмецкій идеализмъ, принадлежитъ уже больше исторіи.

Въ качествѣ практическаго принципа для опредѣленія величины наказанія Гегель указалъ *цѣнность*, которую имѣетъ преступленіе и которая должна быть превращена въ равную по величинѣ цѣнность наказанія. Что такія обсолютныя цѣнности нельзя отыскать въ области конечнаго и что здѣсь возможно только постепенное приближеніе, признаетъ самъ философъ [1]), и потому отказывается опредѣлить цѣнность наказанія. Это дало случай юристу и философу, съ одной стороны, познакомиться съ историческимъ развитіемъ уголовно-правовыхъ понятій, съ другой—связать съ наказаніемъ практическія цѣли. Но они твердо держались словъ учителя, что въ теоріи наказанія не достаточно руководиться разумомъ, а необходимо исходить изъ понятія [2]).

---

[1]) Указ. соч., § 101, стр. 138.

[2]) Указ. соч., § 99, стр. 133.

Вслѣдствіе этого, они, да и не только одни они, но и многіе, державшіеся другихъ философскихъ воззрѣній, искали чистое понятіе наказанія, при которомъ послѣднее имѣетъ свою особую сущность, искали *nomen*, которое или обладаетъ дѣйствительностью *ante rem* или, по крайней мѣрѣ, заключается *in re*, какъ живоносное и движущее начало. Одинъ находитъ эту сущность наказанія съ возстановленіи нарушеннаго права, въ погашеніи вины преступника и въ немъ самомъ; другой выдвигаетъ ту мысль, что ненарушимость права должна обнаружиться путемъ наказанія, выступить только, какъ результатъ историческаго развитія; третій признаетъ сущность наказанія въ уничтоженіи господства, которое создалъ преступникъ своимъ злодѣяніемъ; четвертый въ справедливой реакціи, которую претерпѣваетъ мыслимое, какъ одно цѣлое, человѣчество за свои грѣхи, и т. д. Эти поиски идеи наказанія живо напоминаютъ старанія нѣмецкой натурфилософіи начала прошлаго столѣтія установить понятія о сущности процессовъ природы, напр., химизма, электричества, свѣта и т. п. Ибо здѣсь, какъ и тамъ, при объясненіи не справлялись съ опытомъ, а предоставляли фантазіи овладѣвать явленіями, сообразно съ ея произвольными капризами, и несовершенныя индукціи превращать въ философскіе принципы.

Такая несовершенная индукція лежитъ и въ основаніи этихъ широкораспространенныхъ представленій объ уничтоженіи и возстановленіи права. Преступленіе порождаетъ въ обществѣ чувство правовой неувѣренности и возмущеніе по поводу нарушенія правовой нормы. Путемъ наказанія, которое приходится на долю преступника, возстановляется чувство увѣренности и спокойствія. Такимъ образомъ, происходятъ два соціально-психологическихъ процесса, одинъ — названный преступленіемъ, другой — наказаніемъ, дѣйствіе которыхъ въ общемъ компенсируется. Возникаетъ представленіе, будто

эти процессы осуществились не въ душахъ людей, но въ понятіяхъ самихъ по себѣ, и такимъ образомъ подъ громкими философскими фразами скрывается простой эмпирическій фактъ. Но функція наказанія, какъ мы увидимъ позже, вовсе не ограничивается указанной психологической компенсаціей и, сверхъ того, не является исключительнымъ средствомъ борьбы съ вызванными преступленіемъ послѣдствіями. Если злодѣй избѣгаетъ рукъ правосудія, нанесенныя неправдою раны приходится исцѣлять времени. Воспоминаніе о преступленіи исчезаетъ мало-по-малу изъ сознанія человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаютъ тѣ вредныя послѣдствія, которыя оно вноситъ въ правопорядокъ. Такъ какъ часть деликтовъ — и, можетъ быть, не малая часть — или не становится извѣстной, или путемъ удачнаго бѣгства виновника не сопровождается наказаніемъ, было бы очень интересно узнать, кто же въ этихъ случаяхъ долженъ взять на себя діалектическую задачу возстановленія права. По Гегелю, право должно при этомъ безпомощно оставаться въ своемъ инобытіи, не имѣя возможности изъ состоянія нереальности (Nichtigkeit) перейти въ дѣйствительность. Или тутъ одинъ изъ тѣхъ фактовъ, предъ которыми гордый панлогизмъ уступаетъ мѣсто аналогичному случаю?

Софизмы, при помощи которыхъ наука эпохи реакціи хотѣла представить наказаніе абсолютнымъ велѣніемъ Бога для обнаруженія Его величія, вполнѣ могутъ быть обойдены здѣсь молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что это пониманіе абсолютной теоріи нашло лишь немногихъ приверженцевъ. Важнѣе теологической эстетическая форма, при которой возмездіе представляется абсолютнымъ принципомъ наказанія.

Безспорно правильно то, что обращеніе послѣдствій злодѣянія на голову виновника производитъ въ насъ чувство удовлетворенія. Злодѣяніе колеблетъ, вслѣдствіе вызываемаго имъ раздраженія, гармонію нашего суще-

ства; зрѣлище кары возстановляетъ нарушенное равновѣсіе нашей природы. Удачно, поэтому, Лейбницъ называетъ возмездіе: *rapport de convenance, qui contente non seulement l'offensé, mais encore les sages, qui la voient; comme une belle musique ou bien une bonne architecture contente les esprits bien faits.* Предъ эстетическимъ созерцаніемъ возмездіе и основывающаяся на немъ карающая и награждающая справедливость являются силой, объединяющей противорѣчія, разрѣшающей диссонансы, сводящей противорѣчащія другъ другу индивидуальныя существа въ единство космоса. Поэтому, мы наблюдаемъ дѣйствіе справедливости повсюду, гдѣ гармонія цѣлаго нарушается индивидуумомъ, а послѣдній терпитъ за сто; поэтому, мы называемъ художественной правдою, когда въ трагедіи сильная личность, возставшая противъ объективныхъ ограниченій индивидуальныхъ запросовъ, погибаетъ въ борьбѣ съ господствующими надъ человѣческой жизнью силами. Но научное созерцаніе міра должно остерегаться усматривать въ реальныхъ процессахъ непосредственное осуществленіе эстетической необходимости. Всѣ художественныя пониманія соціальныхъ проблемъ могутъ удовлетворить только субъективно-индивидуальную, а не всеобщую потребность въ объективномъ знаніи. Истинная научность разсматриваетъ всѣ свои задачи, „*ac si quaestio de lineis, planis aut de corporibus esset*“ [1]).

---

[1]) Такимъ эстетическимъ пониманіемъ возмездія я считаю выставленную Меркелемъ теорію воздающей справедливости (см. Merkel, *Kriminalistische Abhandlungen*, Лейпцигъ, 1867, I, стр. 104 и сл.), по которой человѣчество въ своихъ судьбахъ получаетъ отъ исторіи расплату за свои добродѣтели и свои грѣхи и человѣческая карающая справедливость безсознательно служитъ выполненію реакціи „великаго живого существа“ на человѣческія дѣянія. Со спекулятивными догматами дѣло обстоитъ такъ же, какъ и съ религіозными. Если ихъ нельзя болѣе сохранить въ первоначальной формѣ, имъ приписываютъ иное значеніе, пока онѣ не получатъ подходящій смыслъ. Другому перетолкованію подвергается возмездіе у Бара,

Сообразно эстетическому характеру своей этики Гербартъ представилъ карающее возмездіе, какъ абсолютно должное, вытекающее изъ первоначальнаго, ни къ чему не сводимаго, общаго сужденія вкуса, по которому порожденное неправдою неравенство вызываетъ недовольство между обидчикомъ и обиженнымъ. Какъ извѣстно, Гербартъ считаетъ указаніе этическихъ идей послѣднимъ предѣломъ изслѣдованія сущности нравственно-должнаго. Если, однако, мы не остановимся предъ его немотивированнымъ заключеніемъ и пойдемъ немного далѣе, мы снова встрѣтимъ тотъ указанный выше психологическій фактъ, который послужилъ Гегелю субстратомъ его діалектическаго опредѣленія наказанія. И этотъ психологическій фактъ, опять-таки, возникаетъ изъ общаго органическаго основного влеченія къ энергической реакціи на внѣшнія нарушенія, такъ что мнимая этическая идея, въ концѣ-концовъ, сводится къ физическому.

Тѣсная связь идеи возмездія съ нашей организаціей и воспитаніемъ не является единственнымъ основаніемъ того, почему эта идея играетъ такую выдающуюся роль въ современныхъ нѣмецкихъ теоріяхъ наказанія. И кромѣ мнимаго абсолютнаго этическаго требованія, изъ котораго она должна возникать, приводится рядъ гипотезъ съ тою цѣлью, чтобы провозгласить ее единственно возможнымъ нравственнымъ основаніемъ наказанія. Только воздающій характеръ наказанія охраняетъ имѣющееся и у преступника человѣческое достоинство, въ то время, какъ такъ называемыя относительныя теоріи прини-

---

который сумѣлъ освободиться отъ вѣры въ абсолютную необходимость уголовноправового возмездія: „не столько воздается преступнику, сколько онъ самъ воздаетъ себѣ за то, чего не сдѣлалъ ранѣе для развитія человѣчества, или чѣмъ онъ, употребляя иное выраженіе, противодѣйствовалъ развитію“. *Die Grundlagen des Strafrechts*, Лейпцигъ, 1869, § 15.

жаютъ человѣка до степени средства для общественныхъ цѣлей и жертвуютъ для нихъ его нравственной самостоятельностью, его личностью. Далѣе, возмездіе въ виду того, что оно требуетъ внутренняго равенства преступленія и наказанія, вноситъ въ наказаніе правильную мѣру, которая иначе была бы предоставлена произволу. Только идея возмездія даетъ возможность преступнику почувствовать справедливость наказанія, приходящагося на его долю, какъ послѣдствіе его дѣянія.

По абсолютной теоріи сущность наказанія состоитъ также въ томъ, что оно не является средствомъ къ цѣли, но само представляетъ конечную цѣль. Оно—„самоцѣль“, звучное названіе, которымъ философія награждала иныя вещи, чтобы обозначить ихъ, какъ нѣчто совершенно исключительно-возвышенное и достойное благоговѣйнаго отношенія. Среди многихъ мантій, которыми метафизическое „глубокомысліе“ старается прикрыть свою научную несостоятельность, „самоцѣль“ является одной изъ самыхъ любимыхъ и изысканныхъ. Нравственность, государство, личность, организмъ, наказаніе и т. д. подводятся подъ это понятіе, которое по научной глубинѣ имѣетъ много родственнаго съ понятіемъ *causa sui*.

Этотъ мнимый характеръ наказанія, какъ дѣйствія, имѣющаго въ себѣ свою послѣднюю цѣль, мотивируется Кантомъ тѣмъ, что оно является исполненіемъ категорическаго императива, т.-е. должно имѣть мѣсто только ради нравственнаго закона, а Гегель, напротивъ, признаетъ задачей наказанія доказательство нереальности проявляющейся въ преступленіи воли. По мнѣнію послѣдняго, преступникъ принуждается къ подчиненію тому закону, который онъ установилъ самъ своимъ поступкомъ; онъ признается разумнымъ, потому что наказаніе считается его собственнымъ правомъ; эта честь не удѣлялась бы ему, если бы имъ пользовались, какъ средствомъ для цѣлей общества.

По опредѣленной выше сущности возмездія ясно, что и оно дѣлаетъ наказаніе средствомъ достиженія соціальной цѣли, именно успокоенія вызваннаго преступленіемъ общаго раздраженія. Только вслѣдствіе того, что возмездіе понимается, какъ велѣніе, которое диктуется Богомъ или разумомъ, или закономъ внутренняго движенія идей, можетъ возникнуть видимость, будто наказаніе—послѣдній членъ въ ряду цѣлей и будто оно дѣйствуетъ противъ преступника, сообразно высшей необходимости, воздающей ему то, что̀ подобаетъ въ силу абсолютнаго, трансцендентнаго порядка вещей. Карающее государство является въ этомъ пониманіи уполномоченнымъ высшею силой, и не своимъ земнымъ, а этимъ вѣчнымъ, сущимъ по себѣ цѣлямъ служитъ оно, когда совершаетъ возмездіе. Безконечное значеніе личности, абсолютная цѣнность индивидуума признается и охраняется только такимъ образомъ, и потому возмездіе есть единственный нравственный базисъ наказанія.

Изученіе исторіи, хотя бы и поверхностное, показываетъ, что самостоятельная цѣнность индивидуальности есть величина, обусловленная общимъ культурнымъ положеніемъ народа, о которой такъ же нельзя высказать нѣчто абсолютное, какъ о какомъ-либо фактѣ историческаго характера. Въ развитомъ общественномъ строѣ отдѣльному члену, конечно, предоставлено больше самостоятельности, чѣмъ въ строѣ менѣе культурномъ, гдѣ отдѣльные соціальные органы еще недостаточно дифференцированы. Степень самостоятельнаго значенія, которую признаетъ за индивидуумомъ общество, является продуктомъ долгой и тяжелой исторической работы и лучшимъ плодомъ каждой культуры, и не можетъ быть выводима изъ чистаго разума. Чтобы удовлетворить требованію прогрессивнаго этическаго сознанія, которое и въ преступникѣ хочетъ уважать полноправную личность, творцы абсолютной теоріи, въ то же время, устра-

нили наказаніе изъ области житейски-необходимаго и думали, что этимъ они всего лучше охранили человѣческое достоинство. Однако, растущее съ ростомъ цивилизаціи чувство гуманности и состраданія, болѣе прогрессивный взглядъ на значеніе въ жизни общества наказанія создали гораздо болѣе реальное значеніе человѣческаго достоинства преступниковъ, чѣмъ это могло быть выполнено совершенно абстрактнымъ, вполнѣ потустороннимъ понятіемъ возмездія [1]). Развѣ это болѣе достойно человѣка, когда онъ приносится въ жертву метафизическому понятію, чѣмъ, если съ нимъ поступаютъ сообразно разумно понятымъ цѣлямъ общества, которымъ долженъ содѣйствовать каждый человѣкъ безъ различія, даже жертвуя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, своею личностью? Истинное значеніе наказанія можно правильно понять лишь въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду, что общество—первѣе цивилизованнаго индивидуума.

Насколько неплодотворно вносить трансцендентные принципы въ оцѣнку реальныхъ отношеній, показываетъ примѣненіе идеи возмездія къ опредѣленію размѣра наказанія. Она требуетъ опредѣленнаго размѣра, она противится тому, „чтобы нарушитель права претерпѣвалъ большее зло, чѣмъ то, которое онъ заслужилъ“. Однако, чтобъ удовлетворить этому требованію, у насъ должна быть способность абсолютнаго, непогрѣшимаго знанія. Мы должны были бы измѣрять вину и наказаніе надежнымъ масштабомъ: задача, которая родственна задачѣ Шейлока—вырѣзать изъ тѣла должника ни

---

[1]) Merkel, указ. соч., стр. 113, приводитъ рядъ современныхъ уголовноправовыхъ предписаній, которыя возникли яко бы изъ идеи возмездія, но которыя вполнѣ могутъ быть всѣ выведены изъ указанныхъ въ текстѣ моментовъ. Возмездіе, какъ нѣчто абсолютное, является коснымъ, вѣчно-равнымъ, изъ котораго историческое движеніе, происходящее въ уголовномъ правѣ, не можетъ быть объяснено,—развѣ только съ помощью діалектическаго аппарата.

на гранъ не больше и не меньше мяса, чѣмъ слѣдуетъ по распискѣ [1]). По воззрѣнію нѣкоторыхъ писателей возмездіе должно быть, по крайней мѣрѣ, *умѣряющимъ* элементомъ въ наказаніи и въ ходѣ историческаго развитія выразить, въ концѣ концовъ, истинныя цѣнности преступленія. Но и это—заблужденіе. Если мы расчленимъ влеченіе къ возмездію психологически и исторически, то найдемъ, съ одной стороны, изначальное эгоистическое чувство мести, направленное на уничтоженіе нарушителя, а, съ другой—альтруистическія склонности, все болѣе развивающіяся съ прогрессомъ культуры, объектомъ которыхъ являются даже тѣ сочлены общества, которые дерзаютъ колебать его правовое основаніе. Чѣмъ выше становится средній уровень альтруизма, чѣмъ сильнѣе, слѣдовательно, подавляется жестокое чувство мести, тѣмъ мягче становятся требованія возмездія. Можно даже утверждать, что ходъ историческаго развитія ведетъ къ тому, чтобы совершенно уничтожить влеченіе къ возмездію, такъ чтобы, въ концѣ концовъ, оставалось только то всеобщее неодобреніе, въ которомъ Баръ видитъ сущность наказанія [2]). Въ послѣдовательномъ изображеніи идеальнаго человѣка влеченіе къ возмездію не нашло бы болѣе

[1]) Безсознательное признаніе практической непригодности идеи возмездія при опредѣленіи размѣра наказанія представляетъ теорія Бернера, сопровождаемая невѣрнымъ физическимъ сравненіемъ (вода обращается въ паръ при всякой температурѣ, а не только при температурѣ кипѣнія!), теорія о максимумѣ и минимумѣ наказанія, въ предѣлахъ которыхъ справедливость можетъ выбирать свободно. *Lehrbuch des deutschen Strafrechts,* 5 изд., стр. 34. Однако, это значитъ только, что мы, при грубости органовъ воспріятія, не ощущаемъ безконечно тонкихъ различій въ степени вины и еще меньше можемъ ихъ выражать. Объ отношеніи карающей справедливости къ измѣренію наказанія тонкія психологическія замѣчанія дѣляетъ Holtzendorff, *Das Verbrechen des Mordes und die Todesstrafe,* Берлинъ, 1875, гл. 19, гдѣ правильно указывается также мѣняющаяся цѣнность правовыхъ благъ.

[2]) Ср. Bar, указ. соч., стр. 70—72.

мѣста, и его не знали самые идеальные люди, съ которыми знакомитъ насъ исторія. Евангеліе учитъ любить ненавидящихъ насъ. Платонъ объявляетъ звѣринымъ неразумiемъ наказаніе преступника за совершенную имъ неправду; для мудраго Спинозы человѣческая низость составляетъ, какъ и любое явленіе природы, только поводъ размышлять объ ея причинахъ и путемъ познанія ихъ подавить въ себѣ скорбное чувство и отдаться чистой радости познанія. Такимъ образомъ, постоянно возобновлять попытку все съ большей тщательностью соразмѣрять вину и наказаніе побуждаетъ совокупность анти-эгоистическихъ свойствъ нашей природы. Единственный пунктъ, въ которомъ влеченіе къ возмездію можетъ оказать опредѣленное и длительное вліяніе на *Quantum* и *Quale* наказанія, есть самое общее требованіе наказанія, пропорціональнаго различіямъ субъективной вины и объективнаго вреда, такъ чтобы болѣе ощутительный деликтъ карался тяжелѣе, чѣмъ деликтъ болѣе легкій [1]). Однако, этотъ моментъ совершенно формаленъ и не имѣетъ вліянія на реальное содержаніе наказанія. Вообще нелишне почаще напоминать, что мы можемъ дедуцировать *a priori*, т.-е. изъ всеобщей человѣческой природы, не болѣе, чѣмъ формальную сторону познанія и поведенія, а матеріальное содержаніе этихъ изначальныхъ формъ постигается только эмпирически.

Утвержденіе, что лишь характеръ наказанія, какъ возмездія по отношенію къ самому преступнику, даетъ нравственное оправданіе направленному противъ него принужденію, и что онъ только вслѣдствіе этого полу-

---

[1]) „Справедливость, которая никогда не является абсолютной, не можетъ означать больше того, что, соотвѣтственно опредѣленному состоянію правового развитія отдѣльныхъ народовъ, всякое болѣе тяжелое преступленіе должно сопровождаться угрозою болѣе тяжелаго наказанія, чѣмъ менѣе значительный проступокъ“. Holtzendorff, указ. соч., стр. 223.

чаетъ возможность почувствовать этическую цѣнность наказанія и уничтожить неправду и внутренне, въ своей волѣ, заключаетъ въ себѣ petitio principii. Сперва должно быть приведено строгое доказательство того, что пониманіе наказанія, какъ возмездія, со стороны карающихъ и караемаго является единственно нравственнымъ. Если приходятъ къ такому взгляду, что общество является воспитателемъ и порождаетъ всѣ нравственныя обязанности, и что, какъ индивидуумы не могутъ существовать внѣ его, такъ и оно безъ нихъ, то мысль, что каждый долженъ сносить столько принужденія, сколько требуютъ условія существованія общества, по меньшей мѣрѣ такъ же нравственна, какъ и всякая идея, царящая въ воздушныхъ замкахъ умозрѣнія. Какую оцѣнку дастъ наказанію преступникъ, будетъ зависѣть отъ степени его интеллектуальнаго и этическаго развитія. Если наказаніе вообще окажетъ на него нравственное воздѣйствіе, оно будетъ представляться его уму божественной расплатою за его дѣяніе; карою, которая загладитъ его проступокъ; средствомъ снова пріобрѣсти потерянное уваженіе согражданъ, и т. п. Всѣ эти пониманія имѣютъ субъективное оправданіе, но выводить отсюда научное заключеніе о характерѣ наказанія, все-таки, значило бы дѣлать обычный человѣческій разсудокъ судьею въ вопросѣ, въ которомъ онъ не компетентенъ. Можетъ имѣть большое практическое значеніе внушить преступнику взглядъ на наказаніе, соотвѣтствующій его этическому сознанію, и, конечно, для него наибольшую роль, въ среднемъ, будетъ играть прививаемая религіей идея возмездія, но научное познаніе не можетъ итти вслѣдъ за общепринятымъ взглядомъ на вещи. Наивному сознанію и звукъ, и цвѣтъ представляются, какъ нѣчто существующее реально внѣ его, въ то время, какъ для науки существуютъ только колебанія воздуха и эфира. Преступникъ со своей моральной точки зрѣнія можетъ даже требовать наказанія,

какъ необходимо слѣдующаго ему результата его дѣянія, но это будетъ означать лишь, что онъ надѣется, претерпѣвъ наказаніе, примириться со своей совѣстью. Но развѣ можетъ наказаніе устранить у болѣе развитого морально человѣка мучительное раскаяніе въ совершонной имъ неправдѣ, если онъ совершилъ преступленіе даже въ минуту слабости?

Изъ возраженій, которыя приводятся противъ возмездія, какъ абсолютнаго принципа наказанія, мы приведемъ еще два особенно важныхъ: оно надѣляетъ человѣка божескими правами и заставляетъ его, въ то же время, покончить съ небомъ; оно не въ состояніи обосновать, почему только опредѣленные классы караются за безнравственныя дѣянія, въ то время какъ другіе остаются безнаказанными.

Если мы болѣе подробно разсмотрѣли абсолютную теорію, то произошло это не только по причинѣ значительныхъ авторитетовъ, которые считаютъ ее или единственнымъ принципомъ наказанія, или хотя бы центромъ, около котораго нужно группировать соціальныя цѣли наказанія, но главнымъ образомъ и потому, что въ идеѣ воздающаго наказанія содержится зерно истины, которое мы уже отчасти отыскали выше и значеніе котораго для правильнаго пониманія наказанія мы оцѣнимъ позднѣе.

Для сторонниковъ абсолютной теоріи правомѣрность наказанія основывается непосредственно на велѣніи высшей этической силы, которая предписываетъ его исполненіе. Другія теоріи ищутъ правового основанія, изъ котораго государство почерпаетъ санкцію для отправленія своей карающей дѣятельности. Здѣсь возможны два пути. Или допускать, что вслѣдствіе преступленія между преступникомъ и государствомъ создается отношеніе, которое позволяетъ послѣднему примѣнять къ преступнику общее правовое положеніе, покоящееся на правовомъ порядкѣ; или выводить право-

мочіе наказывать изъ стоящаго надъ позитивнымъ правомъ принципа, отъ котораго оно получаетъ свое непреложное значеніе. Первый видъ теорій раздѣляетъ съ абсолютной теоріей стремленіе искать сущность наказанія въ понятіи,—только вмѣсто философскаго понятія здѣсь выдвигается юридическое. Наказаніе понимается здѣсь, какъ пользованіе со стороны государства его правомъ самообороны противъ индивидуума; какъ возмѣщеніе причиненнаго преступленіемъ вреда; какъ дѣйствіе, посредствомъ котораго преступникъ освобождается отъ слѣдствій нарушенія договора, на которомъ покоится правовое общеніе, и т. п. Однако, всѣ эти теоріи покоятся по большей части на фикціяхъ и страдаютъ тѣмъ общимъ недостаткомъ всякаго построенія дѣйствительности изъ понятій, что широкая полнота первой не укладывается въ хрупкія формы послѣднихъ. Къ тому же понятіе, которое должно установить сущность явленій, по большей части, не извлекается изъ фактовъ, а вводится въ нихъ. И здѣсь, какъ при поискахъ за абсолютными идеями, большую роль играетъ несовершенная индукція. Полученное изъ единичныхъ случаевъ положеніе примѣняется per analogiam ко всѣмъ остальнымъ, при чемъ тутъ дѣло не обходится, конечно, безъ безсознательной, по крайней мѣрѣ, передержки. Здѣсь совершается также опасная ошибка, въ силу которой считаются тождественными понятія, которыя имѣютъ только нѣкоторыя сходныя черты [1]).

---

[1]) Примѣромъ такого пониманія, покоящагося на несовершенной индукціи и мнимой аналогіи, является (находящееся подъ вліяніемъ Фихте) толкованіе Гейнце, которое считаетъ наказаніе дѣйствіемъ, снова устраняющимъ возникшее вслѣдствіе преступленія неравенство (ср. Holtzendorff, *Handbuch des deutschen Strafrechts*, т. I, стр. 32 и сл.). „Конечно, обычное теперь наказаніе путемъ лишенія свободы затемнило понятіе объ „актѣ наказанія“ (тамъ же, стр. 322). Если бы можно было аргументы противъ теоріи устранять просто, какъ „затемненія“ понятій, было бы гораздо легче создавать построенія. Впрочемъ, изгнаніе и снова отпадающее послѣ

Есть двоякая возможность выводить право общества наказывать изъ принципа, не содержащагося въ существующемъ уже правовомъ порядкѣ. Или общество получаетъ полномочіе наказывать отъ стоящей надъ нимъ силы, которая вообще представляетъ источникъ всякаго права, или это полномочіе вытекаетъ съ необходимостью изъ природы самого общества, такъ что функціонированіе уголовнаго права причисляется къ моментамъ, путемъ которыхъ общество утверждаетъ и поддерживаетъ свое существованіе. Первая альтернатива—трансцендентнаго характера и познаваема лишь умозрительнымъ путемъ; второю альтернативой должна объяснять уголовное право наука. Въ ней лежитъ и реальное ядро всѣхъ возможныхъ дедукцій оправданія наказанія.

Всѣ предписанія и запрещенія предполагаютъ предписывающую и запрещающую власть. Всѣ предписанія и запрещенія могутъ истекать изъ чистаго произвола этой власти или изъ необходимыхъ ея цѣлей. Произволъ или необходимыя цѣли предписывающей и запрещающей власти суть послѣдніе возможные источники всѣхъ нравственныхъ и правовыхъ законовъ. Если при извѣстномъ предписаніи спрашиваютъ о предписывающей власти, а затѣмъ о томъ, отъ какой власти получила она право предписывать, потомъ—о правовомъ основаніи, изъ котораго вторая власть выводитъ санкцію своей дѣятельности

акта наказанія уменьшеніе правъ преступника,—по Гейнце, двѣ главныхъ формы наказанія,—покоятся психологически въ послѣдней инстанціи на влеченіи къ возмездію. Безъ него мы совсѣмъ не пришли бы къ требованію энергической реакціи противъ члена правового общенія за учиненную имъ неправду, но разсматривали бы преступленіе, какъ явленіе природы, которое нужно предотвратить. Всякое практическое требованіе должно, въ концѣ-концовъ, сводиться къ человѣческому влеченію. И гражданско-правовое принужденіе къ возмѣщенію ущерба, по аналогіи съ которымъ Гейнце конструируетъ уголовное принужденіе, имѣетъ психологическое основаніе своего возникновенія во влеченіи къ мести или возмездію, какъ это ясно показываютъ намъ начатки всякаго правового развитія.

и т. д., то очевидно, что этотъ регрессъ правооснованій не можетъ продолжаться безконечно, но, въ концѣ концовъ, мы придемъ къ послѣднему основанію права, которое не можетъ уже представлять собою право, но есть нѣчто фактическое.

Далѣе, всякое предписываніе и запрещеніе предполагаетъ разумную власть, такъ какъ функціи предписыванія и запрещенія мыслимы только, какъ дѣйствія интеллекта. Эмпирическая же наука не знаетъ разумной власти внѣ общества и его членовъ. Для научнаго выведенія права можетъ быть найдено, такимъ образомъ, конечное основаніе только въ обществѣ. Изъ сказаннаго ясно, что выведеніе позитивнаго права опять-таки не можетъ истекать изъ права, но только или изъ произвола правообразующихъ членовъ общества или изъ постулатовъ, которые основываются на фактическихъ состояніяхъ общества. Если то фактическое, что̀ лежитъ въ основѣ права, мыслить, какъ право, неизбѣжно притти къ мысли Спинозы, что естественное право каждаго человѣка тождественно съ его силой, при чемъ совершенно стирается различіе между сущимъ и должнымъ.

Однако, исходящее отъ голаго произвола право является правомъ только съ его формальной стороны; по матеріальному основанію оно только тогда есть право, когда соотвѣтствуетъ конкретному состоянію общества. Положеніе же общества можно разсматривать двояко. Субъективно оно образуется психологическими состояніями индивидуумовъ, объективно—совокупностью всѣхъ индивидуумовъ и условіями существованія общественнаго цѣлаго. Всякое выведеніе даннаго права должно, поэтому, доказать, что послѣднее соотвѣтствуетъ субъективному и объективному положенію общества. Это—критерій, который даетъ высшее оправданіе дѣйствующаго права.

Если мы примѣнимъ это положеніе къ вопросу объ оправданіи наказанія, то найдемъ, во-первыхъ, что

субъективныя свойства человѣка требуютъ и требовали во всѣ времена существованія наказанія. Мы уже ознакомились съ властнымъ влеченіемъ, которое побуждаетъ человѣка къ реакціи противъ нарушителя правовыхъ нормъ. Даже немногіе благородные умы сумѣвшіе освободиться отъ власти влеченія къ возмездію, выставили требованіе энергическихъ мѣръ противъ виновника неправды, хотя они и указывали для этого вмѣшательства не репрессивныя, но предупредительныя цѣли. Чувства людей, сообразно воззрѣніямъ эпохи, могутъ высказываться противъ той или другой формы наказанія, но наказаніе вообще не осуждалось еще никогда ни однимъ народомъ. Сколько ни писали и не размышляли о проблемѣ наказанія, однако никто не выдвинулъ воззрѣнія, которое отвергало бы оправданіе наказанія вообще. Теоретическія разногласія господствуютъ только по поводу обоснованія, формы, примѣненія и цѣли наказанія, но самый его принципъ всегда оставался безспорнымъ.

Основаніемъ этого является то, что, во-вторыхъ, всюду, гдѣ соціальная жизнь развилась дальше самыхъ примитивныхъ начальныхъ формъ, неясно ощущается или ясно сознается объективная необходимость наказанія, какъ функціи, возникающей изъ общественныхъ цѣлей. Соціальное значеніе наказанія можно измѣрить, попытавшись представить себѣ теченіе общественной жизни послѣ гипотетическаго допущенія о пріостановленіи карающей дѣятельности общества. Результаты этой мѣры были бы такіе: во-первыхъ, чрезвычайное быстрое пониженіе уваженія къ закону; затѣмъ, разнузданность дурныхъ страстей у тѣхъ людей, которыхъ сдерживаетъ въ границахъ правовыхъ нормъ только страхъ передъ закономъ; наконецъ, возрожденіе самаго примитивнаго правового средства принужденія, самоуправства, и самой примитивной реакціи на психологическія послѣдствія неправды, мести. Разрушительныя

силы которыя накапливаются въ обществѣ и ждутъ только благопріятнаго момента, чтобы выступить наружу, обнаружили бы свое вредное дѣйствіе въ постоянно возрастающей прогрессіи. Несоразмѣрно большая часть дѣятельности гражданъ, посвященной обычно другимъ, продуктивнымъ цѣлямъ, направлялась бы на защиту отъ нарушеній закона. Всеобщее благосостояніе понизилось бы, постоянно понижался бы средній нравственный уровень, обезсилены были бы соціальная крѣпость и энергія, мало-по-малу прекратилась бы общая культурная работа. Это—апагогическое доказательство объективно-соціальной необходимости, т.-е правомѣрности наказанія. Оно является средствомъ, которымъ должно пользоваться общество, чтобы поддерживать условія своего существованія и формы дѣятельности. Поддержаніе и прогрессъ культуры немыслимы безъ возможно-сильнѣйшей реакціи противъ всякихъ нарушеній общественной жизни. А такъ какъ поддержаніе условій существованія общества было признано объективнымъ моментомъ этическаго минимума, то нужно признать съ соціально-этической точки зрѣнія и правомѣрность наказанія, а стало быть нравственный его характеръ.

Хотя мы и доказали, такимъ образомъ, что наказаніе основывается на постоянномъ субъективномъ и объективномъ положеніи общества, однако изъ этихъ моментовъ нельзя вывести конкретное содержаніе наказанія. Оно должно сообразоваться съ постоянно измѣняющимся въ исторіи положеніемъ даннаго общественнаго организма. Наказаніе должно соотвѣтствовать, какъ и всякій соціальный продуктъ, измѣняющимся субъективнымъ и объективнымъ потребностямъ народа. Однако, и здѣсь, соотвѣтственно съ постояннымъ развитіемъ соціальныхъ состояній, можно открыть опредѣленные законы развитія. Они, по существу, сводятся къ слѣдующимъ.

Чѣмъ дальше развивается культура, чѣмъ тѣснѣе, по этому, дѣлаются взаимоотношенія отдѣльныхъ членовъ

общества, тѣмъ сильнѣе посягательства, которыя претерпѣваетъ индивидуумъ въ своемъ правовомъ существованіи, чувствуются, какъ посягательства на все общество, тѣмъ въ большей степени теряютъ индивидуальный характеръ реакціи противъ этихъ посягательствъ и принимаютъ характеръ соціальный. У менѣе развитыхъ народовъ уголовное право еще тѣсно связано съ гражданскимъ правомъ; только мало-по-малу отдѣляется оно отъ послѣдняго въ видѣ самостоятельной области, главнымъ образомъ, при содѣйствіи религіи, когда соціальное посягательство проэцируется на божественную волю и отъ имени ея требуетъ реакціи. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ цивилизаціи все большее значеніе получаетъ внутренняя жизнь индивидуумовъ. Только на извѣстной высотѣ культурнаго развитія человѣкъ пріобрѣтаетъ способность изучать личность другого человѣка и объективно оцѣнивать его дѣйствія. Первобытному человѣку исключительно его собственная личность представляется полноправною, во всѣхъ другихъ онъ видитъ почти лишь объекты, въ которыхъ субъективность присутствуетъ лишь постольку, поскольку она находится въ согласіи съ его субъективностью. Эту собственную индивидуальность онъ видитъ во всемъ окружающемъ, ею онъ оживляетъ неодушевленное и создаетъ себѣ боговъ. Но даже фетишъ, созданный имъ по своему образу и подобію, принижается имъ до степени простого объекта, когда становится къ нему во враждебное положеніе. Только благодаря росту силы знанія, съ одной стороны, и альтруизма, съ другой, онъ приходитъ къ познанію и признанію внутренней жизни отличнаго отъ него существа. Реакція противъ неправды совсѣмъ не имѣетъ въ виду первоначально субъективнаго ея момента. „Это—та первоначальная односторонность правового чувства, повторяющаяся одинаковымъ образомъ у индивидуумовъ и народовъ, при которой правовое чувство совпадаетъ еще съ чувствомъ с в о е г о права, и неправда ощущает-

ся только по своимъ послѣдствіямъ, а не оцѣнивается со стороны своихъ причинъ. [1]) Какъ скоро умъ и альтруизмъ вызываютъ признаніе субъективныхъ различій неправды, въ правосознаніе включается новый моментъ—вина. Этимъ дается новый масштабъ для оцѣнокъ неправды и реакціи противъ неправды. До этого объективная степень нарушенія и сила его ощущенія со стороны обиженнаго являются скáлою, которой измѣряется величина неправды. Теперь къ этому присоединяется вновь пріобрѣтенная, развивающаяся съ ростомъ цивилизаціи способность воспринимать субъективныя различія неправды у преступника. Чѣмъ сильнѣе становится альтруизмъ и основанныя на немъ соображенія, тѣмъ больше растетъ стремленіе объективно изслѣдовать внутреннюю жизнь человѣка, взять изъ нея масштабъ для его оцѣнки и основныя положенія для того, какъ нужно съ нимъ поступать. Прогрессъ культуры во всѣхъ областяхъ жизни общества сопровождается постояннымъ усиленіемъ значенія и признанія субъективной стороны въ человѣкѣ. Искусство сперва достигаетъ высшаго развитія въ пластикѣ, которая можетъ выразить внутреннюю жизнь лишь постольку, поскольку она отражается въ формахъ тѣла. Оно переходитъ къ расцвѣту живописи, которой уже дано путемъ различій свѣта и окраски, путемъ возможности большаго разнообразія композиціи отразить въ своихъ образахъ полноту человѣческихъ чувствъ и страстей; оно стремится, наконецъ, въ настоящее время схватить и выразить въ тонахъ неизмѣримую область современнаго углубленнаго субъективизма. Изящная литература проходитъ длинный путь отъ наивной передачи внѣшнихъ приключеній до лирическихъ признаній субъекта и тонкихъ, можетъ быть, слишкомъ тонкихъ психологическихъ набросковъ модернистовъ. Умозрѣніе въ своемъ

---

[1]) Jhering, Geist der römischen Rechts, 2 изд., ч. I., стр. 127.

историческомъ ходѣ все болѣе и болѣе признаетъ субъекта условіемъ міра и стремится, въ концѣ концовъ, познать абсолютное въ субъективномъ Я,—или въ логическихъ формахъ, или въ волѣ, или въ чемъ-либо иномъ. Въ наукѣ сперва расцвѣтаютъ отрасли знанія, относящіяся къ внѣшней природѣ, въ то время, какъ дисциплины, касающіяся человѣка, и въ особенности его психической стороны, становятся предметомъ точнаго изслѣдованія только въ болѣе позднее время. Государства исходятъ отъ деспотіи, рабства, варварскаго способа веденія войнъ и приходятъ къ признанію равноправія гражданъ, внѣ зависимости отъ того положенія, которое они занимаютъ въ соціальномъ строѣ, и къ обращенію со всѣми людьми сообразно нормѣ, признающей ихъ самостоятельность, какъ индивидуумовъ, по отношенію къ цѣлому. Такимъ образомъ, съ ростомъ культуры расширяется область субъективизма и вмѣстѣ съ тѣмъ личности, которая есть не что иное, какъ признанная правомъ субъективность. Растущее значеніе личности въ прогрессѣ исторіи является, какъ мы уже отмѣтили выше, необходимымъ слѣдствіемъ соціальнаго развитія. Ибо всякое развитіе состоитъ въ увеличеніи сложности происходящихъ въ тѣлѣ процессовъ и въ сильнѣе выражающейся индивидуальности отдѣльныхъ членовъ. Это сказывается, напримѣръ, при сравненіи животнаго низшаго порядка съ животнымъ болѣе развитымъ, или—въ одномъ и томъ же организмѣ, если сопоставлять его эмбріональный и зрѣлый типы. Въ то время, какъ въ первомъ отдѣльные органы и ихъ значеніе постигаются нерѣдко только послѣ самаго глубокаго изученія всего тѣла, во второмъ ихъ сущность непосредственно ясно бросается въ глаза. Степень самостоятельнаго значенія, признаваемая обществомъ за каждымъ изъ его сочленовъ, находится, такимъ образомъ, въ прямомъ отношеніи къ степени развитія общества. Чѣмъ оно ниже, тѣмъ больше принужденія, которому подвергается индивидуумъ, тѣмъ не-

значительнѣе его права по отношенію къ верховной власти. Чѣмъ оно выше, тѣмъ шире часть индивидуальности, которая освобождается отъ общенія и сгущается въ самостоятельное существо. Атомистическій взглядъ на государство и общество задаетъ вопросъ объ основаніяхъ, по которымъ можетъ оправдываться принужденіе противъ первоначально мыслящейся неограниченною индивидуальности. Соціальная наука, напротивъ, ставитъ вопросъ о мѣрѣ свободы, которую общество можетъ признать за тѣсно соединеннымъ съ нимъ индивидуумъ. И благодаря этому, она находится въ полномъ согласіи съ исторіей. Ибо свобода составляетъ не начальный, но конечный пунктъ исторіи. Суровой работой пріобрѣли мы себѣ этическія блага, которыя кажутся нашему сознанію столь общепонятными, какъ будто они всегда принадлежали къ необходимому содержанію человѣческаго разума. „Мысль, что человѣкъ свободенъ, труднѣе было найти, чѣмъ мысль о томъ, что земля движется вокругъ солнца; для первой мысли нельзя указать Коперника“ [1]).

Прогрессирующее признаніе субъективности, составляющее одинъ изъ великихъ результатовъ историческаго процесса, выражается въ исторіи уголовнаго права возникновеніемъ и усовершенствованіемъ понятія вины. Зарождающееся проникновеніе въ причинную связь событій, ростъ пониманія сущности своихъ и чужихъ психическихъ явленій побуждаютъ людей глубже изслѣдовать внутренніе процессы, предшествовшіе учиненію неправды. Такимъ путемъ люди приходятъ, наконецъ, къ тому, чтобы требовать реакціи только противъ послѣдствій неправомѣрныхъ поступковъ, которые совершаются нормальнымъ индивидуумомъ, сознавшимъ самого себя и свои отношенія къ обще-

---

[1]) Jhering, указ. соч., I, стр. 103.

житію [1]). Внѣшнее нарушеніе все болѣе становится только основаніемъ для познанія деликта, въ то время какъ его реальную основу все больше ищутъ въ субъективныхъ процессахъ, которые привели человѣка къ выполненію преступленія. Ощущеніе качественныхъ и количественныхъ различій въ этической цѣнности поступковъ дѣлается все тоньше, все проницательнѣе становится духовное зрѣніе мало-по-малу пріобрѣтающее способность воспринимать различія, которыхъ нельзя довести до сознанія въ грубую культурную эпоху. Дифференцирующимся количественно и качественно раздраженіямъ, которыя вызываетъ неправда, отвѣчаетъ соотвѣтствующая спецификація влеченія къ реакціи. Такимъ образомъ, возникаетъ требованіе наказанія, которое должно быть индивидуализировано соотвѣтственно количеству и качеству вины.

Спецификація оцѣнокъ ощущенія неправды имѣетъ еще другое слѣдствіе. Утонченное ощущеніе имѣетъ результатомъ и утонченную, т.-е. ослабленную по силѣ, реакцію. Ибо оба момента, которые производятъ дифференціацію ощущенія, неизбѣжно ограничиваютъ стремленіе обратить его въ поступокъ, направленный противъ виновника. Ростъ альтруистическихъ склонностей заглушаетъ потребность въ реакціи пропорціонально ихъ усиленію, а проникновеніе въ причинную связь преступнаго дѣйствія съ предшествовавшими ему психическими процессами укрощаетъ дѣйствіе страстей. Рефлексія по поводу затронувшаго насъ происшествія и ясное познаніе его причинъ смягчаютъ аффектъ. Что познаніе стремится уничтожить страсти, это — психологическая аксіома, на которой одинъ изъ величайшихъ мыслителей строитъ

---

[1]) Баръ, указ. соч., стр. 66, удачно говоритъ о правовой винѣ: она представляетъ „не что иное, какъ отраженіе въ самомъ дѣйствующемъ индивидуумѣ нарушеній, которыя общество претерпѣваетъ вслѣдствіе безнравственности индивидуума“.

зданіе своей этики и которая давно стала популярной въ формѣ поговорки: „*Tout comprendre, c'est tout pardonner*“.

Кромѣ уменьшенія стремленія къ реакціи, прогрессъ культуры несетъ съ собой и бо́льшую устойчивость и прочность соціальнаго строя. Послѣдній противопоставляетъ, поэтому, больше силы противъ нападеній, которыя на него направлены. Нарушеніе, которое вызываетъ въ обществѣ неправда, стоитъ въ обратномъ отношеніи къ высотѣ цивилизаціи. Чѣмъ прочнѣе правовой порядокъ, чѣмъ вѣроятнѣе реакція противъ неправды, тѣмъ ничтожнѣе соціальное колебаніе, которое составляетъ слѣдствіе противоправнаго поступка, тѣмъ незначительнѣе и сила реакціи, потребной для того, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе. Третьимъ историческимъ закономъ въ развитіи наказанія является, поэтому, постоянное уменьшеніе мѣры наказанія[1]). Уголовное право, быть, можетъ самое лучшее, какое только существуетъ, мѣрило культуры. Совмѣстные интересы общества, цѣнность личности, средній уровень альтруистическихъ стремленій, степень интеллектуальныхъ способностей, психологическаго и соціальнаго сознанія народа, прочность правового порядка и правосудія, совершенство государственныхъ мѣръ защиты противъ неправды, находятъ въ немъ свое выраженіе. Если исторія не сохранила

---

[1]) При условіи, если ходъ развитія права у народа не прерывается внѣдреніемъ чужого права, какъ, напримѣръ, древнееврейскаго въ позднѣйшее римское и римскаго въ германское право. Исключеніе изъ этого правила представляетъ переходъ наказанія изъ гражданскаго въ публичное право, ибо только вслѣдствіе этого преступленіе ощущается въ самой полной мѣрѣ, какъ посягательство на общество и получаетъ, поэтому, несоразмѣрно большую цѣнность, чѣмъ ту, какую имѣло прежде, когда относилось лишь къ непосредственно потерпѣвшему субъекту. Композиціи являются, поэтому, всегда мягче, чѣмъ исторически слѣдующія за ними наказанія. Но какъ скоро публичный характеръ наказанія развился, начинается постепенный процессъ смягченія и уменьшенія наказанія.

намъ отъ какого-нибудь народа ничего другого, кромѣ его уголовнаго права, мы въ состояніи опредѣлить только по нему степень его моральной и интеллектуальной культуры, какъ естествоиспытатель по найденной кости можетъ реконструировать скелетъ погибшаго животнаго.

Какое значеніе имѣетъ въ жизни общества наказаніе, отчасти намъ уже извѣстно изъ предыдущаго. При точномъ его опредѣленіи мы должны имѣть въ виду, каковы возможныя послѣдствія неправды. Въ третьей главѣ мы нашли въ качествѣ таковыхъ: непосредственное поврежденіе охраняемаго правомъ блага и психологическія послѣдствія нарушенія нормы, а именно: вызванное поврежденіемъ блага раздраженіе и возникающее изъ него стремленіе къ реакціи; склонность къ новымъ преступленіямъ у морально нездоровыхъ индивидуумовъ; уменьшеніе чувства правовой обезпеченности; колебаніе уваженія къ праву, и потому уменьшеніе психологическаго его дѣйствія. Эти своеобразныя психологическія явленія представляютъ слѣдствія заболѣванія индивидуальной воли и симптомы вызванной имъ соціальной болѣзни, которую въ различныхъ степеняхъ и комбинаціяхъ можетъ вызвать всякая неправда; это, въ сущности, нарушенія нормальнаго состоянія психическаго равновѣсія общества, которыя, если бы вышли за опредѣленную границу, привели бы къ колебанію и, наконецъ, къ паденію всего зданія культурной жизни. Такимъ образомъ, эти нарушенія должны быть заглажены, если нужно сохранить культуру. Устраненіе нарушенія можетъ послѣдовать въ силу всеисцѣляющаго дѣйствія времени, что̀ и имѣетъ мѣсто при той неправдѣ, за которую не угрожаетъ наказаніе, при тѣхъ преступленіяхъ, виновники которыхъ помилованы или не задержаны, о которыхъ не заявлено властямъ, которыя погашаются давностью, за которыя не предъявляется обвиненія. Однако, количество противныхъ нормѣ поступковъ, результаты которыхъ могутъ быть заглажены самымъ вре-

менемъ, по необходимости невелико. Если оно переходитъ извѣстный предѣлъ, то нормальному состоянію общества грозитъ опасность. Нужна, поэтому, какъ общее правило, репрессія нарушеній соціально-психологическаго состоянія равновѣсія. Предпринимаемыя обществомъ, а при болѣе развитой культурѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, спеціально государствомъ противъ виновника неправды дѣйствія, посредствомъ которыхъ должны быть заглажены вызванныя неправдою вредныя соціально-психологическія явленія, есть наказаніе.

Какъ скоро народъ пережилъ періодъ младенчества, выступаютъ одинъ или нѣсколько органовъ, чтобы совершать репрессію нарушеній равновѣсія [1]). Всего раньше дѣлаютъ это религія и нравы. Какъ уже указано, первоначально религія понимаетъ причиненіе вреда и оскорбленія человѣческому обществу, какъ обиду и оскорбленіе божеству. Она стремится, поэтому, или примирить обидчика съ божествомъ или избавить общество отъ преступнаго сочлена путемъ изгнанія послѣдняго. Формами религіозной репрессіи неправды являются искупленіе, которое приносилось божеству, или покаяніе, посредствомъ котораго грѣшникъ очищался отъ

---

[1]) Въ начальныя времена исторіи о наказаніи собственно еще не можетъ быть рѣчи. Нарушеніе права, ограничивающееся непосредственно обиженнымъ и самое большее его семьею, вызываетъ совершенно произвольную, и потому лишенную всякаго мѣрила, реакцію за обиженнаго. Только, когда достигнетъ извѣстной высоты сознаніе солидарности членовъ общества, реакція принимаетъ характеръ наказанія, ибо послѣднее, по установленному нами понятію, является возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если вредъ, за которымъ оно слѣдуетъ, разсматривается въ какой-либо степени причиненнымъ обществу и если дѣлается попытка стѣснить безмѣрное дѣйствіе мести, а это происходитъ тѣмъ путемъ, что одобреніе или установленіе опредѣленной формы реакціи беретъ на себя общественная власть.

своихъ прегрѣшеній. Карающая дѣятельность религіи предполагаетъ большую интенсивность религіозныхъ чувствъ, встрѣчающуюся только при простотѣ культурныхъ отношеній. Будучи первоначально единственною силой, въ которой воплощается уголовное правосознаніе общества, религія соперничаетъ, затѣмъ, нѣкоторое время съ карательною властью государства [1]), и, наконецъ, ея наказанія разсматриваются только, какъ усиленіе послѣдней или поражаютъ поступки, которые, по воззрѣнію эпохи, не ниже этическаго минимума.

Когда карающая дѣятельность общества освобождается отъ религіознаго базиса, она опирается, главнымъ образомъ, на народные нравы. Въ этомъ зыбкомъ элементѣ первоначально заключаются правовыя и государственныя учрежденія, пока они не кристаллизуются, съ теченіемъ времени, въ самостоятельныя образованія. На извѣстной культурной ступени непосредственно сознаваемое каждымъ воззрѣніе народа опредѣляетъ, какъ неправомѣрные поступки, требующіе соціальной реакціи, такъ и способъ этой реакціи и органы, которые должны ее выполнять. Какъ только государственная организація выработается до извѣстной высоты и усложнившіяся общественныя отношенія принудятъ право принять компактную, замкнутую форму, рушится карающая власть нравовъ. Однако, даже тамъ, гдѣ государство является единственнымъ соціальнымъ органомъ, обладающимъ полномочіемъ къ отправленію карательной власти, народные нравы все еще составляютъ, въ формѣ общественнаго неодобренія нарушенія нормъ и всеобщаго недовѣрія къ преступнику, видъ дополнительнаго наказанія, которое значительно усиливаетъ дѣйствіе наказанія, налагаемаго государствомъ. Въ дополнительномъ наказаніи нравовъ, которое нерѣдко сводится къ совершенному или частичному изгнанію преступника изъ соціальнаго круга,

---

[1]) Какъ, напримѣръ, въ delicti fori mixti каноническаго права.

къ которому онъ принадлежалъ, еще достаточно сохраняется характеръ стараго наказанія, которое лишь въ незначительной степени заботится о субъективныхъ различіяхъ вины. Наказаніе народныхъ нравовъ не знаетъ индивидуализаціи. Нравамъ не достаетъ именно органовъ, какими обладаетъ государство въ законодательной и судебной властяхъ, которыя оцѣниваютъ преступленія, не руководясь непосредственнымъ чувствомъ, но послѣ зрѣлаго размышленія и разсмотрѣнія. Дополнительное наказаніе народныхъ нравовъ имѣетъ чисто репрессивный характеръ, съ нимъ сознательно не соединяется цѣль предупрежденія, хотя фактически послѣднее имъ достигается.

На развитыхъ ступеняхъ цивилизаціи осуществлять реакцію противъ послѣдствій неправды должно, главнымъ образомъ, государство. Ибо въ этомъ соціальномъ факторѣ концентрируется мало-по-малу вся общественная энергія. Оно беретъ на себя въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи разграниченіе круга дѣйствій членовъ общества путемъ опредѣленныхъ нормъ и становится, вслѣдствіе этого, органомъ, съ помощью котораго выражается творческое стремленіе къ порядку, свойственное человѣческой природѣ и развивающееся путемъ борьбы людей, какъ между собою, такъ и съ внѣшнимъ міромъ. Оно становится правообразующею и правоохраняющею силой. Поэтому, оно должно слѣдить за тѣмъ, чтобы соціальное зданіе, покоящееся въ состояніи устойчиваго равновѣсія на базисѣ правовыхъ нормъ, не выводилось изъ этого состоянія равновѣсія какимъ-либо путемъ.

Какое же положеніе должно занять государство въ отношеніи отдѣльныхъ симптомовъ вызванной неправдою соціальной болѣзни? Прежде всего, нужно изслѣдовать, какой видъ реакціи должны вызывать тѣ формы неправды, при которыхъ приведенныя выше послѣдствія выступаютъ лишь въ ограниченномъ видѣ, затѣмъ—какое вліяніе имѣетъ каждое изъ указанныхъ нарушеній на содержаніе репрессіи.

Что касается перваго пункта, то, прежде всего, намъ нужно имѣть въ виду ту неправду, которая вызываетъ физическія послѣдствія и психическія послѣдствія которой ограничиваются, если они вообще фактически возникаютъ, главнымъ образомъ, поврежденіемъ одного индивидуума, такъ что кругъ соціальнаго потрясенія, вызваннаго деликтомъ, оказывается наиболѣе узкимъ. Поскольку неправда повреждаетъ физическое правовое благо и вызванныя физическія послѣдствія ограничиваются, поэтому, главнымъ образомъ потерпѣвшимъ въ своемъ правѣ индивидуумомъ или лишь въ незначительной степени затрагиваютъ общественное сознаніе,— передъ нами *гражданская неправда*. Поэтому, гражданская неправда различается отъ уголовной только значительно меньшею экстенсивностью и интенсивностью послѣдствій. Она относится къ неразвитымъ формамъ неправды, которая только въ уголовной неправдѣ раскрываетъ всю полноту своихъ вредныхъ послѣдствій. Но принципіальнаго различія между обѣими формами неправды найти нельзя, и я считаю, что всѣ направленныя къ этому попытки достаточно опровергнуты разрушительной критикой Меркеля. Съ точки зрѣнія развитыхъ въ этихъ строкахъ положеній естественно, что пониженіе образа дѣйствій индивидуума за предѣлъ общественно-нормальнаго, какъ въ субъективномъ, такъ и въ объективномъ отношеніи, допускаетъ различія только въ степени, но не въ родѣ.

Но и неправда, послѣдствія которой ограничиваются только обиженнымъ субъектомъ, имѣетъ соціальный характеръ, ибо индивидуумъ обиженъ, какъ членъ общества, а не какъ отдѣльное лицо. Какъ индивидуумъ, онъ имѣетъ самостоятельное существованіе, границы котораго должны поддерживаться только государствомъ, и внутри нихъ онъ свободенъ отъ всякихъ внѣшнихъ оковъ. Эта сфера предоставлена ему обществомъ и нарушенія внутри этой области личности имѣетъ индивидуальный характеръ.

Въ тѣхъ отношеніяхъ, посредствомъ которыхъ индивидуумъ связанъ съ обществомъ и охраняется послѣднимъ, каждое поврежденіе является, въ то же время, поврежденіемъ общества. Поэтому, всякой неправдой, т.-е. и гражданской, затрагивается само общество [1]).

Возможныя послѣдствія неправды бываютъ двоякаго рода: физическія и психическія. Первыми нарушается существующее положеніе въ мірѣ объектовъ, которое можетъ быть возстановлено, по крайней мѣрѣ, по своей цѣнности; вторыми создается, напротивъ, внутри субъектовъ такое состояніе, слѣды котораго хотя и могутъ быть уничтожены, но при которыхъ, собственно, не можетъ быть рѣчи о возстановленіи прежняго состоянія, потому что психологическій космосъ находится въ безпрерывномъ движеніи и такъ какъ въ психологической области совершенно нѣтъ объективнаго масштаба оцѣнки. Противорѣчащее нормѣ внѣшнее положеніе, безразлично, вызвано ли оно неправомѣрнымъ поступкомъ или случаемъ, имѣетъ способность *возмѣщенія*; психологическіе слѣды неправды, напротивъ, не могутъ быть возстановлены, но лишь *прекращены*. Возмѣщеніе физическаго, не соотвѣтствующаго нормѣ положенія, есть вознагражденіе; репрессія психическихъ послѣдствій неправды есть *наказаніе* [2]).

---

[1]) „Общая воля государства должна во всѣхъ своихъ функціяхъ имѣть дѣло съ общимъ интересомъ, а не съ индивидуальнымъ интересомъ, какъ таковымъ. Послѣдній принципіально занимаетъ ее лишь постольку, поскольку совпадаетъ со всеобщимъ интересомъ. Поскольку имѣетъ мѣсто послѣднее, считаетъ себя оскорбленной въ лицѣ индивидуума и общество". Merkel, указ. соч., стр. 34. Эту истину зналъ, впрочемъ, уже Руссо, когда онъ объявилъ всякое поврежденіе, причиненное индивидууму послѣ заключенія общественнаго договора, за нападеніе на общество: *„Sitôt que cette multitude est ainsi réunie en un corps on ne peut offenser un des membres sans attaquer le corps". Du contrat social*, l. I. ch. VII.

[2]) Подробное обсужденіе вопроса объ отношеніи возмѣщенія ущерба и наказанія, который такъ много дебатировался недавно по почину

Всѣ противные нормѣ поступки или, во всякомъ случаѣ, весьма большая часть ихъ вызываютъ, ставъ извѣстными, психологическія послѣдствія. Но эти послѣдствія должны раньше достичь извѣстной высоты, чтобы противъ нихъ стало реагировать государство. Было бы нелѣпо и даже невозможно, если бы государство и при самомъ незначительномъ нарушеніи равновѣсія пожелало привести въ движеніе весь тяжеловѣсный аппаратъ уголовной юстиціи. Компенсацію такихъ минимальныхъ нарушеній производитъ быстролетный ходъ жизни, и не нужно особыхъ мѣръ противъ этихъ преходящихъ, мало ощутительныхъ колебаній. Если психологическія послѣдствія неправды ограничиваются исключительно непосредственно-потерпѣвшимъ индивидуумомъ, государство можетъ въ случаяхъ, когда неправдою поражается физически вознаградимое благо, довольствоваться исполненіемъ гражданско-правового требованія о возмѣщеніи ущерба. Актъ возмѣщенія въ то же время поглощаетъ психологическій ущербъ, если таковой существуетъ. Иное положеніе, если поврежденіе поражаетъ физически невознаградимыя блага или поврежденіемъ физическихъ благъ вызываются психологическія послѣдствія, которыя не только непрерывно живутъ въ непосредственно-пораженномъ противнымъ нормѣ поведеніемъ индивидуумѣ, но и простираютъ свое дѣйствіе далеко за его предѣлы. Поэтому, въ этихъ случаяхъ по правилу (рядомъ съ физическимъ возмѣщеніемъ, если оно вообще возможно) должна наступить репрессія психологическихъ послѣдствій неправомѣрнаго поведенія. Эта репрессія возможна только путемъ реакціи противъ виновника деликта и этимъ она отличается отъ возмѣщенія, которое имѣетъ

Меркеля, я считаю выходящимъ за предѣлы подлежащей моему рѣшенію здѣсь задачи, тѣмъ болѣе, что я считаю, въ силу выставленныхъ въ текстѣ положеній, оба явленія совершенно различными по существу.

въ виду лишь возстановленіе объективнаго положенія въ мірѣ правовыхъ благъ, и потому стоитъ къ индивидууму, причиняющему объективное нарушеніе, въ болѣе свободномъ отношеніи, чѣмъ карающая репрессія [1].

Поскольку путемъ наказанія должно быть заглажено только индивидуально-психологическое нарушеніе равновѣсія, оно имѣетъ характеръ удовлетворенія. Если послѣдствія деликта ограничиваются только непосредственно-обиженнымъ индивидуумомъ, это, конечно, можно узнать только потому, что онъ объявляетъ себя обиженнымъ. Реакція должна наступить только тогда, когда обиженный требуетъ репрессіи за внутреннее его нарушеніе. Ибо нехотѣніе имъ репрессіи доказываетъ, что или нѣтъ нарушенія, или оно уже заглажено другимъ способомъ. Второй формой неполной неправды является подстрекательство.

Моментъ удовлетворенія сохраняется въ наказаніи даже и тогда, если вызванныя неправдою психологическія колебанія выходятъ за предѣлы непосредственно-обиженнаго индивидуума. Чѣмъ болѣе широкіе круги захватываютъ эти колебанія, чѣмъ тяжелѣ, слѣдовательно, представляется съ объективной точки зрѣнія преступленіе, тѣмъ меньшее значеніе имѣетъ наказаніе, какъ удовлетвореніе, такъ что въ самыхъ тяжелыхъ преступленіяхъ послѣднее, по большей части, исчезаетъ или совершенно, какъ, напримѣръ, при неумышленнымъ или умышленномъ убійствѣ, гдѣ оно становится невозможнымъ за отсутствіемъ потерпѣвшаго субъекта. Индивидуальный вредъ уменьшается съ увеличеніемъ силы

---

[1]) О непризнаніе различія между возмѣщеніемъ и наказаніемъ разбивается теорія Велькера, который понимаетъ наказаніе, какъ возмѣщеніе интеллектуальнаго вреда. Несмотря на это, за Велькеромъ надо признать ту заслугу, что онъ широко постигъ соціальное значеніе наказанія и съ большимъ совершенствомъ понялъ его цѣли. О различіи между возмѣщеніемъ и наказаніемъ см. ясныя соображенія у Биндинга, въ указ. соч., стр. 207 и сл.

преступленія въ случаѣ посягательствъ, которыя претерпѣваетъ все общество [1]).

Третья неразвитая форма неправды имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, если деликтъ состоитъ не въ поврежденіи правового блага, а только въ нарушеніи предписанія, имѣющаго цѣлью устраненіе возможности такого повреждения или вообще въ неподчиненіи изданному государствомъ повелѣнію, требовать исполненія котораго государство имѣетъ право съ цѣлью выполненія его необходимыхъ цѣлей, вслѣдствіе чего здѣсь характеръ деликта опредѣляется только присущимъ всякой винѣ моментомъ неповиновенія, неуваженія къ правовому предписанію. Здѣсь слѣдствія противоправнаго образа дѣйствій сводятся, главнымъ образомъ, къ ослабленію уваженія къ закону и побужденію къ новымъ преступленіямъ; соотвѣтственно съ этимъ, наказаніе направлено здѣсь на репрессію этихъ двухъ выраженій неправды. Въ то время, какъ, такимъ образомъ, нарушеніе, вызванное гражданско-правовою неправдой и подстрекательство выражаются въ психологическихъ послѣдствіяхъ, ограничивающихся только индивидуумомъ, такъ называемая полицейская неправда и непови-

[1]) Недавно Биндингъ, указ. соч., стр. 172, развилъ взглядъ на наказаніе, вообще какъ на удовлетвореніе. Утвержденіе, что наказаніе уничтожаетъ вредное дѣйствіе преступника, отвергается имъ, какъ „ошибочное представленіе“. Однако, въ чемъ же иначе можетъ состоять удовлетвореніе, какъ не въ уничтоженіи вреднаго дѣйствія поступка, путемъ ли добровольнаго дѣянія преступника или путемъ направленнаго противъ него принужденія. Вѣдь, удовлетвореніе мыслимо только, какъ результатъ *психологическаго* процесса, т.-е. предполагаетъ всегда индивидуумовъ, у которыхъ оно можетъ наступить. Впрочемъ, если олицетворять общество и государство и чисто антропоморфически снабжать ихъ умомъ, чувствомъ и волею, то можно объяснять сумму послѣдствій наказанія, какъ удовлетвореніе этого большого индивидуума. Однако, зачѣмъ нужна такая совершенно не имѣющая научнаго значенія фикція? Или, быть можетъ, удовлетвореніе должно служить правовой или государственной идеѣ, царящей, внѣ всякихъ субъективныхъ отношеній, въ заоблачномъ замкѣ?

новеніе производятъ, хотя и ничтожное, но, все же, выходящее за предѣлы одного индивидуума колебаніе, къ тому же составляющее лишь часть возможныхъ послѣдствій неправды [1]). Первыя формы неправды вызываютъ экстенсивно-неполныя, а эти—интенсивно-неполныя нарушенія соціально-психологическаго равновѣсія.

Изъ обоихъ указанныхъ послѣдствій неправды, повидимому, особенно выдающееся вліяніе на опредѣленіе наказанія принадлежитъ второму,—побужденію у склонныхъ къ этому къ новымъ преступленіямъ, чему соотвѣтствуетъ у этически здоровыхъ людей уменьшеніе чувства безопасности. Однако, углубленное изслѣдованіе возможности и допустимости устрашенія приводитъ къ двумъ

---

[1]) Съ полнымъ правомъ указываетъ Баръ, указ. соч., стр. 22, на имморальный характеръ полицейской неправды: „Поступки этого рода нарушаютъ или подвергаютъ опасности необходимую совмѣстную жизнь человѣка, они дѣлаютъ это, по крайней мѣрѣ, по воззрѣнію законодателя или даннаго общества, которому индивидуумъ долженъ подчиняться. Что же иное представляетъ собою нравственность, какъ не образъ дѣйствій, который справедливо и гармонически оберегаетъ и содѣйствуетъ рядомъ съ интересами индивидуума интересамъ его ближняго и всего человѣчества, т.-е. и того общества, къ которому онъ принадлежитъ?“ Если противъ этого Биндингъ, указ. соч., стр. 184, примѣч., замѣчаетъ: „Мы должны объяснять неправду изъ права, которое покоится на суверенитетѣ общей воли по отношенію къ индивидуальной волѣ, и не можемъ и не должны понимать ее изъ нравственности“, то это мнѣніе основывается на вообще индивидуалистическомъ пониманіи этики со стороны Биндинга, которое позволяетъ ему отважиться на весьма смѣлое утвержденіе, что въ области нравственности нѣтъ безусловно обязывающихъ нормъ и что *должны* быть противоправные поступки, которые могутъ быть нравственными. Если не принципы этики, а суверенная общая воля должна составлять послѣдній базисъ права, то оно падаетъ до степени безотчетнаго произвола, ибо общая воля можетъ объявить правомъ самое безсмысленное и безнравственное, и исторія можетъ привести нѣкоторые примѣры этого; если „камни государственнаго фундамента правовыхъ нормъ“ не покоятся на нравственной почвѣ, то рано или поздно рушится все зданіе, украшенное завитками юридическихъ хитросплетеній.

заключеніямъ. Назначенное преступнику наказаніе является постоянной или только незначительно-измѣнчивой величиной, которая отражается на безконечно различныхъ индивидуальностяхъ безконечно различно. Чтобы добиться успѣшнаго устрашающаго дѣйствія наказанія, государство должно было бы устроить такъ, чтобы оно образовало у различныхъ индивидуумовъ равносильный мотивъ къ воздержанію отъ неправды, а это— явная невозможность; вмѣсто одного нужно назначать x наказаній, и законодатель долженъ былъ бы знать, по крайней мѣрѣ, приблизительно характерныя группы склонныхъ къ преступленію. Чтобы произвести длящееся дѣйствіе, устрашеніе дожно быть въ состояніи индивидуализироваться сообразно характерамъ тѣхъ людей, кого устрашаютъ. Но такъ какъ законодатель всегда считается только со средними величинами, то онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, избирать болѣе строгія наказанія, которыя оказываютъ относительно сильное давленіе на склонныхъ къ неправдѣ. Однако, задачей государства является не только наказывать, но давать правовое выраженіе всѣмъ законнымъ требованіямъ общества. Оно должно, прежде всего, осуществлять исторически развившееся значеніе личности, такъ чтобы, гдѣ этого не требуютъ настоятельно обстоятельства, не приносить въ жертву цѣлямъ общества всего человѣка. Оно должно производить только такое уменьшеніе правъ личности, которое неизбѣжно необходимо для поддержанія цѣлаго. А такъ какъ совершеніе преступленій не является безусловной соціальной необходимостью [1]), такъ какъ, далѣе, какъ уже указано, въ достовѣрности кары за-

---

[1]) „Ибо, какъ недоказуемо и невѣрно то, что наказаніе есть специфическое средство предотвращенія преступленій, такъ ошибочно и опровергается ежедневнымъ опытомъ то, что несовершеніе преступленій неизбѣжно для сохраненія правового порядка“. Heinze, указ. соч., стр. 265.

ключается самый сильный мотивъ устрашенія [1]), то въ качествѣ общаго требованія отъ наказанія въ отношеніи устрашенія можно выставить только то, чтобы въ среднемъ причиняемая наказаніемъ невыгода была больше доставляемыхъ преступленіемъ выгодъ.

Государственная репрессія соціальныхъ послѣдствій деликтовъ не можетъ быть математически точной, такъ чтобы она безъ остатка устраняла общее потрясеніе; остается, все-таки, большая или меньшая доля, колебаніе которой успокаиваются вліяніями другихъ общественныхъ органовъ или же даютъ поводъ къ новымъ насильственнымъ проявленіямъ. Если уже терапія физіологическихъ нарушеній животнаго организма наталкивается на труднопреодолимыя препятствія, то препятствія эти въ тысячу разъ увеличиваются въ случаѣ человѣческаго общества, самаго сложнаго образованія,какое только существуетъ.

Развитою неправдой является такая, которая кромѣ указанныхъ до сихъ поръ общихъ психологическихъ послѣдствій, можетъ вызвать въ большемъ объемѣ непосредственное влеченіе къ реакціи. Мы обозначили это влеченіе къ реакціи, какъ спеціальный случай того всеобщаго факта, что организмы превращаютъ раздраженія въ движенія. Оно принадлежитъ, такимъ образомъ, къ свойствамъ человѣческой природы и настоятельно требуетъ удовлетворенія точно такъ же, какъ позывъ къ принятію пищи и питья. Мы видѣли, далѣе, что съ ростомъ культуры возрастающій альтруизмъ и хладнокровная рефлексія укрощаютъ первоначальное влеченіе. Въ дѣйствіе переходятъ все убывающее количество ощущенія. Ощущеніе, не стоящее первонально съ внѣшнимъ поводомъ его въ постоянномъ отношеніи по величинѣ, индивидуализируется сообразно съ объективными и субъ-

[1]) Относительно незначительное психологическое воздѣйствіе устрашенія очень хорошо выясняетъ Holtzendorff, указ. соч., гл. 2 и сл. Что говорится здѣсь о смертной казни, отчасти можетъ быть примѣнено и ко всякому наказанію.

ективными обстоятельствами вызывающаго его случая; такимъ же образомъ индивидуализируется величина ощущенія, которая превращается во влеченіе къ реакціи противъ виновника ощущенія. Представители абсолютной теоріи правильно почувствовали большое значеніе для наказанія возмездія, но они не дошли до яснаго пониманія его сущности, такъ какъ вмѣсто того, чтобы подвергнуть возмездіе точному психологическому и историческому анализу, они устранили его изъ области измѣнчивыхъ явленій эмпирическаго и перенесли въ сферу долженствующаго быть, осуществляемаго съ вѣчно-равной этической необходимостью, вслѣдствіе чего они не могли объяснить реальнаго теченія явленій или были принуждены обращаться къ помощи принциповъ пользы и выводить дѣйствительность изъ мезальянса противорѣчій, внутренняя природа которыхъ противится всякому долговременному соединенію.

Во влеченіи къ возмездію, главнымъ образомъ, нужно искать то, что̀ называютъ уголовноправовымъ сознаніемъ народа. Ибо въ вызванномъ преступленіемъ ощущеніи и затѣмъ въ вытекающемъ изъ послѣдняго требованіи реакціи заключается настоящая (не поддающаяся количественному опредѣленію) соціальная оцѣнка, или, если угодно, осужденіе преступленія, которое зависитъ отъ государственныхъ, нравственныхъ, экономическихъ, религіозныхъ, правовыхъ и т. п. воззрѣній народа. Ибо этими психическими силами создается духовное состояніе членовъ общества, а въ раздраженіи, произведенномъ нарушеніемъ равновѣсія, отражается, конечно, существо элементовъ, которыя выведены изъ ихъ обычнаго положенія.

Если законодатель желаетъ сохранить въ соціально-психологическомъ организмѣ жизненность наказанія, какъ нормально-дѣйствующей силы, онъ долженъ признавать преступленіе болѣе или менѣе важнымъ, сообразно мѣняющейся при разныхъ деликтахъ силѣ влеченія къ

реакціи, и затѣмъ, при опредѣленіи наказанія и карательныхъ мѣръ, освѣдомляться о степени энергіи, съ которой это влеченіе требуетъ удовлетворенія.

Государственная репрессія психологическихъ послѣдствій неправды не начинается только фактическимъ назначеніемъ наказанія уже осужденному преступнику; всѣ учрежденія, которыя существуютъ, чтобы подвергнуть нарушителя правовой нормы окончательной карѣ, участвуютъ въ репрессивномъ дѣйствіи.

Поэтому, наказаніе начинается, собственно, уже съ выраженной въ уголовномъ законѣ воли государства карать преступленія; поэтому, мѣры, которыя примѣняются, чтобы настичь преступника—слѣдствіе, возбуждаемое противъ него, судебное засѣданіе, въ которомъ разбирается о немъ дѣло, вынесеніе и объявленіе приговора — составляютъ моменты въ актѣ наказанія, въ которомъ исполненіе приговора состовляетъ лишь заключительный пунктъ.

Мы выяснили до сихъ поръ основной репрессивный характеръ наказанія. Намъ еще нужно разсмотрѣть его побочное, превентивное значеніе.

Нельзя отрицать того, что карающая дѣятельность государства, отъ установленія уголовнаго закона до назначенія накаазнія, составляетъ значительный мотивъ къ воздержанію отъ преступленій. При этомъ, должно замѣтить, что въ идеѣ склонность къ учиненію неправды, возникшую вслѣдствіе опредѣленнаго преступленія, нужно отличать отъ наклонности къ преступленію, существующей независимо отъ поощряющихъ примѣровъ. Первая, какъ и бблыпая наклонность къ преступленію, вызванная психической привычкой въ преступникѣ, принадлежитъ къ непосредственнымъ психологическимъ послѣдствіямъ отдѣльнаго деликта и относится, поэтому, къ состояніямъ, съ которыми нужно бороться путемъ репрессіи; вторая же достается на долю предупреждающей дѣятельности государства.

Въ этой послѣдней вся карательная функція играетъ роль, которую нельзя цѣнить слишкомъ низко. Если не пришли къ правильному пониманію соціальнаго значенія наказанія тѣ, кто сводятъ цѣль наказанія исключительно къ предупрежденію, все же они съ полнымъ основаніемъ выдвинули весьма важный моментъ въ общемъ дѣйствіи наказанія, который нельзя упускать изъ виду. Угроза наказаніемъ, которая содержится для обычнаго человѣческаго разсудка въ уголовномъ законѣ, подавляетъ, конечно, значительное число преступленій въ самомъ ихъ зародышѣ [1]). То же дѣйствіе оказываютъ всѣ слѣдующія стадіи наказанія, вплоть до исполненія и послѣдствій наказанія, все равно, предполагалось ли такое дѣйствіе или нѣтъ. Народное воззрѣніе, поэтому, уже давно видитъ одну изъ главныхъ цѣлей наказанія въ предупрежденіи преступленій, и, несмотря на всякіе теоретическіе протесты, устрашеніе все еще играетъ практически большую роль въ уголовномъ правѣ.

Нетрудно убѣдиться также въ томъ, что все сказанное выше о репрессивномъ устрашеніи можетъ съ полнымъ правомъ быть отнесено и къ предупрежденію. Притомъ, наказаніе есть только одно изъ многихъ средствъ, которыя могутъ примѣняться противъ сложнаго

[1]) Возраженія и улучшенія, которыя испытала теорія Фейербаха, очень поучительны для столь развитой раньше у германца способности не видѣть дѣйствительности. Свободный человѣкъ, который, возмутившись угрозой наказанія, разсматривающей его, какъ собаку, совершаетъ преступленіе, чтобы доказать свою свободу, съ успѣхомъ могъ бы никогда не переходить въ дѣйствительность со строкъ Гегелевской философіи права. Если Бауэръ хотѣлъ бы превратить устрашающую угрозу въ нравственное предостереженіе, то это доказываетъ лишь, насколько великій учитель уголовнаго права превзошелъ его въ знаніи природы преступника. Ярко выраженная преступная натура будетъ всегда разсматривать государство и право только, какъ страшныхъ враговъ, какъ угнетеніе и оковы для ея стремленій. Кто доступенъ еще мягкому голосу предостереженія, тотъ услышитъ его скорѣе въ своей совѣсти, чѣмъ въ сухихъ положеніяхъ права.

соціальнаго феномена—преступленія. Далѣе, такъ какъ оно можетъ дѣйствовать на большую часть людей только вполнѣ внѣшнимъ образомъ и такъ какъ отъ него нельзя ожидать, чтобы вслѣдствіе вызванныхъ имъ процессовъ мотиваціи производилось внутреннее, длящееся измѣненіе характеровъ, то ясно, что тамъ, гдѣ недостижимы быстрыя, сильныя воздѣйствія во что бы то ни стало, что осуществляется, напр., военнымъ судомъ, вліяніе устрашающаго момента въ общемъ ходѣ наказанія должно быть въ высшей степени незначительно, если не совсѣмъ неуловимо. Превентивное побочное дѣйствіе наказаніе проявляетъ въ достаточной мѣрѣ и въ томъ случаѣ, если въ его образованіи принимаютъ участіе только его репрессивныя цѣли.

Другая возможность связать съ наказаніемъ превентивныя цѣли предоставляется государству вслѣдствіе особеннаго развитія, которое приняло исполненіе наказанія. Исполненіе наказанія именно все болѣе утрачивало характеръ наглядности. На раннихъ ступеняхъ культуры наказаніе представляетъ собою величину, содержаніе которой совершенно ясно общественному сознанію. Вслѣдствіе того, что въ новое время лишеніе свободы оттѣснило на задній планъ всѣ другіе виды наказанія, а путемъ лишенія свободы вызывалось полное отдѣленіе осужденнаго отъ юридически неприкосновенныхъ гражданъ, послѣдніе имѣютъ лишь смутное представленіе о томъ, что̀ долженъ вынести осужденный. Большинство гражданъ почти совершенно незнакомо съ внутреннимъ устройствомъ тюремъ, съ порядкомъ, которому должны подчиняться заключенные, съ работами ихъ. Влеченіе къ реакціи у современныхъ людей или, если угодно, современное правосознаніе требуетъ только опредѣленныхъ формъ наказанія, не заботясь болѣе объ ихъ содержаніи; въ лучшемъ случаѣ оно требуетъ, чтобы тяжесть и гнусность деликта выдѣлялись и болѣе тяжелыми формами

лишенія свободы. Вслѣдствіе этого государство получаетъ свободу использовать содержаніе наказанія для превентивныхъ цѣлей; а какимъ образомъ можетъ оно осуществлять послѣднее всего лучше, если не стремленіемъ произвести исправленіе преступника?

Попыткою исправленія преступника государство, въ тоже время, искупаетъ отмѣченную нами коллективную вину, которая заключается въ неправдѣ,—тѣмъ, что оно старается вновь устранить вредное вліяніе соціальныхъ силъ, которыя сыграли роль въ образованіи характера преступника и совершеніи преступленія. Если бы мы приблизились въ нашей сущности къ идеалу человѣчества, то мы видѣли бы въ заблуждающемся братѣ лишь человѣка, отставшаго отъ насъ въ стремленіи подняться выше. Однако, пока общество состоитъ изъ людей, обуреваемыхъ неистребимыми влеченіями и страстями, которымъ не должно быть мѣста въ идеальномъ образѣ нашей природы, до тѣхъ поръ останется болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, имѣемъ ли мы въ своемъ распоряженіи средства, чтобы произвести внутреннюю перемѣну характеровъ, до тѣхъ поръ не будетъ возможности считать исправленіе единственной или хотя бы только главной цѣлью наказанія. Замѣчательно, что цѣль исправленія въ наказаніи постоянно подчеркивалась особенно тѣми, кто былъ склоненъ за идеальнымъ человѣкомъ забывать реально существующаго, какъ это дѣлали Платонъ, церковь и въ новѣйшее время школа Краузе.

Такимъ образомъ, и наказаніе присоединяется къ тѣмъ мѣрамъ, посредствомъ которыхъ государство борется съ соціальнымъ явленіемъ преступленія. Однако, оно—согласно выводамъ предыдущей главы—не является ни исключительнымъ, ни самымъ дѣйствительнымъ палліативомъ; если имѣть въ виду безконечно сложный механизмъ порождающихъ мотивы общественныхъ силъ, легко представить себѣ, какъ незначительно вліяніе каждой отдѣльной соціальной дѣятельности въ пода-

вленіи феномена, обязаннаго своимъ происхожденіемъ дѣйствію почти всѣхъ соціальныхъ силъ.

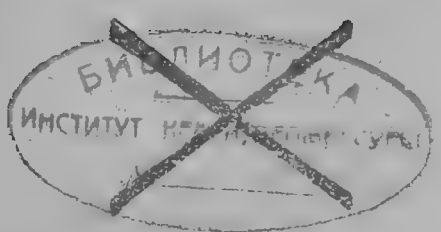
Остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ. Во всѣ времена наказаніе разсматривали, какъ актъ справедливости. Что же такое справедливость и какое существуетъ отношеніе между нею и наказаніемъ съ точки зрѣнія общественной морали?

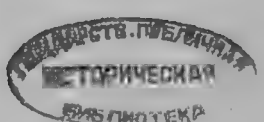
Нравственность и право имѣютъ цѣлью устроять и поддерживать порядокъ соціальныхъ молекулъ; они выдѣляютъ изъ безконечнаго разнообразія человѣческихъ поступковъ извѣстное количество ихъ и допускаютъ или предписываютъ совершеніе тѣхъ, которые соотвѣтствуютъ или содѣйствуютъ условіямъ жизни и развитія соціальнаго коллектива. Всякій порядокъ покоится на прочномъ соотношеніи соподчиненныхъ частей, или, что̀ то же самое, на обусловленномъ цѣлымъ равновѣсіи отдѣльныхъ частей. Безнравственность и неправда суть, поэтому, вызва́нныя самими членами общаго порядка нарушенія этого равновѣсія; направленная же на сдерживаніе и заглаживаніе такихъ нарушеній сознательная дѣятельность разумныхъ существъ есть справедливость.

Это понятіе справедливости лежитъ въ основаніи всѣхъ представленій объ ея сущности, которыя когда-либо высказывались. Принимаемъ ли мы въ качествѣ виновника существующаго порядка Бога, міротворящую идею, изначальное отношеніе монадъ или что-либо другое, мы всегда требуемъ, чтобы сохранялся порядокъ и требуемъ дѣятельности организующаго принципа, которая направлялась бы на сохраненіе порядка. Поэтому, присутствіе справедливости видятъ повсюду тамъ, гдѣ предполагается упроченный порядокъ; отсюда—идея художественной правды и исторической справедливости; отсюда—вѣра въ справедливость Бога, какъ творца и хранителя нравственнаго міропорядка; отсюда—слова поэта, называющаго справедливость „искуснымъ созиданіемъ мірозданія“.

Изъ предшествующихъ выводовъ совершенно ясно, что наказаніе есть актъ справедливости, конечно, не абсолютной, а соціальной справедливости. Ясно также и то, что наказаніе справедливо, несмотря на историческую измѣнчивость его содержанія, даже именно вслѣдствіе этого. Ибо общественный порядокъ не есть нѣчто неизмѣнное, а потому и нарушенія, которыя онъ претерпѣваетъ по одной и той же внѣшней причинѣ въ различныя времена, отличны одно отъ другого; поэтому, заглаживаніе должно быть пропорціонально каждому нарушенію, если само не хочетъ вызвать новаго нарушенія, т. е. быть несправедливымъ. Только косный, неподвижный порядокъ требуетъ коснаго, неподвижнаго содержанія справедливости.

$$\frac{a.1}{6.3} = x\,\frac{1}{3}$$





Изданія Н. Н. Клочкова.

ПАМЯТИ
Виктора Александровича
ГОЛЬЦЕВА.

Подъ редакціей
А. А. Кизеветтера.

СОДЕРЖАНІЕ СБОРНИКА:

I. В. А. ГОЛЬЦЕВЪ (біографическій очеркъ въ связи съ характеристикой общественнаго и литературнаго движенія 70—90 г.).
Ч. ВѢТРИНСКАГО.

II. Воспоминанія и статьи:
А. А. КИЗЕВЕТТЕРА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, С. А. МУРОМЦЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, И. И. ПЕТРУНКЕВИЧА, и др.

III. Изъ писемъ и бумагъ В. А. ГОЛЬЦЕВА, въ томъ числѣ письма къ В. А. ГОЛЬЦЕВУ.

Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевскаго, Н. В. Шелгунова, Г. И. Успенскаго, М. Е. Салтыкова, Н. К. Михайловскаго, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, А. И. Эртеля, Н. С. Лѣскова, К. Д. Кавелина, Владиміра Соловьева, Кн. С. Н. Трубецкого. А. И. Чупрова, Г. А. Мачтета, Э. Ожешковой, И. Е. Рѣпина, И. И. Левитана и др.

Чистый доходъ отъ продажи сборника получитъ просвѣтительное назначеніе, связанное съ именемъ В. А. Гольцева.

Цѣна 1 р. 75 коп.

Изданія Н. Н. Клочкова.

Имѣются во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ слѣдующіе выпуски серіи:

Памятники Русской Исторіи,

издаваемые подъ редакціей

профессор. **В. О. КЛЮЧЕВСКАГО, М. К. ЛЮБАВСКАГО, А. А. КИЗЕВЕТТЕРА, М. М. БОГОСЛОВСКАГО**, пр.-доц. **С. В. БАХРУШИНА, А. Э. ВОРМСА, Ю. В. ГОТЬЕ,** и **А. И. ЯКОВЛЕВА.**

I. Вып. Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ. Ц. 85 к.

II. „ Памятники исторіи Великаго Новгорода. Ц. 55 к.

III. „ Акты, относящіеся къ исторіи Земскихъ соборовъ Ц. 50 к.

IV. „ Памятники исторіи Смутнаго времени. Ц. 65 к.

V. „ Основные законодательные акты, касающіеся высшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи XVIII и первой четверти XIX ст. Ц. 65 к.

VI. „ Памятники исторіи крестьянъ XIV — XIX в.в. Ц. 1 р. 60 к.

VII. „ Памятники законодательства Петра Великаго. Ц. 80 к.

Складъ изданій для Москвы: книжный складъ Бр. Башмаковыхъ, Мясницкая, 26.

Складъ изданій для С.П.Б.: книжн. маг. „Право“ Владимірскій, 19.